

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 7 (823)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 7 (823)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 7 (823)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ириханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ириханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Васильюк И., канд. филол. наук (Польша)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук,
канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мальгина И. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А. д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Сухарев Ю. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
(Ин-т рус. яз. им. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
(Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Цветаяева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
(МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
(МПГУ)
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук,
проф. (Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Токарева Н. Д.

Стилистические особенности отражения культурного концепта
«rough-sleeping» в англоязычном газетном дискурсе 9

Андреева С. А.

Лингвистические механизмы лаконичности
(на материале коротких стихотворений Р. Киплинга) 20

Найок О. Б.

Когерентность в общественно-политическом дискурсе на примере
газетной статьи с последующими комментариями к ней 30

Ржешевская А. А.

О полимодальности и перспективе в дискурсе 43

Соколова В. Л.

Коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории
(на материале англоязычного художественного дискурса) 52

Шпетный К. И.

Когнитивно-стилистические особенности дискурса американского
журнала The New Yorker 64

Вавилова Т. В.

Категория диалогичности и средства ее выражения в комедийных
выступлениях 80

Гусева А. П.

Полифония и ее вербальные и невербальные проявления
в поликодовом художественном тексте 88

Дудкинская М. Г.

Особенности дискурсивного взаимодействия в романе Т. Пинчона
«Выкрикивается лот 49» 99

Романова И. Д.

Дефиниция как инструмент воздействия 113

Потапова Р. К., Комалова Л. Р., Потапов В. В.

К вопросу о слуховом и зрительном восприятии
агрессивного поведения 124

<i>Потапова Р. К., Потапов В. В., Джунковский А. В.</i> О новом методе формирования и аннотирования поликодового мультимодального корпуса данных применительно к социальным сетям Интернета	134
<i>Лыкова О. В.</i> Автоматическое определение основных маркеров неискренности в письменных текстах	146
<i>Джунковский А. В.</i> Перспективы использования современных технологий виртуальной реальности в качестве стеганографической среды (<i>на англ. яз.</i>)	155

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Алиева Г. А.</i> Верлибр в творчестве Микаила Мушкига	167
<i>Новрузов Р. М.</i> Цветы любви, или Размышления над повестью Э. Шмидта «Мсье Ибрагим и цветы Корана»	179

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Далецкий Ч. Б.</i> Риторическая культура и идентичность в контексте цифровизации образования	192
<i>Бабенко Н. С.</i> О процессах глобализации в социокультурной ретроспективе (из истории развития немецкоязычной словесности)	206

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Tokareva N. D.</i> Stylistic Features of Expressing the Cultural Concept «Rough-Sleeping» in English Newspaper Discourse	9
<i>Andreeva S. A.</i> Linguistic Mechanisms of Laconicism (on the basis of short poems by R. Kipling)	20
<i>Nayok O. B.</i> Coherence in Socio-Political Discourse Represented by a Newspaper Article with Comments	30
<i>Rzheshevskaya A.</i> On Multimodality and Perspective in Discourse	43
<i>Sokolova V. L.</i> Communicative Strategies of Capturing and Holding the Readers' Attention in English Fictional Discourse	52
<i>Shpetny C. I.</i> Cognitive and Stylistic Features of the Discourse of the American Magazine <i>the New Yorker</i>	64
<i>Vavilova T. V.</i> The Category of Dialogism and Means of Its Expression in Stand-Up Comedy	80
<i>Guseva A. P.</i> Polyphony and Its Verbal and Nonverbal Representation in Polycode Literary Texts	88
<i>Dudkinskaya M. G.</i> Some Characteristics of Discursive Relations in T. Pynchon's "The Crying of Lot 49"	99
<i>Romanova I. D.</i> Definition as a Tool of Communicative Impact	113
<i>Potapova R. K., Komalova L. R., Potapov V. V.</i> Dealing with Auditory and Visual Perceptions of Aggressive Behavior	124
<i>Potapova R. K., Potapov V. V., Dzhunkovskiy A. V.</i> The Experience of Formation and Deep Annotation of a Polycode Multimodal Russian Internet Social Networks Message Corpora	134

<i>Lykova O.</i>	
Automatic Detection of the Main Markers of Insincerity in Texts	146
<i>Dzhunkovskiy A.V.</i>	
Prospects of Using VR Technologies as a Steganography Medium	155

LITERARY STUDIES

<i>Aliyeva G. A.</i>	
Vers Libre in Mikayil Mushfig's POETRY	167
<i>Novruzov R. M.</i>	
Flowers of Love, or Reflections about E. Shmitt's Novel "Monseigneur Ibrahim and Flowers of the Koran"	179

CULTUROLOGY

<i>Daletsky Ch. B.</i>	
Rhetorical Culture and Identity in the Digitalization Context of Education	192
<i>Babenko N. S.</i>	
On the Processes of Globalization in the Socio-Cultural Retrospective (from the history of the development of German language literature)	206

УДК 81'31

Н. Д. Токарева

кандидат филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: tata2535@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ROUGH-SLEEPING» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуется концепт *rough-sleeping* на основе когнитивного и лингвокультурного подходов к этому явлению в современном британском обществе. Используются следующие методы: таксономический анализ дискурса и сравнительно-сопоставительный метод. Выделяются единицы разных уровней грамматической структуры. Дискурс рассматривается с точки зрения стилистики, что позволяет исследовать эмоциональную нагрузку отрезков дискурса и сделать выводы об авторской интенции. Материалом исследования послужили четыре статьи британской газеты Guardian. Одна статья была подвергнута подробному стилистическому анализу, в котором особое место заняли концептуальные метафоры. Были также проанализированы заголовки трех статей, рассматривающих тот же концепт. Результат исследования показал связь концепта *rough-sleeping* в различных лингвистических структурах с культурно-политическим фоном современной жизни страны.

Ключевые слова: когнитивный подход; rough-sleeping; концептуальная метафора; развернутая метафора; дискурс; культурный концепт; когерентность текста; социальные проблемы.

N. D. Tokareva

Ph.D., Professor, Department of English Stylistics, Faculty of English, Moscow State Linguistic University; e-mail: tata2535@gmail.com

STYLISTIC FEATURES OF EXPRESSING THE CULTURAL CONCEPT «ROUGH-SLEEPING» IN ENGLISH NEWSPAPER DISCOURSE

The article focuses on the concept "rough-sleeping" proceeding from cognitive and linguistic as well as cultural approaches to this fact of life in modern British society. The following methods are used in the analysis: taxonomic analysis of discourse and comparative and collateral analysis. Special attention is given to units of different levels of grammatical structure. Discourse is viewed from the perspective of stylistics which allows analyzing the emotional thrust of different parts of the discourse and which also permits to make conclusions about the author's intention. The material of the analysis was four articles of the British newspaper "Guardian". One article was analyzed in detail from the stylistic point of view; particular attention was given to

conceptual metaphors. Besides, the headlines of three other articles which dealt with the same concept were analyzed. The result of the analysis showed close binding of the concept “rough-sleeping” in different linguistic structures with the cultural and political background of the life in the country today.

Key words: cognitive approach; rough-sleeping; conceptual metaphor; extended metaphor; discourse; cultural concept; text coherence; social problems.

Введение

Несомненная интегрированность когнитивной лингвистики, культурологии и социологии проявляется при рассмотрении вызовов современного мира, где проблемы, возникающие как социальные, не могут быть освещены в отрыве от других научных направлений. Поскольку статья касается политического дискурса, так как социальные вопросы жизни общества напрямую связаны с политикой, целесообразно обратиться к пониманию политического дискурса В.З. Демьянковым, который считает, что «...содержание дискурса концентрируется вокруг некоторого “опорного” концепта, называемого “топиком дискурса”, или «дискуссионным топиком» ... пропозиции, отдельные предложения дискурса – его компоненты, связывают логические отношения. Понимая дискурс, интерпретатор суммирует элементарные пропозиции в общее значение, помещая новую информацию в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации» [Демьянков 2003, с. 116].

Одним из таких насущных вопросов является появившийся в недавнее время концепт *rough-sleeping*, который на его кажущуюся смысловую ограниченность, являет собой ту смысловую константную основу, которая представляет собой один из очевидных признаков британских (и, возможно, не только британских) городов нашего времени.

Концепт как термин толкуется по-разному. Особенно существенным представляется толкование концепта как некоего концентрата различных жизненных проявлений данного культурного сообщества. Концепт позволяет через его лингвистическое оформление давать оценку различным явлениям, связанным с данным концептом.

Ю.С. Степанов отмечает, что «...концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, обычный человек, не творец культурных ценностей сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 2001, с. 43].

Наиболее распространенный способ номинации – это использование уже имеющегося лексического материала.

Культурный концепт, заключенный в вариативных представлениях *rough-sleeping*, содержит образец, представляющий особенности социальной картины мира британского читателя, который фиксируется в разных лингвистических формах. Широкий диапазон употребления этого концепта позволяет включить его в общий реестр социально-культурных концептов, а это, безусловно, подтверждает объективность его существования. Таким образом, как и другие концепты, которые реализуют картину мира в сознании человека, этот концепт отражает непосредственную связь между языком, культурой и сознанием.

Поскольку восприятие концепта формируется когнитивным путем при осмыслении соотнесенности предмета обсуждения или явления, в связи с универсальными категориями культуры, то метафоричность в представлении концепта может считаться непреложной. Это происходит потому, что существуют основные базисные концепты, из которых развиваются остальные. В данном концепта *rough-sleeping* семантически исходными являются две лексические единицы – это *rough* и *sleep*, что в сочетании создает семантически новое образование, а именно – «не иметь крыши над головой», «быть лишенным убежища от непогоды и низких температур».

Даже поверхностный взгляд на исследуемый материал, то, что называется «скрининг» дает ответ на главный вопрос при проведении стилистического анализа – какие приемы используются авторами статей для достижения максимального прагматического воздействия на читателя. Оказывается, что преобладающим приемом является концептуальная метафора.

Хотя концептуальная метафора не является художественным приемом, а, скорее, частью лингвистического аппарата, тем не менее, она тоже отражает авторское видение проблемы. Эндрю Ортони говорит в этой связи, что «Cognition is the result of mental construction. Knowledge of reality, whether occasioned by perception, language or memory, necessitates going beyond the information given. So metaphor is shown as a matter of both – thought and language» [Ortony 1993 URL]¹.

¹ Когниция является результатом ментального процесса. Для познания действительности, которая понимается через чувственное восприятие, язык или память, необходимо выйти за пределы предоставляемой информации. Таким образом, метафора является совместным продуктом как мысли, так и языка (зд. и далее перевод наш. – Н. Т.).

Дейдре Вильсон и Патриция Колайти (Deirdre Wilson и Patricia Kolaiti) считают, что «...words are very often used in ways that depart (sometimes a little, sometimes a lot) from their encoded meanings, the ones assigned them by grammar. We invent new words, and people understand us. We blend two words together, and people understand us. We blend two words together, and people understand us. We use nouns, adjectives or prepositions as verbs, and people understand us. We borrow words from other languages; we use words approximately, hyperbolically or metaphorically. As children or adults we pick up the meanings of unfamiliar words without being taught, just by hearing them uttered in context. We see words come into fashion and vanish; we see them acquire new meanings» [Wilson, Kolaiti 2017]¹.

На основании исследования Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона концептуальная метафора осознается членами одного лингвокультурного сообщества как часть концептуального аппарата. Существует определенная система соответствий между основой концептуальной метафоры и ее воспроизведением, т.е. две структуры воспринимаются на когнитивной уровне как отражающие некоторую общую основу [Lakoff, Johnson 1980]. Эти структуры названы исходными (*source domain*) и целевыми (*target domain*). Причем при наложении (*mapping*), по терминологии Д. Лакоффа и М. Джонсона, двух структур, т.е. исходной и целевой, обеспечивается метафоризация лингвистической единицы (слова, фразового глагола, словосочетания), которая превращается путем этого сложного когнитивного, общекультурного и лингвистического процессов, протекающих одновременно, в концептуальную метафору. Причем, если исходная структура является буквальная, т.е. соответствующей каким-либо представлениям данного лингвокультурного сообщества, то целевая структура или

¹ «...очень часто слова употребляются в значениях, которые (иногда несущественно, а иногда значительно) удалены от своего обычного значения, которые определены соответственно правилам грамматики. Мы вводим в обиход новые слова, и люди понимают нас. Мы совмещаем два слова, и люди понимают нас. Мы используем существительные, прилагательные и предлоги в качестве глаголов, и люди понимают нас. Мы заимствуем слова из других языков; мы используем слова в их примерном значении, гиперболически или метафорически. Как дети или взрослые мы используем слова, которых мы не знаем, но понимаем их в контексте. Мы видим, как слова становятся модными или исчезают, мы видим, как слова приобретают новое значение».

концепт являются производными и частично основанными на концепте, содержащемся в исходной структуре.

В соответствии с категоризацией концептуальных метафор Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона представляется возможным выделить два типа концептуальных метафор из трех, предложенных авторами этой классификации, а именно – ориентационные и онтологические метафоры, оставляя в стороне структурные метафоры, ввиду частого наложения этих типов метафор.

В этом отношении небезынтересно высказывание Roald Hoffman: «Without overstating its significance, studies of scientific communication have argued that metaphors form an integral part in the way new concepts and ideas cross interdisciplinary and inter professional boundaries» [Hoffman 2015]¹.

Юэд Н. Кеннетт, Ринат Голд и Мириам Фауст обращают внимание на множественность значений концепта, который может включать необычные значения, которые кажутся слабо связанными с ним. «The creative processes involved in producing higher order linguistic outputs such as irony, humor, and metaphors include linguistic flexibility, fluency and originality» [Kenneth, Gold, Faust 2018]².

Исследовательская часть

При лингвистическом анализе медийных статей, а тем более статей, связанных с острыми социальными проблемами, а именно проблемой отсутствия жилья и последующих трудностей непосредственно с этим связанными, представляется важным начать с заголовка статьи.

В первой статье «60 Days on the Streets review – truly revelatory TV that damns us all» заголовок при использовании эмоционально окрашенной лексики «truly revelatory TV», «damns us all» устанавливает непосредственную связь между драматическими условиями, сложившимися в социальной сфере, с ответственностью всего общества.

¹ Не преувеличивая значения метафор, опираясь на научные исследования в области коммуникации, следует сказать, что метафоры образуют существенную часть в том смысле, в каком новые концепты и идеи пересекают междисциплинарные и внутрипрофессиональные границы.

² Креативные процессы, которые способствуют появлению более высокого уровня лингвистических образований, таких как ирония, юмор и метафора, включают лингвистическую гибкость, свободу в их использовании и оригинальность.

Статья описывает опыт отставного военнослужащего, добровольца, который провел 60 дней под открытым небом с целью наблюдения за условиями, в которых живут бездомные люди. Статья является обзором телефильма. Примечательны начальные строки от редакции, которые построены на антитезе: «Ed Stafford's vivid account of sleeping rough humanized the homeless – and exposed the cruelty and pettiness of the general public».

Весь дискурс построен таким образом, чтобы передать как через структуру дискурса, так и разнообразными стилистическими приемами ужасные условия, в которых существуют бездомные люди.

Прием аллюзии, который используется дважды, отсылает читателя в первом случае к изречению убийцы, совершившего множественные преступления, некоего Ганнибала Лектора, вымышленного персонажа популярного американского писателя Томаса Харриса (Thomas Harris). Его фраза, отсылающая к наблюдению за реакцией созерцателей орудий истязания в комнате пыток во Флоренции, придает общую ужасающую тональность всей статье и становится созвучной безысходности людей, оказавшихся на улице.

Использование в этой же фразе развернутой метафоры *the clammy flab* является связующим конструктом. Автор в стилистических целях использует это сочетание дважды, в начале и в конце статьи. В конце статьи существительное *consciousness* в сочетании с *the clammy flab* повторяется, но уже в другом лексическом окружении. В начале статьи используется эмоционально насыщенное прилагательное *submissive*, которое, несомненно, является эпитетом. Оно дает представление о нерешительности и растерянности общества в отношении каких-либо мер, призванных улучшить положение бездомных, но в конце статьи, обыгрывая то же словосочетание *to slap the clammy flab* автор статьи утверждает, что отношение общества к этой проблеме претерпевает изменения, что приводит к пробуждению коллективного осознания необходимости решения этой проблемы. Таким образом, структурно оформляется призыв читателя к пониманию этой социальной необходимости, что способствует когерентности текста. Двойное использование аллюзии к этому словосочетанию, но в разных значениях, структурно завершает статью на мажорной ноте. Большую роль играет сочетаемость существительного *consciousness* с эпитетом в начале *submissive* и в конце *collective*, призывая читателя присоединиться к сочувствующим бездомным людям.

Другая аллюзия, используемая в тексте «Grand Quignol» (название парижского театра, где показывают сцены ужасов), подразумевает содрогание от увиденного. Наряду с этими стилистическими приемами автор использует сравнение, говоря о сообществе бездомных. *Spice addicts stand drooping in the streets like zombies*, эпитеты, образованные из фразовых глаголов *knock-down*, *drag-out fights play out against flickering lights in underpasses*, в которых сочетание двух весьма сниженных по своей семантике первой части фразовых глаголов придает особую негативную окраску этой части дискурса.

Безусловно, *clammy flab* представляет собой метафору, которая несет, будучи повторенной дважды, очень большой смысл и является элементом когезии.

Переходя к другим стилистическим приемам, следует отметить в числе синтаксических приемов параллельные конструкции *...as oblivious to them as they temporarily and presumably blissfully are to the world*, где к параллельной конструкции добавляется ирония *...presumably blissfully*. Стилистический прием перечисления так же, как и другие приемы, способствует когерентности текста. Следует отметить использование стилистического приема повтора: *We saw the prevalence and sensed the irresistibility of drugs. We saw physical violence among homeless people*, где анафора повтора усиливает эмоциональное воздействие дискурса. Сюда же следует отнести прием перечисления, такой как в *...how attitudes towards the poor and the vulnerable are shaped by our experience, by what we are told by the government, by the portraits painted by the media*.

Переходя к лексическим стилистическим средствам, необходимо, прежде всего, рассмотреть метафоричность отдельных отрезков текста, которая, как уже отмечалось ранее, преобладает в виде лингвистических единиц, образованных как концептуальные метафоры.

1. Ориентационные метафоры

- a deep dive into the underground of the city
- he is living off vast social capital
- the initial shock and daily discomfort have receded
- her parents split off
- to write him off for the deception
- steep rises in street sleeping in London
- welfare cuts; rising rents
- new blocks mushrooming along the canal

- rough sleepers in other cities believe their numbers are growing
- the demand for their services is rising as temperatures are starting to fall

2. Онтологические метафоры

- it gives him a chance to get to know people
- the street homeless population is becoming increasingly visible
- she questions how the mayor will meet his pledge
- a similar logjam saw the number of homeless people jump to...
- they found themselves homeless when the work dried up

Наряду с различными видами концептуальных метафор, значительную роль играют и метафоры в виде стилистического приема, например, *...everything went pear-shaped*, конечно, *the clammy flab*, которая повторяется дважды на протяжении статьи и служит не только средством когезии, но и когерентности.

Данный дискурс также содержит стилистический прием игры слов: *Spice addicts stand drooping in the streets while passers-by – well, pass by...*, сравнения *...as oblivious to them as...*, *sitting with a cup is like waiting for God to drop fortune in your hand*, *'You're...,' shouts one with a venom most of us couldn't muster if we had just seen someone kick a kitten*.

В некоторых разделах дискурса встречаются эмоционально усиленные с помощью наречий *so, such* предложения: *...his programmer is so penetrating, the stories and scenes so vivid, the whole thing done with such devotion that it succeeds in making viewers pose them themselves*.

Следует отметить значительное количество эпитетов, среди них *a jarring moment*, а также эпитеты, образованные с помощью фразовых глаголов.

Лексическое наполнение дискурса очень разнообразно. Практически в нем присутствуют как слова литературного, так и разговорного, и даже слова на грани нормативной лексики. Есть случай неологизма *non-home (the door of the mobile police unit afbtuted as one's non-home)*, любопытен случай употребления глагола *graft*, что в сниженной лексике означает *просить милостыню*, в заголовке употреблена сниженная лексическая единица *... damn us all*.

Уже в вводной строке дискурса автор вовлекает адресата повествования в число своих собеседников, и с помощью стилистического приема разрыва повествования *a break-in-the-narrative* противопоставляет положение бездомных жестокости и равнодушию общественности.

В этом дискурсе автор использует только однажды, но в весьма определенных целях стилистическое фонетическое средство, а именно – аллитерацию, что усиливает эффект всего предложения: *Ed Stafford's vivid account of sleeping rough humanized the homeless – and exposed the cruelty and pettiness of the general public.*

Таким образом, рассмотрение одной статьи позволяет сделать вывод об авторской интенции, а именно – довести до сознания общественности ужасы жизни бездомных людей. Вовлекая адресата в свои наблюдения за их жизнью, автор широко использует разнообразные стилистические приемы, в основном синтаксические и лексические, искусно выражая свое отношение отторжения к существующему порядку вещей, в частности к судьбе бездомных людей. Концепт *rough-sleeping*, рассмотренный с привлечением живых записей ежедневного быта людей, оказавшихся на улице, наполняется таким мощным эмоциональным содержанием, которое не может оставлять читателя равнодушным.

Поскольку заголовок газетной статьи представляет собой концентрированное отражение ее сущностных характеристик, то исследуя *rough-sleeping* как явление, находящееся в центре внимания социологов, лингвистов и других исследователей, для которых это обстоятельство в жизни Великобритании является чрезвычайно существенным, следует обратить внимание именно на заголовки статей. Не вникая в подробности их стилистического анализа, остановимся на разнообразных формах, которые принимает этот концепт.

В заголовке «Why are so many people sleeping rough on British streets?» (*The Guardian October 27, 2018*) причастие настоящего времени в сочетании с обстоятельством, выраженным прилагательным, сублимирует устойчивое сочетание *rough-sleeping*, являясь в предложении частью сказуемого.

В заголовке «Rough sleeping and overcrowding figures prompt calls for action» (*The Guardian January 20, 2019*) наблюдается сочетание герундия с определением, выраженным прилагательным.

В другом заголовке, раскрывающем тот же концепт «Rough sleepers numbers in England rise for seventh year running» (*The Guardian January 25, 2018*), сочетание существительного с прилагательным выступает в функции определения и составляют часть подлежащего.

В следующем заголовке «Wheeler congratulated South Derbyshire on recording a rough sleeper estimate of zero» (*The Guardian February*

20, 2019) концепт *rough-sleeping* реализуется в виде определения к дополнению *estimate*, которое выражено сочетанием существительного *sleepers* и определения *rough*, выраженного прилагательным.

Из рассмотренных выше заголовков очевидно, что концепт *rough-sleeping* может выступать в разнообразных синтаксических функциях и сублимировать различные морфологические формы.

Выводы

Таким образом, по итогам стилистического анализа одной статьи и грамматического функционирования этого концепта путем скрининга ряда заголовков статей, рассматривающих проблемы, связанные с этим концептом, можно сделать вывод о том, что концепт *rough-sleeping* занял, безусловно, прочное место в медийной жизни Великобритании. Это нашло свое естественное отражение в речевых структурах, которые передают этот концепт в различных контекстах.

Непосредственная связь когнитивного представления этого концепта с культурным фоном, с которым он неразрывно связан, дает представление о коммуникативных задачах, реализуемых с помощью этого концепта, являющимся одним из ярких проявлений когнитивной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянков В. З. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : Учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М. : МГУ, 2003. С. 116–133. URL: www.infolex.ru/SMI1.htm (дата обращения: 01.05.2019).
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М. : Академический проект, 2001. 990 с.
- Hoffman R. The Metaphor, Unchained // *American Scientist*, 94(5), September 2006. URL: www.researchgate.net/publication/250969023_The_Metaphor_Unchained (дата обращения 01.05.2019).
- Kennett Y. N., Gold R., Faust M. Metaphor Comprehension in Low and High Creative Individuals // *Frontiers in Psychology*. April 2018. Vol. 9. Article 482. P. 1–10. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5900434/pdf/fpsyg-09-00482.pdf (дата обращения: 01.05.2019).
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. 191 p.
- Ortony A. *Metaphor, Language and Thought* // *Metaphor and Thought*. Cambridge : CUP, 1997. P. 1–16. URL: www.cambridge.org/core/books/metaphor-and-thought/metaphor-language-and-thought/9B241278803ED88BC07EB1920E1319DB (дата обращения: 01.05.2019)

- Wierzbiska A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford : OUP, 1996. 512 p.
- Wilson D. and Kolaiti P.* Lexical Pragmatics and Implicit Communication // Implicitness. From Lexis to Discourse / P.Cap and M.Dynel (Eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2017. P. 147–175. Published online June 30, 2017. URL: doi.org/10.1075/pbns.276.07wil (дата обращения: 01.05.2019).

REFERENCES

- Dem'jankov V.Z.* Jazyk SMI kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija : Uchebnoe posobie / otv. red. M.N.Volodina. M. : MGU, 2003. S. 116–133. URL: www.infolex.ru/SMI1.htm (data obrashhenija: 01.05.2019).
- Stepanov Ju.S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 2-e izd. M. : Akademicheskij proekt, 2001. 990 c.
- Hoffman R.* The Metaphor, Unchained // American Scientist, 94(5), September 2006. URL: www.researchgate.net/publication/250969023_The_Metaphor_Unchained (data obrashhenija 01.05.2019).
- Kennett Y. N., Gold R., Faust M.* Metaphor Comprehension in Low and High Creative Individuals // Frontiers in Psychology. April 2018. Vol. 9. Article 482. P. 1–10. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5900434/pdf/fpsyg-09-00482.pdf (data obrashhenija: 01.05.2019).
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. 191 p.
- Ortony A.* Metaphor, Language and Thought // Metaphor and Thought. Cambridge : CUP, 1997. P. 1–16. URL: www.cambridge.org/core/books/metaphor-and-thought/metaphor-language-and-thought/9B241278803ED88BC07EB1920E1319DB (data obrashhenija: 01.05.2019)
- Wierzbiska A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford : OUP, 1996. 512 p.
- Wilson D. and Kolaiti P.* Lexical Pragmatics and Implicit Communication // Implicitness. From Lexis to Discourse/P.Cap and M. Dynel (Eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2017. P. 147–175. Published online June 30, 2017. URL: doi.org/10.1075/pbns.276.07wil (data obrashhenija: 01.05.2019).

УДК 811.11

С. А. Андреева

доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sandreeva1@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЛАКОНИЧНОСТИ (на материале коротких стихотворений Р. Киплинга)

Изучение лаконичности, как проявления лингвокреативности автора и средств ее выражения, вносит свою лепту в понимание механизмов порождения поэтических смыслов. Анализ семи ранее не публиковавшихся коротких стихотворений Р. Киплинга позволил установить, что информационная емкость текста может быть увеличена при помощи опоры на фоновые знания читателя, аллюзий на иные тексты, создание контекстов, в которых не снимается полисемантизм отдельных лексических единиц, и использования синтаксических стилистических приемов (параллелизма, нарастания).

Ключевые слова: лаконичность; лингвокреативность; фоновые знания; аллюзия; нарастание; параллелизм; поэтический текст.

S. A. Andreeva

Assistant Professor, Department of English Stylistics Faculty of the English language
Moscow State Linguistic University;
e-mail: sandreeva1@yandex.ru

LINGUISTIC MECHANISMS OF LACONICISM (on the basis of short poems by R. Kipling)

The study of laconicism as a manifestation of the author's linguistic creativity and its means of expression contribute to a better understanding of the mechanisms of meaning generation. The analysis of seven short poems by R. Kipling (not published previously) allowed to determine that the informative capacity of a text can be increased through the reliance on the readers' background knowledge, allusions to other texts, the creation of contexts in which lexical units remain polysemantic and through the use of such syntactical stylistic devices as parallelism and gradation.

Key words: laconism; linguistic creativity; background knowledge; allusion; gradation; parallelism; poetic text.

Введение

Лаконичность как явление имеет долгую историю. В древнем мире своей лаконичностью прославились спартанцы, от которых через тысячелетия до нас дошли такие фразы, как «с ним или на нем»

[Со щитом или на щите URL] или ответ «Если», данный спартакцами Филиппу Македонскому, грозившему разрушить стены Спарты в том случае, если он возьмет город [Лаконичность URL]. Таким образом, под **лакони́чным** понимается высказывание, которое в краткой вербальной форме передает значительное количество информации.

В современном мире лаконичность не теряет своей актуальности. Достаточно вспомнить «Твиттер» [Твиттер URL], в котором длина сообщения ограничена небольшим количеством знаков (изначально 140).

Лаконичность не только с честью выдержала испытание временем, она обнаруживается в самых разных культурах нашей планеты. Достаточно вспомнить такую японскую поэтическую форму, как хайку [Хайку URL], или то, что американец Уильям Карлос Уильямс с успехом писал стихотворения на бланках для рецептов [Zack 2008, с. 10]; краткостью отличаются современные иранские стихотворения; примеры лаконизма можно найти в литературе всех континентов. И во всех случаях авторы – как об этом лучше всего в свое время сказал Чехов – хотя и «говорить коротко о длинных вещах» [Чехов URL]. Это стимулирует лингвистическое творчество авторов, которые ищут максимально экономные и одновременно информационно насыщенные языковые формы.

Нам представляется особенно важным отметить напрашивающуюся взаимосвязь между лаконичностью и лингвокреативностью, причем креативность присуща как адресанту, так и адресату. Лаконичность высказывания побуждает адресанта модифицировать традиционное использование языковых средств именно для повышения информационной насыщенности высказывания, а от адресата в этом случае требуется идентифицировать эти модификации языковых средств.

Известно, что поэтический дискурс в наибольшей степени эксплицирует лингвокреативный аспект коммуникации. Это достигается как использованием поэтических условностей (рифмы, метра, ритмических модификаций, строфики), так и снятием лингвистически обусловленных ограничений на поэтическое творчество, что может проявлять себя в видоизменении коллокаций, неожиданных, иногда парадоксальных сочетаниях лексических единиц, появлении у них новых контекстуальных значений, использовании фонетических, лексических и синтаксических стилистических приемов, опоре на интертекстуальность или обращении к фоновым лингвокультурным знаниям читателя.

Основная часть

Для того чтобы установить, каким образом в ограниченном объеме поэтического текста перед читателем разворачиваются все новые смыслы (по выражению проф. И. Р. Гальперина), как происходит их приращение, мы обратились к исследованию лингвостилистических характеристик семи ранее не опубликованных коротких стихотворений Р. Киплинга (написанных в 1916–1936 гг.).

Анализ показывает, что в стихотворениях присутствуют несколько повторяющихся способов увеличить информационную емкость текста.

Рассмотрим, каким образом Р. Киплинг наращивает семантическую емкость кратких поэтических произведений.

- (1) This was a Godlike soul before it was crazed.
No matter. The grave makes whole.
(1914? – 1918?) [Kipling 2013, с. 2111].

Предполагалось, что это ранее не опубликованное произведение должно было быть включено в сборник военных эпитафий.

Если мы рассмотрим значения основных лексических единиц, то в словаре можно найти следующие определения [Lexico URL]:

Godlike – *resembling God or a god in qualities such as power, beauty, or benevolence* (= сходный с Богом, поскольку обладает такими качествами, как сила, красота или доброжелательность¹).

Crazed – *make (someone) wildly insane or out of control* (= сделать кого-то безумным или неконтролируемым).

No matter – *regardless of; it is of no importance* (слово имеет два значения: невзирая на; это не имеет значения; второе значение представляется более вероятным в контексте стихотворения).

Make whole – *to restore (someone) to a sound, healthy, or otherwise favorable condition* (= привести кого-либо в хорошее или здоровое состояние).

Однако в контексте стихотворения последнее предложение может быть понято и по-другому, букв. ‘что для захоронения нужно собрать все останки’. Таким образом, автор создает условия для неоднозначной интерпретации стихотворения, в частности каким же именно образом смерть может восстановить исходную гармонию человеческой

¹Зд. и далее перевод наш. – С. А.

души. При этом основной механизм усиления неоднозначности – опора на полисемантизм лексических единиц.

- (2) Man does not remain in the world,
But his name remains.
Though Jam and Suliman are gone.
Their names are not lost.
(1917) [Kipling 2013, с. 2109].

Эти два четверостишия входят в опубликованный в Америке текст «Джентльмен на пенсии», который вместе с еще тремя рассказами образует цикл «Глаза Азии»; в 1916 г. публикация была не допущена к распространению.

Интерес для читателя в первую очередь представляют имена. Если Сулиман означает «мирный человек» и однозначно воспринимается как мусульманское имя, то второе имя, Джам, требует дополнительного рассмотрения [Suleiman URL]. Это имя является персидской формой имени *Yima*, означающей «близнец». Изначально имя принадлежало мифическому королю, который чаще именуется Джамшид [Jam URL]. Следовательно, у читателя должны возникать ассоциации с Азией. Эта интерпретация подкрепляется названием цикла произведений. Поскольку непосредственно перед стихотворением в тексте произведения главный герой вспоминает о своем погибшем в Аравии сыне, можно предположить, что речь идет или о сыновьях главного героя, или об обобщенном представлении о гражданах азиатских колоний Британии.

Второй заметной характеристикой этого стихотворения является употребление отрицательных конструкций – эвфемизма в первой строке и литоты в четвертой. Ввиду этого автор избегает слова «смерть» и смягчает категоричность высказывания о том, что имена остаются, как минимум, в человеческой памяти.

- (3) The Brahmin who steals
The widow who wears ornaments,
The Rajput who avoids the battle,
Are only fit for crows' meat.
(1917 – ?) [Kipling 2013, с. 2108].

Для адекватного понимания этого стихотворения читателю необходимо обладать фоновыми знаниями, в первую очередь, об индийской культуре.

Так, необходимо знать, что брахман – это представитель касты учителей и священников, которые должны обладать рядом добродетелей, в том числе отсутствием жадности (и естественно, невозможностью что-либо украсть) [Брахманы URL]; что вдовы в Индии не могут носить украшения, потому что для них жизнь практически закончилась, что раджпуты – это каста воинов [Раджпуты URL], а битву могут избегать только трусы.

Представляется любопытным, что культурно-обусловленные знания о воронах в стихотворении связаны с христианской (европейской) культурой, но не с индийской. В Индии *ворон* – посланник неба, тот, кто несет важную весть от богов. В христианской культуре ворон презирают, потому что они питаются падалью [Ворон – символ URL]. Думается, что сигналом читателю должны служить параллельные конструкции в сочетании с нарастанием (в первых трех строках, где актуализируются фоновые знания об индийской культуре) и сказуемое в четвертой строке, для адекватной интерпретации которой нужно обратиться к другой культуре. Сама смена синтаксической конструкции служит сигналом смены области знания.

- (4) I a gambler bid you know
Nine is not a lucky throw.
Three times wounded, three times gassed
Three times wrecked – I lost at last.
(1914? – 1918?) [Kipling 2013, с. 2111].

Это второе стихотворение из ранее не опубликованных из цикла военных эпитафий. В нем акцентируется внимание на обращении к фоновым знаниям читателя. Во-первых, из контекста очевидно, что цифра 9 не является счастливой для лирического героя. Если проверить символизм цифры 9, то она, например, считается несчастливой в Японии, которую Киплинг посещал в 1889 г. [Японские числительные URL].

В строках 3 и 4 мы вновь видим параллельные конструкции, содержащие числительное *три*. Это числительное повторяется три раза, давая в сумме девять. Кроме того, параллельные конструкции содержат аллюзии на исторические события времен Первой мировой войны – ранения в ходе боевых действий, использование отравляющих веществ и три кораблекрушения, в которые попал лирический герой. А завершается стихотворение многозначным словом *lost*,

которое можно понять и как проигрыш при игре в кости, и как эффе-мизм (смерть главного персонажа вследствие пережитых событий).

Следующее стихотворение содержит элементы иронии, которая усиливается разговорным словом *tetyuka* (*auntie*) и негативно окрашенным словом *dreary* (вызывает чувство депрессии в результате восприятия повторяющейся монохромной картины).

- (5) My wife and daughter, maid and me
The Queen of Spain and Auntie B,
Are at this dreary place again
A-promenading in the rain
(1924) [Kipling 2013, с. 2116].

Стихотворение написано в Испании, в гостинице «Королева Кристина» в городе Альгеситас. «Тетушкой Би» Киплинг назвал принцессу Беатрис, мать королевы Испании и дочь королевы Виктории. Принцесса Беатрис была очень популярна в Англии, потому что она заботилась о своей матери, королеве Виктории, которая после смерти мужа стала проводить много времени в обществе своей дочери.

Интересной представляется организация текста, в котором первые две строки снова включают параллельные конструкции, в которых поэт парами перечисляет прогуливающих людей. При этом королевские особы составляют третью пару, что служит намеком на их незначительную важность. В последних двух строках присутствует контраст между коннотациями слов *dreary* и *promenading*. Последнее слово указывает на цель прогулок, которым не мешает даже дождь, – прогулки совершаются в первую очередь для того, чтобы показать себя. И это желание показать себя усиливает иронию в тексте, а в сочетании с синтаксически обусловленной маловажностью особ королевской крови ведет к их негативной характеристике – поэт завуалированно высмеивает их.

Два последних стихотворения объединены тем, что они являются аллюзиями на иные произведения. При этом Киплинг отчасти сохраняет элементы исходного текста для облегчения его узнавания.

Стихотворение написано по прочтении статьи в «Таймс» о том, что в Германии человеческие тела использовались для приготовления смазочных материалов и корма для свиней. Кроме того, стихотворение подражает последнему четверостишию Теккерея из произведения «Страдания Вертера» [Thackeray URL].

(6)

Charlotte, when she saw what Herman
Yielded after he was dead,
Like a well-conducted German
Spread him lightly on her bread.
(1917) [Kipling 2013, p. 2108].

Charlotte, having seen his body
Borne before her on a shutter,
Like a well-conducted person,
Went on cutting bread and butter.
[Thackeray URL]

Из сопоставления текстов видно, что отдельные элементы исходного текста поэтом сохранены (например, имя *Шарлотта*), другие видоизменены, но так, чтобы напоминать об исходном тексте, а видоизменения обусловлены ситуативным контекстом (например, слово *person* заменено на немецкое имя *Herman*).

Наряду с аллюзиями поэт использует полисемантизм. Например, слово *lightly* в контексте произведения может быть понято как: 1) *gently, delicately and softly* (= мягко, нежно); 2) *in relatively small amounts or in low density, sparingly* (= в небольшом количестве, экономно); 3) *in a way that is not serious or solemn* (= несерьезно, неторжественно).

Второе стихотворение, содержащее аллюзию на другой текст:

(7)

Rudyard Kipling (1929) -----	Robert Browning Home Thoughts from Abroad
	Oh, to be in England Now that April's there,
(1) And whoever wakes in England	(1) And whoever wakes in England
(2) Hears, each morning, on the stair	(2) Sees, some morning, unaware,
(3) The bathroom pipes in earnest spate,	(3) That the lowest boughs and the brushwood sheaf Round the elm-tree bole are in tiny leaf,
(4) And the she-cook calling the plumber's mate	(4) While the chaffinch sings on the orchard bough
(5) In England now! [Kipling 2013, p. 2121]	(5) In England—now! [Browning URL]

Поэт пользуется теми же приемами: повтор отдельных строк (строки 1 и 5; в пятой строке отличается один знак препинания); видоизменение отдельных строк, но так, чтобы напоминать об исходном тексте (строка 2, замена глаголов восприятия при одинаковой структуре

предложения); полностью отличные строки (3 и 4). Содержание этих строк создает юмористический эффект: если Браунинг создает лирическое описание природы, то Киплинг пишет о водопроводных трубах и громко говорящей кухарке, усиливая иронию или даже сарказм, но при этом сохраняя небольшой размер текста.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что информационная емкость краткого поэтического текста может быть увеличена при помощи следующих средств:

- Опора на фоновые знания читателя.
- Аллюзии на иные тексты.
- Создание контекстов, в которых не снимается полисемантизм отдельных лексических единиц.
- Использование синтаксических стилистических приемов (параллелизма, нарастания) для создания дополнительных оттенков значения.

Думается, что расширение исследования за счет поэтических текстов иных писателей позволит расширить номенклатуру лингвистических средств, способствующих лаконичности короткого поэтического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брахманы. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Брахманы (дата обращения: 29.03.2019).
- Ворон – символ. URL: gadalkindom.ru/nepoznannoe/voron-simvol.html (дата обращения: 29.03.2019).
- Лаконичность. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Лаконичность (дата обращения: 29.03.2019).
- Раджпуты. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Раджпуты (дата обращения: 29.03.2019).
- Со щитом или на щите. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Со_щитом_или_на_щите (дата обращения: 29.03.2019).
- Твиттер. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Твиттер (дата обращения: 29.03.2019).
- Хайку. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Хайку (дата обращения: 29.03.2019).
- Чехов А. П. Умение писать (выдержки из писем А.П.Чехова литераторам, его современникам). URL: pikabu.ru/story/anton_chekhov_umenie_pisat_vyiderzhki_iz_pisem_chekhova_literatoram_ego_sovremennikam_6086408 (дата обращения: 29.03.2019).

- Японские числительные. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Японские_числительные (дата обращения: 29.03.2019).
- Browning R.* Home-Thoughts, from Abroad. URL: en.wikisource.org/wiki/Home_Thoughts_From_Abroad (дата обращения: 29.03.2019).
- Jam // Behind the name. URL: www.behindthename.com/name/jam (дата обращения: 29.03.2019).
- Kipling R.* The Cambridge Edition of the Poems by Rudyard Kipling / Ed. By T. Pinney. Vol.III. Uncollected poems. Cambridge : CUP, 2013. P. 1555–2349.
- Lexico. URL: www.lexico.com/en (дата обращения: 28.03.2019).
- Suliman. URL: en.wikipedia.org/wiki/Suleiman (дата обращения: 29.03.2019).
- Thackeray W. M.* Sorrows of Werther. URL: en.wikisource.org/wiki/Sorrows_of_Werther (дата обращения: 29.03.2019).
- Zack M.* Pectoriloquy and Poetry // Journal of CHEST Physicians. Vol. 133. Issue 1. January 2008. P. 10–11. URL: [journal.chestnet.org/article/S0012-3692\(15\)48950-0/pdf](http://journal.chestnet.org/article/S0012-3692(15)48950-0/pdf) (дата обращения: 29.03.2019).

REFERENCES

- Brahmany. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Brahmany (дата обращения: 29.03.2019).
- Voron – simbol. URL: gadalkindom.ru/nepoznannoe/voron-simvol.html (дата обращения: 29.03.2019).
- Lakonicnost'. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Lakonicnost' (дата обращения: 29.03.2019).
- Radzhputy. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Radzhputy (дата обращения: 29.03.2019).
- So shhitom ili na shhite. URL: ru.wikipedia.org/wiki/So_shhitom_ili_na_shhite (дата обращения: 29.03.2019).
- Twitter. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Twitter (дата обращения: 29.03.2019).
- Hajku. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Hajku (дата обращения: 29.03.2019).
- Chehov A. P.* Umenie pisat' (vyderzhki iz pisem A. P. Chehova literatoram, ego sovremennikam). URL: pikabu.ru/story/anton_chekhov_umenie_pisat_vyderzhki_iz_pisem_chekhova_literatoram_ego_sovremennikam_6086408 (дата обращения: 29.03.2019).
- Japonskie chislitel'nye. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Japonskie_chislitel'nye (дата обращения: 29.03.2019).
- Browning R.* Home-Thoughts, from Abroad. URL: en.wikisource.org/wiki/Home_Thoughts_From_Abroad (дата обращения: 29.03.2019).
- Jam // Behind the name. URL: www.behindthename.com/name/jam (дата обращения: 29.03.2019).

- Kipling R.* The Cambridge Edition of the Poems by Rudyard Kipling / Ed. by T. Pinney. Vol. III. Uncollected poems. Cambridge : CUP, 2013. P. 1555–2349. Lexico. URL: www.lexico.com/en (data obrashhenija: 28.03.2019).
- Suliman. URL: en.wikipedia.org/wiki/Suleiman (data obrashhenija: 29.03.2019).
- Thackeray W. M.* Sorrows of Werther. URL: en.wikisource.org/wiki/Sorrows_of_Werther (data obrashhenija: 29.03.2019).
- Zack M.* Pectoriloquy and Poetry // Journal of CHEST Physicians. Vol. 133. Issue 1. January 2008. P. 10–11. URL: [journal.chestnet.org/article/S0012-3692\(15\)48950-0/pdf](http://journal.chestnet.org/article/S0012-3692(15)48950-0/pdf) (data obrashhenija: 29.03.2019).

УДК 81'42

О. Б. Найок

кандидат филологических наук;
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

КОГЕРЕНТНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ С ПОСЛЕДУЮЩИМИ КОММЕНТАРИЯМИ К НЕЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к изучению смыслового пространства общественно-политического дискурса и роли ментальных моделей в его формировании. Предлагается описание аспектов когерентности газетной статьи в онлайн-издании, сопровождаемой комментариями читателей. Проведенный анализ средств когерентности иллюстрирует, что ментальная модель, построенная в газетной статье, определяет смысловую целостность не только самой газетной статьи, но и комментариев к ней.

Ключевые слова: когерентность; ментальная модель; контекстуальная модель; общественно-политический дискурс; жанр; идеологическая поляризация; оценка; экспрессивность; политкорректность.

O. B. Nayok

Ph.D. (Philology),
Assistant Professor, Department of English Stylistics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

COHERENCE IN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE REPRESENTED BY A NEWSPAPER ARTICLE WITH COMMENTS

The article looks at the process of meaning construction in socio-political discourse and explores the role of mental models in establishing coherence between different genres of socio-political discourse represented by a newspaper article and reader comments in on-line news. The analysis illustrates that the key elements of the mental model of the newspaper article underlie the coherence of the article itself as well as the coherence between the article and the on-line comments accompanying it.

Key words: coherence; mental model; contextual model; socio-political discourse; genre; ideological polarization; appraisal; expressiveness; political correctness.

Введение

Средства когерентности, обеспечивающие содержательную целостность на тематическом уровне дискурса, до сих пор относительно мало изучены [Найок 2017]. Для их объяснения недостаточно рассматривать когерентность / когеренцию только как грамматическую категорию, необходимо учитывать социально-культурный контекст, а также когнитивные процессы [Макаров 2003, с. 95]. Важным условием при исследовании дискурсивной когерентности является рассмотрение таких когнитивных понятий, как *ментальные модели и знания* [Dijk 2000]. «Локальную когерентность дискурса определяет не значение пропозиций, а их соотнесенность с ситуацией, событиями или действиями в рамках ментальных моделей дискурсантов. В очередной раз мы обращаем внимание на фундаментальную роль ментальных моделей, основанных на знаниях, в производстве и понимании когерентного дискурса» [ван Дейк 2013, с. 14]. С учетом ментальных моделей можно дать следующее определение когерентности: текст является когерентным, если в нем содержится ментальная модель [Dijk 2000]. Локальная когерентность «включает все аспекты сочлененности (*connectivity*) дискурса: грамматическую, лексическую (например, коллокацию), логическую (коннекторы, риторические фигуры) и смысловую, семантико-прагматическую (экспликации и импликации, инференции, пресуппозиции). Нельзя обойти вниманием такую важную категорию, как тематическая когеренция <...>. Этот тип когеренции формируется вокруг глобальной темы дискурса или темы говорящего. Особенно наглядно это качество дискурса проявляется не в коротких фрагментах, а в более или менее значительных по объему текстах. Оно выражается в повторении определенных «мотивов» и «тем»: ключевых объектов, фактов, верований, когнитивных структур, социальных представлений, эксплицитно или имплицитно выраженных в дискурсе. Все они входят в семантическую макроструктуру глобальной темы дискурса, когнитивно опирающейся на макропропозицию или вершину модели референтной ситуации <...>. Взаимобусловленность когеренции дискурса и его стратегической организации нам представляется весьма важным теоретическим моментом» [Макаров 2003, с. 124–125].

Целью статьи является изучение когерентности между жанрами общественно-политического дискурса, представленными газетной

статьей и комментариями к ней. Жанры в данном случае понимаются как «конвенциональные дискурсные практики, зависящие в широком смысле от контекста» [ван Дейк 2013, с. 9]. Анализ средств когерентности осуществляется на примере рассмотрения ментальной модели, построенной в газетной статье на тему политкорректности и определяющей смысловую целостность не только самой газетной статьи, но и комментариев к ней.

Материалом исследования послужила статья из британского периодического издания «Mail Online», являющегося онлайн-версией газеты «The Daily Mail», и онлайн-комментарии к статье общим объемом 244 ед. Приводимые примеры комментариев в целом даются в авторской орфографии и пунктуации, за исключением отдельных случаев, когда имеющиеся опечатки значительно затрудняют восприятие.

Ментальная модель статьи на общественно-политическую тему

Статья «A to Z of politically correct madness: The Left's 'Thought Police' continues to censor language as 'manfully' is labelled sexist» (*Mail Online*. 18.11.2017) направлена на модифицирование общих социальных представлений относительно роли политкорректности в современном западном обществе. Для описания социокогнитивных особенностей рассматриваемого медиадискурса и контекстуальной модели анализируемой статьи необходимо отметить, что позицию редактора газеты «The Daily Mail» можно охарактеризовать как консервативную. Политическое противостояние между консерваторами и лейбористами отражено в создаваемой в статье ментальной модели, одним из центральных элементов которой является идеологическая поляризация, подчеркивающая негативную практику «левых» в отношении политкорректности. Приведенный ниже сложный заголовок статьи, состоящий из собственно заголовка и последующего лида, иллюстрирует указанные социально-когнитивные особенности дискурса:

A to Z of politically correct madness: The Left's 'Thought Police' continues to censor language as 'manfully' is labelled sexist

– NHS hospital consultant accused of sexism after praising a father

– Cambridge academic urged colleagues not to use words such as 'genius'

– Suffolk council has been criticised for using the term 'cat's eyes'

– Here is an A to Z of new practices which have fallen foul of political correctness (*Mail Online*. 18.11.2017)¹.

Негативная оценка «левых» передана сочетанием *The Left's 'Thought Police'*, подчеркивающим связь между левым течением и политикой тотального контроля, цензуры и подавления любого инакомыслия, традиционно ассоциируемой с тоталитарными режимами, а также выражением *continues to censor language*, в котором глагол *censor* эксплицитно реализует идею нарушения «левыми» таких демократических свобод, как свобода слова и самовыражения, а глагол *continues* выражает пресуппозицию о том, что «левые» уже давно проводят такую антидемократическую политику. Воплощением такой политики, по мнению автора статьи, является современная практика политкорректности, превращающаяся в нечто, противоречащее здравому смыслу, о чем свидетельствует фраза *politically correct madness*, а также ряд примеров, приведенных тут же: *manfully' is labelled sexist*, *NHS hospital consultant accused of sexism after praising a father*, *Suffolk council has been criticised for using the term 'cat's eyes'*. Отсутствие здравого смысла в указанных ситуациях имплицитно благодаря сочетанию выражений, реализующих значения сильной негативной реакции (*labelled sexist*, *accused of sexism*, *criticised for*), и выражений, свидетельствующих о совершенно невинных поступках участников описываемых ситуаций, вызвавших вышеуказанную негативную реакцию, а именно: *praising a father*, *using the term 'cat's eyes'*, а также использование жертвами политкорректности слов *genius* и *manfully*, имеющих положительную окраску. Указанный эффект усиливается также в силу того, что участники упомянутых ситуаций принадлежат к социальным группам, традиционно ассоциирующимся с разумным и взвешенным поведением (*NHS hospital consultant*, *Cambridge academic*, *Suffolk council*). Выражение *A to Z* в экспрессивной форме подчеркивает огромное количество случаев нарушения здравого смысла адептами политкорректности, так как подразумевает, что примеров злоупотребления политкорректностью хватает для создания целого справочника. Важно отметить, что это выражение используется дважды в заголовке, а затем повторяется в основной части статьи.

¹Зд. и далее примеры приведены из следующего источника: (www.dailymail.co.uk/news/article-5094791/A-Z-politically-correct-madness.html#comments).

Экспрессивное сочетание *have fallen foul of political correctness*, еще дважды используемое в основной части статьи, указывает на то, что любое нарушение политкорректности гарантирует для нарушителя серьезные негативные последствия, сопоставимые по тяжести и неотвратимости, например, с последствиями нарушения закона, причем совершенная грамматическая форма реализует пресуппозицию, что это уже сложившаяся практика.

Ментальная модель, представляющая активную деятельность «левых» по насаждению политкорректности в обществе как политику, ведущую к ликвидации конституционных прав и свобод как основной массы населения, так и разнообразных меньшинств, а также к репрессиям в отношении инакомыслящих, реализуется в основной части статьи с помощью самых разнообразных средств, среди которых можно отметить употребление пресуппозиций. Так, например, сочетание действительного выражения *every day* с неопределенно-личным местоимением *someone* в начале первого параграфа подразумевает, что случаи, описываемые в статье, не единичны, и любой легко может стать жертвой чрезмерной политкорректности. То же впечатление поддерживается с помощью таких выражений, как *the latest example this week*, *another example*. Предложение *among the most dangerous New Censors are those found in universities* подразумевает, что число адептов этой порочной практики очень велико и постоянно растет, при этом они представлены во всех сферах, включая даже такие, как высшее образование, традиционно ассоциирующееся с рациональным поведением, основанным на здравом смысле.

Предваряя список злодеяний приверженцев практики политкорректности, автор в очередной раз подчеркивает, что источником этого зла является политика оппонентов партии тори, традиционно поддерживаемой «The Daily Mail», что, как уже указывалось выше, является важным элементом ментальной модели рассматриваемой газетной статьи: *Such examples show how political correctness has become an obsession in many sections of the metropolitan, liberal Left*. Вышеупомянутая идеологическая поляризация реализуется также в следующем примере, приведенном в статье: *Home Secretary Amber Rudd's speech to last year's Tory party conference was reported to police as a 'hate crime' by Left-wing Oxford professor Joshua Silver*.

Негативная оценка, основанная на абсурдности сложившейся практики политкорректности, является важным элементом ментальной

модели, создаваемой автором. В статье используются самые разнообразные средства для передачи такой оценки, например вербализация концепта «диктатура», одной из составляющих которого является информация о негативной оценке этого понятия в современной западной культуре: *the New Censors; censors at Cardiff Metropolitan University; censorship; the diktats of political correctness; their diktats state; gender politics*, which *dictates; this Left-wing ideology; ruthlessly polices language and behavior; it silences debate; free speech is undermined; common sense lost*.

Вербализация концепта «религия» способствует реализации в контексте статьи ассоциаций с фанатизмом как крайней степенью приверженности каким-либо воззрениям и нетерпимостью к любым другим взглядам: *a 'sin' committed against the all-pervasive modern creed behind 'gender politics'; a self-appointed priesthood; for any signs of heresy; everyday words, practices and concepts that have fallen foul of the new Political Correctness orthodoxy*.

Использование лексики, реализующей концепт «преступление» способствует вербализации идеи, что неполиткорректное поведение является очень серьезным нарушением, необходимость наказания за которое подчеркивается с помощью средств модальности со значением необходимости, вынужденности, например: *offending the diktats of political correctness; deemed guilty of; is guilty of; must be punished and forced to apologise; had to apologise; was accused of; they have established a code of conduct against 'crimes'; condemn ...as ...offensive; applause was banned; was reported to police as a 'hate crime'; constituted 'micro-aggressions'; caused offence to; breached a policy; the 'act of punishing all criminal or unacceptable behaviour severely, even if it is not very serious'; in their drive to outlaw language and behaviour they decree insensitive*.

Агрессивность политики политкорректности также подчеркивается с помощью использования понятия буллинга, имеющего сильную негативную коннотацию *this bullying brand of identity politics*.

Абсурдность политкорректности имплицитно используется использованием модальных средств со значением малой степени вероятности при описании оснований для принятия немедленных кардинальных мер по ее реализации: *because some people may have thought; it could 'trigger anxiety' among nervous students; might find upsetting; something may cause them distress; as it might trigger traumatic fears about rape; Drag*

queens were banned from a Gay Pride event in Glasgow in 2015 in case they caused offence to transgender people.

Критика сторонниками политкорректности случаев использования традиционных для английского языка выражений передается автором статьи с помощью лексики, реализующей концепт «насильственное преступление», что имплицитно оценивает такую точку зрения как абсурдную: *butchered; was party to animal cruelty; hostility; was accused of 'creating space for violence'*.

Оценка влияния политкорректности на общество вербализуется с помощью лексики, антонимичной выражениям, традиционно используемым самими сторонниками политкорректности: *But far from promoting a tolerant society – which is their proclaimed aim – this bullying brand of identity politics simply creates friction between people, as well as discord and suspicion.* Важно отметить реализованную в начале вышеприведенного предложения пресуппозицию голословности лозунгов приверженцев политкорректности.

Среди эксплицитных оценочных средств, используемых автором в отношении адептов политкорректности и их действий, можно отметить следующие: *truly absurd; politically over-sensitive; the most dangerous; unacceptable.*

Негативная оценка политкорректности реализуется также с помощью метафоры ‘словесный обмен – это минное поле’, способствующей формированию инференции о том, что столкновение с этой практикой опасно: *Even the most innocent verbal exchange can become a minefield.*

Деривационный повтор используется в статье, чтобы подчеркнуть идею о том, что политкорректность ведет исключительно к потерям, что также реализует негативную оценку: *common sense lost; the ultimate irony is that in the name of tolerance for minorities, all concept of essential and hard-won freedoms enjoyed by the majority are in danger of being lost; the most important of these losses is, of course, freedom of expression.*

Визуальная составляющая, представленная карикатурой, играет важную роль в формировании ментальной модели в рассматриваемой статье.

Центральным элементом изображения на рисунке 1 является аббревиатура Pc (Political correctness). Карикатура в образной форме передает характер воздействия политкорректности на общество.

Директивный характер воздействия передается красным цветом букв.

Рис. 1. Иллюстрация к статье

Рис. 2. Иллюстрация к статье

Буквы аббревиатуры представлены в виде одушевленных фигур, имеющих глаза, брови и руки, которые используются в данном случае как средства невербальной передачи директивного речевого акта: руки первой буквы сложены в жест, характерный для передачи указания, в то время как положение рук второй буквы соответствует жесту военных, отдающих честь, что в данном случае может расцениваться как предпочтительная реакция на приказ, а именно, готовность неукоснительно следовать полученным указаниям. При этом сдвинутые брови обеих букв свидетельствуют о серьезности изображенного речевого акта. Важно отметить, что обе буквы развернуты в сторону фигур, изображенных на заднем плане, что, очевидно, означает, что акт коммуникации между буквами является демонстрацией предпочтительного поведения общества в отношении политкорректности. Неудивительно, что фигуры на заднем плане, представляющие пострадавшие от политкорректности социальные группы, демонстрируют крайнюю степень ужаса и разочарования. В этих фигурах можно узнать участников ситуаций, описанных в статье. Эти ситуации относятся, например, к запрету на ношение мексиканских головных уборов, представленному на изображении человеком, с головы которого слетает сомбреро; запрету на использование названий национальных блюд при минимальной адаптации рецепта к местным кулинарным традициям (человек, держащий ложку и разноцветную миску с едой); запрет на участие трансвеститов в гей-парадах (человек с утрированным изображением волос на теле, одетый в женское вечернее платье,

с высокой прической, разочарованно держащий в руке радужный флажок, являющийся символом ЛГБТ-сообщества).

На следующей карикатуре изображена голова коренного американца. Его выражение лица передает удивление и досаду, которые, очевидно, вызваны чрезмерной «заботой», проявленной сторонниками политкорректности в отношении атрибутов его культуры, а именно тем, что кодекс политкорректности строго запрещает представителям других культур примерять традиционные индейские головные уборы, а также делать татуировки с изображениями индейцев.

Когерентность между жанрами общественно-политического дискурса

Когерентность между газетной статьей и комментариями к ней основана на том, что темами комментариев являются ключевые элементы ментальной модели, реализованной в рассмотренной выше статье, а именно – идеологическая поляризация, в соответствии с которой «левые» являются источником зла, связанного с политкорректностью; концепт «диктатура», способствующий реализации ассоциации между практикой политкорректности и лишением общества демократических свобод; концепт «преступление», вербализация которого способствует созданию ассоциации между нарушением правил политкорректности и совершением преступления, требующего сурового наказания; пресуппозиция о присутствии адептов политкорректности во всех сферах общества; негативная оценка, основанная на абсурдности применения политкорректности. Приведем несколько примеров (средства вербализации указанных тем здесь и далее выделены жирным шрифтом):

Who killed bambi, Bradford, United Kingdom, 2 years ago

It's all about **controlling the masses**... We are being prepared for what's to come, **the fight is literally being drained from** us on a daily basis, we are learning quickly **never to question anything** for fear of being shamed. The ironic truth is **the very people claiming to defend freedom are actually ensuring we will never have it.**

Gsmns, Space city, United Kingdom, 2 years ago

Don't think **these idiots** will be happy until our beautiful expressive language has been replaced by **an Orwellian machine** like patois that conveys only meaning devoid of personality warmth or humanity.

Eglwys, shangri la, 2 years ago

How about everyone who thinks **this is ridiculous** (and I'll wager that is most of us) going out of our way to use these 'offensive' words at every opportunity? They can't **jaill** us all. They'll **move on to thoughts** next, and we'll get **Thought Police fining** us if we **think an 'offensive' word**.

S Delaney, West Sussex, United Kingdom, 2 years ago

Who gives **the PC brigade the power to dictate to us?** They aren't elected by us so how can **they tell us what to say, think or do?**

ElizabethWakefield, London, United Kingdom, 2 years ago

If I am ever in the position where I must induce **vomitting**, I shall read this article in its entirety.

Pizzaface, Bolton, 2 years ago

So a father took his child to see a doctor who has dedicated his life to helping children, because he needs that doctors expertise and kindness while his child was ill. The outcome is that he would like to get the doctor, who is helping his child, in trouble for making an innocent comment. Why do we pander to these type of **underhand, ungrateful trouble making** people.

Важно отметить, что комментаторы часто развивают инференции, реализующие ментальную модель статьи, иногда усиливая при этом степень экспрессивности. Например, в следующих комментариях, помимо тем, отмеченных выше, присутствует тема разрушения, представленная средствами вербализации соответствующего концепта, а также тема борьбы, реализованная в соответствующих призывах к действию. Очевидно, тема потеря, вызванных политкорректностью, присутствующая в тексте статьи, была трансформирована в комментариях в более экспрессивную тему разрушения, а борьба представляется комментаторам логичной реакцией общества в сложившихся обстоятельствах. Средства вербализации тем разрушения и борьбы выделены жирным шрифтом с подчеркиванием:

Concerned citizenUK, London, United Kingdom, 2 years ago

PC will destroy western culture. We MUST fight back

Tony D, Rouffignac St Cernin, 2 years ago

Frankly the world **has gone mad**, these snowflakes and **PC liberals will see the fall of our western society**. **The universities need to have non PC heads of colleges** to ensure that the real world is still taught and valued despite many imperfections. However, **this right-on, liberal, PC ideology**

is just total crud, grow up you **students**. If **uni life** is too difficult or too hard, then that is not your life, move on and let some deserving **student** take your place.

Boethius, Manchester, United Kingdom, 2 years ago

The real problem is that **the advocates of this lunacy** can be **found in every government department**. Our own leaders **are deliberately destroying the moral and social fabric of the country** – in the name of ‘progress.’

Yggdrasil, London, United Kingdom, 2 years ago

Let’s all of us fight back by using as many politically incorrect terms as possible. As for avoiding eye contact with the newly-arrived, that’s necessary in my area to avoid a macro-aggression.

Негативная оценка практики применения политкорректности, а также пресуппозиция о присутствии сторонников политкорректности в самых разных сферах развиваются в комментарии, представленном ниже, с помощью упоминания Брюсселя (выделено жирным шрифтом с подчеркиванием), очевидно, реализующего в данном случае фоновую информацию о том, что этот европейский город является штаб-квартирой Еврокомиссии. Соответственно, ментальная модель, созданная автором данного комментария, включает в себя, помимо всего прочего, еще и негативную оценку структур Евросоюза евроскептиками.

Mike A, neither Guernsey nor Jersey., Guernsey, 2 years ago

I have asked this so many times. Will someone please tell me who **the PC lobby** are? Who pays their salary? (They obviously are paid since **their influence is so far reaching**) Are they **a government department, a QUANGO, or a private organisation**? Where do they operate from? (**An office in Brussels**?) What are their names? Who is their chief executive? What is their remit? Were they elected or did they **thrust themselves upon us**? **Isn’t it about time that these anonymous promulgators of nonsense were “outed”**? It seems to me that **they have huge influence and zero accountability**. Surely under the Freedom of Information act I have a legal right to demand answers to these questions?

В комментарии, приведенном ниже, ментальная модель включает в себя негативную оценку «левых», реализуемую с помощью слова *commies*, хотя в тексте газетной статьи столь радикальная политическая идеология, как коммунизм, не упоминалась.

VILLAIN, San Diego, United Kingdom, 2 years ago

The left want to control people that is what this boils down too, they are **commies**.

Следующий комментарий реализует ментальную модель, в которой негативная оценка политкорректности, практикуемой «левыми», дополнена негативной оценкой политики «левых» в отношении мигрантов и существующей жилищной проблемы:

S.O.S, cheshire, United Kingdom, 2 years ago

It's far more sinister than people realise. P.C permeates local government, councils, housing etc, which classes immigrants as vulnerable taking them to the top of all lists...leaving ex service men to sleep on the streets.

Интересно отметить, что концепт «религия», являющийся одним из элементов ментальной модели, построенной автором рассмотренной статьи, не нашел реализации в комментариях, что, очевидно, объясняется тем, что средства, вербализующие этот концепт в тексте статьи, довольно малочисленны по сравнению со средствами реализации других концептов. Кроме того, возможно, концепт «религия» не обладает в восприятии комментаторов информацией о негативной оценке, достаточной для выражения их отношения к предмету обсуждения.

Заключение

Проведенный анализ показал, что когерентность между газетной статьей на общественно-политическую тематику и комментариями к ней основана на повторении ключевых элементов ментальной модели, реализованной в статье. В случае рассмотренной статьи к таким элементам относится информация, связанная с вербализацией негативной оценки идеологии и практики политкорректности и ее адептов. Важно подчеркнуть, что авторы комментариев могут дополнять информацию, релевантную для ментальной модели, построенной автором статьи, новой информацией на основании ассоциативных связей, иногда используя для ее вербализации средства, характеризующиеся в целом более высокой степенью экспрессивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дейк ван Т. А.* Дискурс и знание // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 5–23. URL: cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znanie (дата обращения: 04.04.2019).
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
- Найок О. Б.* Некоторые аспекты когерентности художественного произведения, содержащего интериоризованный дискурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 24–36. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
- Dijk T. A. van.* Cognitive discourse analysis. An introduction. 25.10.2000. URL: www.discursos.org/unpublished%20articles/cogn-dis-anal.htm (дата обращения: 10.04.2019).

REFERENCES

- Dejk van T. A.* Diskurs i znanie // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. unta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. № 13 (156). Vyp. 18. С. 5–23. URL: cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znanie (data obrashhenija: 04.04.2019).
- Makarov M. L.* Osnovy teorii diskursa. M. : Gnozis, 2003. 280 s.
- Najok O. B.* Nekotorye aspekty kogerentnosti hudozhestvennogo proizvedenija, soderzhashhego interiorizovannyj diskurs // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 10 (783). С. 24–36. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf (data obrashhenija: 05.04.2019).
- Dijk T. A. van.* Cognitive discourse analysis. An introduction. 25.10.2000. URL: www.discursos.org/unpublished%20articles/cogn-dis-anal.htm (data obrashhenija: 10.04.2019).

УДК 81'31

А. А. Ржешевская

кандидат филологических наук; доцент кафедры иностранных языков и перевода для иностранных учащихся Института международных образовательных программ Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

О ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЕ В ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена исследованию актуального явления полимодальности и способов его реализации в дискурсе на примере текста драматургического произведения.

Ключевые слова: полимодальность; интермодальность; коммуникация; дискурс; перспектива; драма.

A. Rzheshhevskaya

Ph.D. (Philology), Associate Professor, department of foreign languages and translation for foreign students, Institute of international educational programmes, Moscow State Linguistic University;
e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

ON MULTIMODALITY AND PERSPECTIVE IN DISCOURSE

The article is devoted to the phenomenon of multimodality and means of its realization in discourse based on the example of a drama.

Key words: multimodality; intermodality; communication; discourse; perspective; drama.

Введение

В настоящее время полимодальность привлекает всё большее внимание исследователей, поскольку позволяет распознать когнитивные механизмы восприятия и обработки информации, поступающей из разных источников. Согласно мнению лингвиста М. Халлидея, язык представляет собой социальную форму семиотического ресурса по созданию значения. Полимодальными считаются тексты, которые созданы благодаря использованию более одного семиотического кода [Halliday 1978].

Будучи сопряженной со многими другими явлениями, изучаемыми в когнитологии, полимодальность становится междисциплинарным явлением, включающим в себя такие понятия, как:

- *коммуникация* в целом [Kress, Leeuwen 2001];
- *анализ дискурса* [Siefkes, Schöps 2013];
- *взаимосвязь текста и изображения* [Bateman 2014];
- *язык и жесты* [Cienki 2015];
- *речь и видеоряд* в фильме [Wildfeuer 2013].

Такое разнообразие взглядов на полимодальность позволяет максимально широко охватить весь спектр подходов к ее рассмотрению, а также обозначить возможные новые пути исследований.

Полимодальная коммуникация и дискурс

Язык разделен на выполняющие определенные социальные функции модусы: устный, письменный, визуальный и аудиальный. Коммуникация выстраивается на нескольких уровнях: вербальный, невербальный, визуальный и реализуется посредством семиотических ресурсов для создания значения [Bateman 2011; Крейдлин 2014]. Полимодальная коммуникация рассматривается исследователями широко – как коммуникация в ходе прямого и опосредованного общения (например, опосредованного Интернетом), между персонажами фильма или видеогры, а также как использование разных модусов общения – главным образом, визуальных, в письменных текстах, в рекламе, комиксах, журналах, детских книгах, инструкциях, романах и пр. Каждый вид из представленных полимодальных дискурсов требует определенных подходов и методов сбора, обработки и анализа данных [Baldry, Thibault 2006; Kress, 2009; Kress, Van Leeuwen 1996].

Одним из главных подходов к анализу полимодального дискурса считается количественный подход, основанный на корпусных данных [Schöps 2016]. Помимо корпусных данных, анализу подвергаются также и жесты, регистрируемые системой ELAN, подтвержденные статистическим методом [Wittenburg et al. 2006]. В рамках названного подхода исследования полимодальности базируются на трех основных положениях, которые состоят в том, что коммуникация сопровождается различными модусами (речь, письменный текст, жесты, изображения и др.); значение конструируется благодаря выбору и конфигурации модусов во взаимодействии; используемые коммуникантами модусы имеют культурно-социальную обусловленность, становясь, таким образом, зависимыми от контекста. Изучение особенностей межкультурной коммуникации вносит существенный

вклад в развитие и расширение явления полимодальности. В рамках теории социальной семиотики коммуникация определяется как визуальная и вербальная деятельность в определенном социокультурном контексте, а создание значения определяется как социальная практика [Jewitt 2009; Гаврилова 2016].

Коммуникация может состояться при реализации гибридных коммуникативных актов, которые представляют собой полимодальные микрособытия, в ходе которых все знаки призваны осуществить коммуникативное намерение [Kress 2009]. В широком смысле, в зависимости от определения модуса и его компонентов, любой вид коммуникации может стать полимодальным [Siefkes, Arielli 2018]. Исследования, посвященные полимодальности коммуникации, выявляют взаимосвязь между различными коммуникативными модусами, а также бросают вызов утверждению о том, что письменная и устная речь выполняют главенствующие смыслообразующие функции. В некоторых исследованиях смыслообразование зависит от материальных артефактов, социального и культурного контекстов коммуникативного акта, намерений и предшествующего опыта коммуникантов [Jewitt 2009].

Модусы полимодальности

Существует мнение о том, что модусы не могут выражать одно и то же в разных культурах. Так, то, что может быть выражено письменно в одной культуре, выражается жестами или изображениями в другой. Всё же имеются некоторые схожие черты, такие как последовательность времен для выражения значения высказывания, а также звуко сочетание, выражающее смысл высказывания. При этом форма выражения, как и структура, а также правильная интерпретация высказывания социально и культурно обусловлены [Kress 2009; Крейдлин 2014].

Для исследователей значимыми представляются такие вопросы, как количество анализируемых модусов и их приоритетность. Кроме того, сосредоточенность полимодального исследования на микровзаимодействиях между коммуникантами на видеоролике или отрывке текста позволяет задаться вопросом о применимости данных анализа и проведенного исследования к целому обществу или культуре. В связи с этим представляется важным соотношение полимодальности с социальной теорией и текстами, анализируемыми в рамках

социально-исторического контекста [Siefkes, Arielli 2018; Гаврилова 2016; Крейдлин 2014].

В некоторых исследованиях полимодальность определяется как разнообразие перспектив, способов мышления. Это своеобразный набор методов, служащий одной цели [Baldry, Thibault 2006]. Такой подход сближает полимодальность с явлением множественности перспектив, характерной для коммуникативных актов с участием нескольких коммуникантов.

Полимодальность, перспективизация, интермодальность

Полимодальность письменного дискурса ориентирована не только на автора, но и на читателя, поскольку данный вид дискурса представляет собой сочетание текста, изображения, а также графических средств выделения значимой информации. Кроме того, полимодальность может быть выражена с помощью типа шрифта, структурной организации текста, особого выделения номеров страниц, выделение жирным шрифтом или заглавными буквами отдельных слов или выражений персонажей произведений. В данном случае полимодальность становится близка к исследованиями перспективы и способам её реализации в дискурсе, в том числе стилистически окрашенных языковых средств.

Наряду с полимодальностью обращает на себя внимание явление интермодальности, которое устанавливает соотношение различных видов модусов внутри дискурса. Так, например, взаимоотношения таких модусов, как изображения зданий в стиле барокко и модерн, и сопровождающие их отрывки музыкальных произведений, относящиеся к названным временным эпохам, считаются более сбалансированными в том случае, если здание и музыкальное произведение относится к одному направлению [Siefkes, Arielli 2018].

Пример о взаимосвязи визуального и аудиального каналов восприятия позволяет задуматься об изучении сочетания модусов, иными словами, интермодальности и ее функций в письменном дискурсе. Функция эмоциональной включенности подразумевает не только использование эмоционально окрашенной лексики в тексте, но и изображений, вызывающих эмоциональную реакцию со стороны читателей. В то время как контрастивная функция служит для создания напряжения между текстом и изображением, что отражается, например, в различии стиля текста и «настроения» сопровождающего

его изображения. Функция эмпазы заключается в усилении одного модуса посредством другого, так, в частности, музыка, сопровождающая видеоряд или отрывок из фильма усиливает воздействие на зрителя. Таким образом, интермодальность, являясь неотъемлемой частью полимодальности, отражает взаимоотношения между модусами и их стилистическими характеристиками, а также играет важную роль в создании общего полимодального значения дискурса [Marsh, White 2003].

Рассмотрим функционирование названных явлений интермодальности и полимодальности на примере письменного дискурса драмы. Как известно, текст пьесы не содержит иллюстраций, что позволяет сделать вывод о том, что полимодальность задана структурной организацией произведения и проявляется, в частности, в сеттингах, указывающих¹:

– на место события (*The entire play is set in the living-room of the Middleton's house*);

– время (*The same evening*);

– декорации (*A cosy, well-furnished, scrupulously clean living-room, equipped with dining table and chairs as well as a three-piece suite and sideboard; A large vase of flowers stands on the table and another on the sideboard*);

– световое оформление (*The light fades*);

– музыку (*Dance music has started...*)

– другие звуки (*The outside door bangs; sound of cups*).

Кроме того, полимодальность отражена в авторских ремарках, направленных на более подробное описание поведения персонажей:

– их мимику (*glances at watch; watches her intently; gazes up at them from beneath his hands*);

– жесты (*Gestures at himself; He gestures at JOAN*);

– передвижения (*He gets up from the table and moves about the room, apparently looking for matches; ARNIE goes casually to the window*).

Следует отметить, что полимодальность, выраженная в тексте, воспринимается читателем с помощью образов и места событий, созданных и описанных автором. В данном случае задействуется один модус – визуальный. Более яркое воплощение полимодальности создается при восприятии пьесы зрителем при одновременном воздействии таких модусов, как аудиальный и визуальный: декорации и их

¹Зд. и далее примеры из: [Storey 1984].

смена, различное световое оформление, звучание музыки, мимика, жесты и передвижение актеров по сцене, смена интонационных моделей высказываний. Однако в рамках отдельного отрывка пьесы и его воспроизведения на сцене взаимодействие нескольких модусов может рассматриваться в качестве характеристик интермодальности, поскольку оба модуса (аудиальный и визуальный) вносят вклад в создание единого образа, как, например, образа раненого человека с помощью крика персонажа (*a great and ugly scream*) и его имитации падения в кресло (*dies writhingly in a chair*): (*HANSON gives a great and ugly scream and dies writhingly in a chair*).

Приведенный ниже отрывок из пьесы D. Storey «The Restoration of Arnold Middleton» демонстрирует одновременное задействование нескольких модусов, например описание звуков гремящей посуды, когда персонаж находится на кухне (*She goes to the kitchen: sound of cups*), резкое передвижение персонажей, изображающих сражение (*HANSON thrusts at him with his stick, They fight with much groaning and exertion, ARNIE with his invisible sword, HANSON with his stick, HANSON gives a great and ugly scream and dies writhingly in a chair*), графическое выделение эмоционального интонационного поведения одного из персонажей (*ARNIE. Back! Back! Th-th-th-i-i-i-ssss-ssss This! i-i-i-sss-is! g-g-g-gay! r-r-r-r-Robin h-h-h-h-Hood!*):

(She goes to the kitchen: sound of cups.)

HANSON. Have at you, man!

(HANSON thrusts at him with his stick.)

ARNIE. Have at you!

(They fight with much groaning and exertion, ARNIE with his invisible sword, HANSON with his stick.)

ARNIE. Back! Back! Th-th-th-i-i-i-ssss-ssss This! i-i-i-sss-is! g-g-g-gay! r-r-r-r-Robin h-h-h-h-Hood!

(HANSON gives a great and ugly scream and dies writhingly in a chair)
[Storey 1984, с. 197].

Заключение

Все перечисленные модусы указывают, с одной стороны, на полимодальность, поскольку характеризуют письменный дискурс драмы как разнонаправленный и задействующий несколько планов произведения (драматург-читатель, режиссер-актер, актер-зритель).

Полиmodalность способствует созданию и восприятию нескольких перспектив: перспектива автора произведения на персонажей и на постановку пьесы; перспектива читателя, воспринимающего текст пьесы сквозь призму перспективы автора и персонажей, отраженных в ремарках и репликах; перспектива режиссера, сформированная благодаря авторским ремаркам и сеттингам; перспектива актера, заданная текстом пьесы и модифицированная режиссером; а также перспектива зрителя, которая создается в полиmodalном пространстве театральной постановки благодаря влиянию разнообразных аудиальных и визуальных модусов. С другой стороны, те же модусы в рамках отдельной мини-сцены пьесы создают целостное восприятие образов персонажей зрителем. Таким образом, внутри изначально полиmodalного пространства пьесы обнаруживает себя интерmodalность, которая дополняет создаваемый автором и режиссером образ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова М.В.* Социальная семиотика: теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов // *Political Science (RU)*. 2016. Вып. № 3. С. 101–117.
- Ирисханова О.К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка*. 2013. № 15. С. 43–58.
- Крейдлин Г.Е.* Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2014. № 2. С. 100–120.
- Baldry A., Thibault P.J.* Multimodal transcription and text analysis: A multimedia toolkit and coursebook with associated on-line course. London : Oakville Equinox, 2006. 270 p.
- Bateman J.A.* The decomposability of semiotic modes // *Multimodal studies: Exploring issues and domains*. New York : Routledge, 2011. P. 17–38.
- Cienki A.* Spoken language use events // *Language and Cognition*. 2015. # 7. P. 499–514.
- Jewitt C.* Handbook of multimodal analysis. London : Routledge. 2009. 332.
- Haliday M.A.K.* Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. L. : Arnold, 1978. 256 p.
- Kress G.* What is mode? // *Handbook of multimodal analysis / Ed. C. Jewitt*. L. : Routledge, 2009. P. 54–66.
- Kress G., Leeuwen T. van.* Reading images: The grammar of visual design. L. : Routledge, 1996. 287 p.

- Kress G., Leeuwen T. van.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L. : Arnold, 2001. 142 p.
- Marsh E. E., White M. D.* A taxonomy of Relationships between Images and Text // *Journal of Documentation.* 2003. # 59.6. P. 647–660.
- Siefkes M., Arielli E.* The Aesthetics and Multimodality of Style. Experimental Research on the Edge of Theory. Bern : Lang, 2018. 255 p.
- Siefkes M., Schöps D.* Von der Diskurslinguistik zur Diskurssemiotik // *Zeitschrift für Semiotik.* 2013. № 35 (3–4). S. 235–247.
- Schöps D.* Körperhaltungen und Rollenstereotype im DEFA-Film. Eine korpusanalytische Untersuchung. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2016. S. 548.
- Storey D.* The Restoration of Arnold Middleton. Современный английский театр: сборник / сост. Ю. Г. Фридштейн на англ. яз. М. : Радуга, 1984. 480 с.
- Wildfeuer J.* Coherence in Film: Analysing the Logical Form of Multimodal Narrative Discourse / A. Maiorani, Ch. Christie (Eds.) // *Multimodal Epistemologies: Towards an Intergrated Framework.* L. : Routledge Series of Multimodality. P. 260–274.
- Wittenburg P. [at al.].* ELAN: a professional framework for multimodality research : Proceedings of the 5th International Conference on Language Resources and Evaluation / P. Wittenburg, H. Brugman, A. Russel, A. Klassmann, H. Sloetjes. 2006. P. 1556–1559.

REFERENCES

- Gavrilova M. V.* Social'naja semiotika: teoreticheskie osnovanija i principy analiza mul'timodal'nyh tekstov // *Political Science (RU).* 2016. Vyp. № 3. S. 101–117.
- Irishanova O. K.* O ponjatii perspektivizacii v kognitivnoj lingvistike // *Kognitivnye issledovanija jazyka.* 2013. № 15. S. 43–58.
- Krejdlin G. E.* Semiotičeskaja konceptualizacija tela i problema mul'timodal'nosti // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika.* 2014. № 2. S. 100–120.
- Baldry A., Thibault P. J.* Multimodal transcription and text analysis: A multimedia toolkit and coursebook with associated on-line course. L. : Oakville Equinox, 2006. 270 p.
- Bateman J. A.* The decomposability of semiotic modes // *Multimodal studies: Exploring issues and domains.* New York : Routledge, 2011. P. 17–38.
- Cienki A.* Spoken language usale events // *Language and Cognition.* 2015. # 7. P. 499–514.
- Jewitt C.* Handbook of multimodal analysis. London : Routledge. 2009. 332.
- Haliday M. A. K.* Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. L. : Arnold, 1978, 256 p.

-
- Kress G.* What is mode? // Handbook of multimodal analysis / Ed. C. Jewitt. L. : Routledge, 2009. P. 54–66.
- Kress G., Leeuwen T. van.* Reading images: The grammar of visual design. L. : Routledge, 1996. 287 p.
- Kress G., Leeuwen T. van.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L. : Arnold, 2001. 142 p.
- Marsh E. E., White M. D.* A taxonomy of Relationships between Images and Text // Journal of Documentation. 2003. # 59.6. P. 647–660.
- Siefkes M., Arielli E.* The Aesthetics and Multimodality of Style. Experimental Research on the Edge of Theory. Bern : Lang, 2018. 255 p.
- Siefkes M., Schöps D.* Von der Diskurslinguistik zur Diskurssemiotik // Zeitschrift für Semiotik. 2013. № 35 (3–4). S. 235–247.
- Schöps D.* Körperhaltungen und Rollenstereotype im DEFA-Film. Eine korpusanalytische Untersuchung. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2016. S. 548.
- Storey D.* The Restoration of Arnold Middleton. Sovremennyj anglijskij teatr: sbornik / sost. Ju. G. Fridshtejn na angl. jaz. M. : Raduga, 1984. 480 s.
- Wildfeuer J.* Coherence in Film: Analysing the Logical Form of Multimodal Narrative Discourse / A. Maiorani, Ch. Christie (Eds.) // Multimodal Epistemologies: Towards an Intergrated Framework. L. : Routledge Series of Multimodality. P. 260–274.
- Wittenburg P. [at al.].* Elan: a professional framework for multimodality research : Proceedings of the 5th International Conference on Language Resources and Evaluation / P. Wittenburg, H. Brugman, A. Russel, A. Klassmann, H. Sloetjes. 2006. P. 1556–1559.

УДК 81'42

В. Л. Соколова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ АУДИТОРИИ
(на материале англоязычного художественного дискурса)**

В статье выдвигается предположение о существовании двух дискурсивных механизмов управления вниманием аудитории – коммуникативных антиципаций и дискурсивной динамичности – основанных на свойствах внимания как психического процесса; рассматриваются коммуникативные стратегии, характеризующие каждый из предложенных автором дискурсивных процессов (на примере англоязычного художественного дискурса); выдвигается предположение о динамике взаимодействия рассматриваемых механизмов.

Ключевые слова: управление вниманием; привлечение внимания; манипуляция вниманием; удержание внимания; художественный дискурс; коммуникативные антиципации; информационная недостаточность; дискурсивная динамичность.

V. L. Sokolova

Ph.D., Assistant Professor, Department of English Stylistics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

**COMMUNICATIVE STRATEGIES OF CAPTURING
AND HOLDING THE READERS' ATTENTION
IN ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE**

The author of the article identifies two mechanisms of capturing and holding the readers' attention. These mechanisms are defined as the mechanism of communicative anticipations and the mechanism of discursive dynamics, and are both rooted in the characteristics of attention as a psychical processes; the article also considers the communicative strategies characterizing each of the above discursive mechanisms in fictional discourse and contains an assumption about the character of their interaction.

Key words: attention-manipulation; attention-grabbing; holding attention; capturing attention; fictional discourse; communicative anticipations; communicative insufficiency; discursive dynamics.

Введение

В наши дни, когда читатели и слушатели сталкиваются с огромным объемом информации, поступающим к ним из самых разных источников, вопрос управления вниманием аудитории, и, прежде всего, его привлечения и удержания, становится всё более актуальным.

Следует отметить, что вопросы управления вниманием аудитории ставились еще древними риториками, во времена Аристотеля и Цицерона [Цицерон 1994; Аристотель 2000], хотя, безусловно, до нашей эры управление вниманием относилось к искусству риторики и красноречия и не являлось отдельной темой исследования.

Уже в XX–XXI вв. коммуникативные стратегии управления вниманием читателя и слушателя становятся предметом изучения, и в некоторых случаях даже именуется манипуляцией вниманием аудитории [Кара-Мурза 2015]. Вопросы привлечения (или «захвата») и удержания интереса аудитории находят отражение в работах из самых разных областей: психология [Пятков 2017], журналистика [Сыроватская 2011], лингвистика [Витязева 2016; Никитина 2006].

Следует отметить, что в существующих исследованиях выделяется целый ряд способов привлечения и удержания внимания аудитории (например, риторические вопросы, вопросно-ответная тактика, личные местоимения), однако не выявляются глубинные дискурсивные механизмы, которые стоят за конкретными коммуникативными стратегиями, рассматриваемыми исследователями [Витязева 2016]. Именно выявление и рассмотрение этих дискурсивных механизмов и является целью настоящего исследования. Выбор художественного дискурса как объекта исследования связан с тем, что управление вниманием аудитории на данном материале, насколько нам известно, не получало до сих пор широкого освещения в лингвистической литературе.

Для решения поставленной цели мы выдвигаем предположение о существовании двух дискурсивных механизмов, основанных на определенных свойствах внимания как психического процесса, рассматриваем каждый из этих механизмов управления вниманием аудитории в действии (на примере англоязычного художественного дискурса), разрабатываем критерии объективной оценки действенности этих механизмов и выдвигаем предположение о динамике их взаимодействия.

Дискурсивные механизмы управления вниманием аудитории

Предлагаемые в настоящем исследовании дискурсивные механизмы управления вниманием аудитории основаны на двух особенностях внимания как психического процесса: предвосхищении и устойчивости.

Важность предвосхищения для концентрации внимания подчеркивается в работах американского психолога У. Найссера [Neisser 1979].

The perceiver anticipates receiving specific information from the environment. Their anticipations direct their attention...» [цит. по: Milton 2002, с. 43].

Воспринимающий предвосхищает получение специфической информации из окружающего мира. Его предвосхищение направляет его внимание...¹

На дискурсивном уровне, как мы полагаем, психологический механизм предвосхищения реализуется через **коммуникативные антиципации** (или ожидания) которые, по нашему мнению, задаются тем или иным словом или высказыванием [Соколова 2017, с. 62]. В плане их когнитивной структуры коммуникативные антиципации рассматриваются как механизм актуализации фрейма того или иного явления через один или несколько его терминалов. В качестве наиболее ярких примеров установления коммуникативных антиципаций мы рассматриваем неотвеченные вопросы, обращенные к читателю (например: «Кто виноват?»), которые актуализуют терминал, принадлежащий нескольким фреймам сразу («виновность участника А», «виновность участника В» и т. п.), могут вызывать у читателя интерес, какой же из возможных фреймов будет реализован, и, в конечном итоге, привлекают внимание читателя к дискурсу, содержащему этот вопрос. При этом поддерживать внимание читателя могут такие структурирующие дискурс фразы, как «во-первых, во-вторых, в-третьих», поскольку каждая из них формирует определенные коммуникативные антиципации.

Второй дискурсивный механизм управления вниманием аудитории связан с устойчивостью внимания как психического процесса, определяемого как «продолжительность времени, в течение которого

¹Перевод наш. – В. С.

[человек] способен концентрироваться на определенном объекте или теме» [Устойчивость внимания URL]. Полагаем, что на дискурсивном уровне поддержание устойчивости внимания реализуется благодаря механизму **дискурсивной динамичности** произведения, который связан с переключением с одного типа дискурса на другой (например, от диалога к повествованию). Эффективность этого дискурсивного механизма управления вниманием аудитории обусловлена тем, что смена дискурсивных форм препятствует монотонности коммуникации, ведущей к ослаблению интереса и внимания аудитории.

Рассмотрим, с помощью каких коммуникативных стратегий в англоязычном художественном дискурсе реализуется каждый из двух выявленных нами дискурсивных механизмов управления вниманием аудитории.

Коммуникативные стратегии установления коммуникативных антиципаций в художественном дискурсе

Полагаем, что самым распространенным средством, устанавливающим коммуникативные антиципации в художественном дискурсе, являются **лексические единицы, имеющие обобщающее значение**. По нашим наблюдениям, они отмечаются в большинстве современных художественных произведений Джона Гришэма (*The Firm, The Associate, The Abduction, The Confession*), Стивена Кинга (*The Institute, Black House*), Ника Хорнби (*About a Boy*). Эта модель заголовка задает определенные коммуникативные ожидания читателя, связанные с фреймом, актуализуемым через название художественного произведения. Этот фрейм слишком обширен (например, *The Firm* можно отнести к любой фирме или компании), что, как ни парадоксально, создает некоторую коммуникативную недостаточность: читатель может заинтересоваться, какой именно сегмент столь огромного понятия раскрывается в данной книге.

Примечательно, что при установлении коммуникативных антиципаций с помощью «обобщающих» лексических единиц могут быть использованы концепты, которые эмоционально значимы для целевой аудитории, например, *Eat Pray Love* (Элизабет Гилберт). В этом случае коммуникативные ожидания (фреймы) каждого из читателей могут быть разными, основанными на индивидуальном опыте, что может способствовать желанию читателя сопоставить собственные предположения с содержанием книги.

Лексические единицы, содержащие оценку, также могут способствовать установлению коммуникативных антиципаций. Например, «The Outsider» Стивена Кинга. Здесь мы видим другую концептуальную структуру создания коммуникативных антиципаций: не названием фрейма (*The Firm*, etc.), а оценочным терминалом нескольких фреймов (например, the OUTSIDER (изгой) может быть терминалом сразу нескольких фреймов: «отношения в семье», «отношения на работе» и т. п.), что также может вызвать у читателя желание установить, к какому именно фрейму относится данный терминал.

Интерес (и, соответственно, коммуникативные ожидания) читателя может вызвать и **новое для читателя понятие или явление** (неизвестный читателю и поэтому интригующий фрейм), особенно в заголовке произведения. Например, до выхода книг «The Da Vinci Code» Дэна Брауна и «The Green Mile» Стивена Кинга читатель, возможно, мог быть заинтригован, о какой именно миле и о каком Коде да Винчи идет речь. К подобному случаю установления коммуникативных антиципаций можно отнести и «The Lost Symbol» Дэна Брауна, и «The Run Away Jury» Джона Гришема, и многие другие.

Стилистические приемы (например, **аллюзия или каламбур**), также могут создавать определенные коммуникативные ожидания читателя. Например, в случае аллюзии («Ten Little Niggers» Агаты Кристи), с одной стороны, реализуется фрейм произведения, аллюзия на которое имеет место (в данном случае – детского стишка про негритят, известного носителям англоязычной культуры), а с другой – устанавливаются коммуникативные ожидания по поводу содержания всего художественного произведения (что может рассказываться в детективе, таким образом озаглавленном).

В случае с каламбуром (в заголовке «The Queen of Hearts» современной писательницы Киммери Мартин), одновременно актуализуются два фрейма – и лексическая единица *queen of hearts* (червовая дама), и характеристика личности («королева сердец», т. е. «популярная»), что не только формирует у читателя определенные коммуникативные ожидания, но и создает комический эффект, который может вызвать у читателя в целом положительное отношение к произведению и желание с ним ознакомиться (при этом вскоре читатель обнаружит еще одно значение слова *heart* – «сердце как внутренний орган» – поскольку главная героиня произведения – медик).

Важно отметить, что стилистические средства (особенно создающие юмористический эффект), по нашему наблюдению, устанавливают коммуникативные ожидания двояко: как логически (читатель ожидает определенной информации), так и эмоционально (вызывая улыбку читателя, они положительно настраивают его к произведению и порождают у него желание с ним ознакомиться).

Как следует из приведенных выше примеров, коммуникативные антиципации задаются самыми различными средствами, создающими некоторую информационную недостаточность. Помимо перечисленных, к ним, как указывалось ранее, могут относиться и неотвеченные вопросы, и перебивы в диалоге, и дейктические элементы неопределенной референции (например, использование *he* или *she* в самом начале произведения, без объяснения читателю, о ком идет речь), и категории обобщенного характера (часто – гиперонимы), область определения которых поэтапно уточняется, поддерживая при этом напряжение читателя (подробнее об информационной недостаточности см. [Соколова 2010]).

В качестве примера поэтапного установления коммуникативных антиципаций (от наиболее общего фрейма к частному) можно привести следующий диалог матери с сыном по поводу семейных проблем последнего:

“What’s wrong?” she said before a minute passed, before I took the first sip.
Nothing. I’m fine.

Where’s Claire? You guys never call us, you know. I haven’t heard her voice in two months.

Claire’s fine, Mom. We’re both alive and healthy and working very hard.

Are you spending enough time together?

No.

Are you spending any time together?

Not much.

She frowned and rolled her eyes with motherly concern. “Are you having trouble?” she asked, on the attack.

Yes <...>.

Affairs? Drugs? Alcohol? Gambling? Any of the bad things?

No. Just two people going their separate ways. I work eighty hours a week.

She works the other eighty [Grisham 2003, с. 65–66].

Коммуникативные ожидания читателя в данном фрагменте устанавливаются поэтапно лексическими единицами *wrong* → *enough time*

together → *any time together* → *trouble* → *going their separate ways*, при этом внимание читателя поддерживается на протяжении всего фрагмента благодаря недосказанности (информационной недостаточности), остающейся в каждом последующем элементе цепочки.

Принимая во внимание многочисленность средств установления коммуникативных антиципаций, мы предлагаем вывести объективный критерий оценки их роли в управлении вниманием читателя.

Критерий объективной оценки дискурсивного механизма коммуникативных антиципаций

Чтобы объективно оценить дискурсивную роль коммуникативных антиципаций мы выводим Коэффициент (а) – $K(a)$ («а» от «антиципации»), который определяет среднее количество случаев установления коммуникативных антиципаций на одну условную страницу (которая составляет 1800 печатных знаков, в соответствии с принятой практикой подсчета объема текста [Единицы измерения объема выполненного перевода URL]), таким образом $K(a) = N$ (установлений антиципаций) : n (условных страниц).

Например, если общий объем фрагмента шестой главы романа *The Street Lawyer* («Адвокат») Джона Гришэма составляет 4690 печатных знаков, то, чтобы получить число условных страниц, которые он занимает, мы делим 4690 на 1800 (количество печатных знаков в условной странице), что составляет 2,6 (условных страниц). Чтобы определить $K(a)$ мы считаем число случаев установления коммуникативных антиципаций на выбранный объем дискурса (их, по нашим подсчетам, 9) и делим его на 2,6 (количество условных страниц):

$K(a) = 9$ (установлений антиципаций) : 2,6 (страниц) = 3,4, что является достаточно высоким значением (по сравнению с другими рассмотренными фрагментами) и говорит о значительной роли коммуникативных антиципаций для данного фрагмента дискурса.

Тем не менее механизм коммуникативных антиципаций неизбежно сочетается с механизмом дискурсивной динамичности.

Механизм дискурсивной динамичности

Как указывалось выше, механизм дискурсивной динамичности произведения связан со сменой типов дискурса. Например, в приведенном ниже фрагменте из «*The Street Lawyer*» наблюдается

чередование диалога, повествования и авторского комментария, что в общей сложности составляет восемь смен дискурсивных форм:

1 – повествование

I had called from the airport, so Mother was waiting with great anticipation when I arrived. Dad was on the back nine somewhere.

2 – прямая речь; 3 – авторский комментарий

«You look tired,» she said after the hug and kiss. It was her standard greeting.

4 – прямая речь; 5 – авторский комментарий

«Thanks, Mom. You look great.» And she did. Slender and bronze from her daily tennis and tanning regimen at the country club.

6 – повествование

She fixed iced tea and we drank it on the patio, where we watched other retirees fly down the fairway in their golf carts.

7 – диалог; 8 – авторский комментарий

«What's wrong?» she said before a minute passed, before I took the first sip. «Nothing. I'm fine» [Grisham 2003, с. 65].

Полагаем, что благодаря такому чередованию, внимание читателя не рассеивается, а поддерживается на постоянном высоком уровне.

Примечательно, что большинство рассмотренных нами произведений совершенно разных авторов конца XIX – начала XXI вв. – Джона Гришима, Скотта Фицджеральда, Агаты Кристи – были разделены на фрагменты со средним объемом в 4,5 страниц (от 1 до 11 страниц). Именно этот объем, как считается, среднестатистический читатель прочитывает «за один присест», не отрываясь и не теряя концентрации внимания. Считается также, что текст объемом примерно в 4–5 книжных страниц, составляет традиционный объем короткого рассказа [Masterson URL]. Тем не менее и в каждой главе есть чередование дискурсивных форм. В среднем, на одну главу приходится от 11 до 20 таких чередований.

Критерий объективной оценки механизма дискурсивной динамичности

Как и в случае с критерием установления коммуникативных антиципаций, для оценки эффективности дискурсивной динамичности мы выводим Коэффициент (д) – К(д) («д» от «динамичность»), который устанавливает среднее количество переходов от одной дискурсивной

формы к другой на одну условную страницу (1800 печатных знаков). $K(d) = N$ (переходов от одной формы дискурса к другой) : n (условных страниц).

Чтобы посчитать $K(d)$ для рассмотренного выше фрагмента романа Джона Гришэма *The Street Lawyer*, объемом в 2,6 условных страниц, мы разделили количество переходов от одной дискурсивной формы к другой (16) на 2,6. $K(d) = 16$ (переходов) : 2,6 (условных страниц) = 6,1.

По нашим наблюдениям, такое значение $K(d)$ достаточно высокое, при этом примечательно, что на протяжении объемных фрагментов диалога, где дискурсивная форма не сменяется, функцию управления вниманием читателя берет на себя механизм коммуникативных антиципаций, и таким образом оба дискурсивных механизма управления вниманием аудитории оказываются в отношениях взаимодополнения.

Заключение

В исследовании выдвинуто и обосновано положение, что управление вниманием читателя осуществляется с помощью двух дискурсивных механизмов – коммуникативных антиципаций и дискурсивной динамичности. Эти механизмы основаны на свойствах внимания как психического процесса и взаимно дополняют друг друга.

Установлены некоторые коммуникативные стратегии, через которые реализуются дискурсивные механизмы управления вниманием читателя в художественном дискурсе.

С целью объективной оценки роли коммуникативных антиципаций и дискурсивной динамичности в управлении вниманием аудитории предложен способ подсчета дискурсивных коэффициентов ($K(a)$ и $K(d)$).

Полагаем, что разрабатываемая нами методика выявления и оценки дискурсивных механизмов управления вниманием аудитории применима не только к англоязычному художественному дискурсу, но и к другим дискурсивным формам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Поэтика. Риторика / вступ. ст. и коммент. С. Ю. Трохачева ; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб. : Азбука, 2000. 346 с.

- Витязева Ю. А.* Коммуникативная стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 403. С. 5–9. URL : cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-privlechenie-i-uderzhanie-vnimaniya-v-mediadiskurse-na-primere-nauchno-populyarnogo-seriala (дата обращения: 17.05.2019).
- Единицы измерения объёма выполненного перевода // Википедия. URL : wikipedia.org/wiki/Единицы_измерения_объёма_выполненного_перевода (дата обращения: 19.05.2019).
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2015. 464 с.
- Никитина К. В.* Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 26 с.
- Пятков А. Г.* Захват внимания аудитории при работе со студентами разных уровней мотивации // Решетневские чтения. 2017. № 21–2. С. 701–703. URL : cyberleninka.ru/article/n/zahvat-vnimaniya-auditorii-pri-rabote-so-studentami-raznyh-urovney-motivatsii (дата обращения: 17.05.2019).
- Соколова В. Л.* Информационная недостаточность как явление в художественном диалоге // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. 2010. Вып. 17 (596). С. 93–107.
- Соколова В. Л.* Концептуальные основания и дискурсивные функции лингвистических антиципаций // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. 2017. Вып. 10 (783). С. 61–65. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf (дата обращения: 17.05.2019).
- Сыроватская Н. С.* Языковые средства управления вниманием аудитории аналитического журналистского текста (на материале немецкого языка) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 209–214. URL : cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-upravleniya-vnimaniem-auditorii-analiticheskogo-zhurnalistskogo-teksta-na-materiale-nemetskogo-yazyka (дата обращения: 17.05.2019).
- Устойчивость внимания // Психологическая энциклопедия. URL : dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1197/Устойчивость (дата обращения: 17.05.2019).
- Цицерон М. Т.* Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф. А. Петового, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова ; под ред. М. Л. Гаспарова. М. : Ладомир, 1994. 475 с.
- Grisham J.* Street Lawyer. New York : Bantam Dell, 2003. 452 p.
- Masterson L.* How Long Should Your Story Be? URL : www.writing-world.com/fiction/length.shtml (дата обращения: 17.05.2019).
- Milton K.* Loving nature: Towards an ecology of emotion. Loving Nature : Towards an Ecology of Emotion. London ; New York : Routledge, 2002. 185 p.

Neisser U. The control of information pickup in selective looking // A. D. Pick (Ed.). Perception and its development: a tribute to Eleanor J. Gibson Hillsdale, NJ : Erlbaum. 1979. P. 201–219.

REFERENCES

- Aristotel'.* Pojetika. Ritorika / vstup. st. i komment. S. Ju. Trohacheva ; per. s grech. V. Appell'rota, N. Platonovoj. SPb. : Azbuka, 2000. 346 s.
- Vitjazeva Ju. A.* Kommunikativnaja strategija «Privlechenie i uderzhanie vnimanija» v mediadiskurse na primere nauchno-populjarnogo seriala // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2016. № 403. S. 5–9. URL: cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-privlechenie-i-uderzhanie-vnimanija-v-mediadiskurse-na-primere-nauchno-populyarnogo-seriala (data obrashhenija: 17.05.2019).
- Edinicy izmerenija ob#joma vypolnennogo perevoda // Vikipedija. URL: wikipedia.org/wiki/Edinicy_izmerenija_ob#joma_vypolnennogo_perevoda (data obrashhenija: 19.05.2019).
- Kara-Murza S. G.* Manipuljacija soznaniem. M. : Jeksmo, 2015. 464 s.
- Nikitina K. V.* Tehnologii rechevoj manipuljaciji v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SShA): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2006. 26 s.
- Pjatkov A. G.* Zahvat vnimanija auditorii pri rabote so studentami raznyh urovnej motivacii // Reshetnevskie chtenija. 2017. № 21–2. S. 701–703. URL: cyberleninka.ru/article/n/zahvat-vnimanija-auditorii-pri-rabote-so-studentami-raznyh-urovnej-motivatsii (data obrashhenija: 17.05.2019).
- Sokolova V. L.* Informacionnaja nedostatochnost' kak javlenie v hudozhestvennom dialoge // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta. 2010. Vyp. 17 (596). C. 93–107.
- Sokolova V. L.* Konceptual'nye osnovanija i diskursivnye funkcii lingvisticheskikh anticipacij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta. 2017. Vyp. 10 (783). S. 61–65. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf (data obrashhenija: 17.05.2019).
- Syrovatskaja N. S.* Jazykovye sredstva upravlenija vnimaniem auditorii analiticheskogo zhurnalistskogo teksta (na materiale nemeckogo jazyka) // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2011. № 130. S. 209–214. URL: cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-upravleniya-vnimaniem-auditorii-analiticheskogo-zhurnalistskogo-teksta-na-materiale-nemetskogo-jazyka (data obrashhenija: 17.05.2019).
- Ustojchivost' vnimanija // Psihologicheskaja jenciklopedija. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1197/Ustojchivost' (data obrashhenija: 17.05.2019).
- Ciceron M. T.* Tri traktata ob oratorskom iskusstve / per. s lat. F. A. Petovkogo, I. P. Strel'nikovoj, M. L. Gasparova / pod red. M. L. Gasparova. M. : Ladomir, 1994. 475 s.

Grisham J. Street Lawyer. New York : Bantam Dell, 2003. 452 p.

Masterson L. How Long Should Your Story Be? URL: www.writing-world.com/fiction/length.shtml (data obrashhenija: 17.05.2019).

Milton K. Loving nature: Towards an ecology of emotion. Loving Nature : Towards an Ecology of Emotion. London ; New York : Routledge, 2002. 185 p.

Neisser U. The control of information pickup in selective looking // A.D.Pick (Ed.), Perception and its development: a tribute to Eleanor J. Gibson Hillsdale, NJ : Erlbaum. 1979. P. 201–219.

УДК 81`38:42

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kon5804@yandex.ru

**КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДИСКУРСА АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА
*THE NEW YORKER***

В статье рассматриваются когнитивно-стилистические характеристики дискурса авторитетного американского художественного и общественно-политического альманаха *The New Yorker*, для которого характерен широкий жанровый спектр с разнообразными типами дискурсов. Концептосферу журнала отличает большое разнообразие материалов по актуальным проблемам художественной мысли в США и за рубежом. Описываются структурно-композиционные особенности многочисленных рубрик еженедельного издания, образное и изобразительное исполнение основных типов дискурсов.

Ключевые слова: альманах; когнитивная стилистика; дискурс; концептосфера; художественная проза; поэзия; эссе; интервью; рисунок; стилистические средства.

C. I. Shpetny

Ph.D., Associate professor of the Chair of English Stylistics,
Moscow State Linguistic University;
e-mail:kon5804@yandex.ru

**COGNITIVE AND STYLISTIC FEATURES
OF THE DISCOURSE OF THE AMERICAN MAGAZINE
*THE NEW YORKER***

Cognitive and stylistic features of the discourse of the reputable American literary and socio-political almanac *The New Yorker* are submitted for analysis. The journal is renowned for a wide-scope set of genres and various discourses. Its conceptosphere is marked off by significant articles dealing with essential issues of artistic ideas and opinions in the USA and abroad. The architectonics and the structural-compositional content of versatile headers and columns of the weekly edition along with esthetic and imagery performance of the major discourses are substantially reviewed.

Key words: almanac; cognitive stylistics; discourse; conceptosphere; fiction; poem; essay; interview; drawing; stylistic devices.

Quis est enim, qui totum diem iaculans non liquando conliniet?

Marcus Tullius Cicerō

Найдётся ли кто-то, кто, бросая целый день дротик, не попадет однажды в цель?

*Из трактата «О дивинации»
(De Divinatione) (44 г. до Р.Х.).*

Введение

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются основные когнитивные и лингвостилистические особенности дискурса американского литературного и общественно-политического еженедельного альманаха *The New Yorker* [Teun A. van Dijk URL; Teun A. van Dijk 1997; Ван Дейк 1998; Кубрякова 2004]. Журнал, изначально ориентированный на культурные запросы жителей Нью-Йорка, со временем стал широко известен и среди читателей за его пределами.

Дискурс альманаха *The New Yorker* отличается весьма широким жанровым спектром: статьи и комментарии, эссе и сатирические произведения, художественная проза и поэзия, сообщения о текущих событиях и аналитические обзоры, рисунки и карикатуры, реклама и анонсы и другие типы текстов.

Концептосфера

Анализируя архитектуру дискурса журнала *The New Yorker*, мы можем выделить следующие ключевые концептосферы: News, Culture, Books, Business & Tech, Humor, Cartoons, Magazine, Video, Podcasts, Archive, Goings On [Лихачев 1993; Сурина 2010].

Концептосферы актуализируются посредством различных типов и видов дискурсов. Назовем некоторые самые важные из них:

- The Cover (обложка);
- Table of Contents (оглавление);
- Front Sections (передовые статьи и редакционные материалы);
- The Mail (письма в редакцию);
- Goings on about Town (события культурной жизни города);
- Critic's Notebook (заметки критика);
- The Talk of the Town (жизнь города), сопровождаемый образом денди Юстаса Тилли, с подрубриками Notes and Comments (политический комментарий и мнение редакции);
- The Hospitality Department (гостиничный бизнес);
- End Sections (сатира и критика, пожелания редакции, конкурс карикатур и др.).

Альманах *The New Yorker* часто и в большом количестве размещает на своих страницах искусно выполненные фотографии, рисунки, карикатуры, объявления, а также материалы, содержание которых не всегда могут выдержать страницы авторитетного журнала (отдел Profanity).

Самыми значимыми рубриками журнала являются The Cover, Table of Contents и Talk of the Town, где размещаются концептуально насыщенные материалы альманаха: преимущественно публицистические и художественные дискурсы.

THE COVER (обложка)

Обложка каждого выпуска *The New Yorker* представляет собой одновременно и вербальный, и изобразительный дискурс (картина, рисунок).

В выпуске от 28 января 2019 г. на обложке изображен действующий 45-й Президент США Дональд Трамп, который расположился в кресле за своим рабочим столом в Овальном кабинете Белого Дома на фоне государственного флага США, он укладывает заготовленные на полу кабинета строительные кирпичи в сооружаемую на рабочем столе высокую стену с проволокой – недвусмысленная аллюзия на попытку Д. Трампа добиться от Конгресса США финансирования на строительство стены между его страной и Мексикой. Подпись под рисунком Джона Кунио (John Cuneo) *Walled In*, являясь концептуальной метафорой, проецирует одно из актуальных событий сегодняшней политической жизни США.

Символом и брендом альманаха *The New Yorker* является рисунок денди XIX в. по имени Юстас Тилли (Eustace Tilly), который рассматривает через монокль пролетающую бабочку. Он появляется на обложке журнала ежегодно на второй неделе февраля в годовщину основания издания.

Помимо этого в журнале спорадически помещаются вариации изображения Юстаса Тилли, где вместо джентльмена в шляпе и бабочке могут изображаться другие известные читателям лица, выполненные в похожем стиле и сопровождаемые цветовыми и / или графическими и часто ироническими вариациями.

TABLE OF CONTENTS (оглавление)

Оглавление обычно следует за рядом рекламных дискурсов, каждый из которых занимает обычно полную страницу журнала. Здесь читатель снова встречает изображение Юстаса Тилли над логотипом издания.

Tag header, являясь признаком верхнего колонтитула, представляет собой «шапку» раздела с широким семантическим содержанием, и любой материал в журнале помещается непосредственно под ним. Здесь располагаются заголовки соответствующих дискурсов, которые позволяют размещать здесь дискурсы практически на любые темы.

Среди наиболее часто встречающихся тегов можно выделить следующие: *Reflections* (мнения и комментарии); *Shouts and Murmurs* (крики и вздохи); *Onward and Upward with the Arts* (вперед с искусством); *Letters from [location]* (письма читателей).

Ниже в качестве примера следует отрывок из вербально-изобразительного и в буквальном смысле динамичного дискурса из рубрики «*Reporting*» в номере от 10 декабря 2018 г. (электронная версия).

К дискурсу *Why We Sleep, And Why We Often Can't* с базовым концептом «бессонница» прилагается цветной рисунок, созданный автором Джун Сен (Jun Cen). На нем изображена лежащая на диване в ночи девушка, она не может никак заснуть, рядом с ее подушкой лежит мигающий смартфон, в окне видны мелькающие огоньки движущихся автомобилей большого города, оконная занавеска ритмично колышется от легкого дуновения ветра. Приводим зачин данного публицистического дискурса. Его общий размер составляет 2 800 слов, в нем 28 абзацев, 198 строк.

Дискурс *Why We Sleep? And Why We Often Can't* является примером публицистического эссе, в котором автор представляет свое собственное и общественное мнение на актуальную тему – этология состояния современника в связи с нарастающими вызовами в жизни США в XXI в. С прагматической точки зрения

размер и структурно-композиционную структуру дискурса можно считать вполне доступными для восприятия обремененного заботами читателя.

THE
NEW YORKER
THE MAGAZINE
DECEMBER 10, 2018

Reflections

WHY WE SLEEP, AND WHY WE OFTEN CAN'T

Does our contemporary obsession with sleep obscure what makes it special in the first place?

By Zoë Heller

“Men who sleep badly,” Bertrand Russell wrote, “are always proud of the fact.”

Illustration by Jun Cen

Contemporary sleep evangelizers worry a good deal about our social attitudes toward sleep. They worry about many things, of course – incandescent light, L.E.D. light, nicotine, caffeine, central heating, alcohol, the addictive folderol of personal technology – but social attitudes seem to exercise them the most. Deep down, they say, we simply do not respect the human need for repose. We remain convinced, in contradiction of all the available evidence, that stinting on sleep makes us heroic and industrious, rather than stupid and fat.

Дискурс отличается насыщенностью концептами, среди которых назовем непосредственно соотносимые с когницией *sleep*:

sleep (badly), stinting on sleep, restore sleep, obsession, insomnia, insomniac, REM sleep, worry, (incandescent) light, L.E.D., nicotine, caffeine, central heating, alcohol, addictive folderol of personal technology, need for repose, burnout, success, ambition, delusion, rest, stay up, chronic exhaustion, wake up, madness, masochism, night, tea, coffee, sleep-hygiene, business, medicine, mental-health aid, dream, Facebook, psychosis, delirium tremens.

В дискурсе приводятся многочисленные ссылки на авторов, являющихся специалистами в сфере сон / бессонница жизни человека или касающихся этой темы, и которые нередко сопровождаются цитацией из дискурсов: Arianna Huffington «The Sleep Revolution», Mrs. Pardiggle «Bleak House», Marina Benjamin «Insomnia», Bertrand Russell «A History of Western Philosophy», Vladimir Nabokov «Lolita», Alice Robb «Why We Dream», психолог Deirdre Barrett в работе из журнала *Dreaming*, невролог Matthew Walker «Why we Sleep», английские писатели Oscar Wilde с его известным высказыванием о сновидениях – «I had a very interesting dream last night», Francis Bacon, William Shakespeare и Samuel Taylor Coleridge «Kubla Khan, or A Vision in a Dream», австрийский психолог Sigismund Schlomo Freud. В статье приводятся ссылки на артефакты из области искусств с упоминанием песенного дискурса Paul McCartney «Let It Be» и кинодискурса по роману Mary Shelley «Frankenstein».

В контексте исследуемой когнитивности упоминаются исторические события и факты прошлого и настоящего – взятие Бастилии во Франции 14 июля 1789 г., ежегодная конференция организации «The International Association for the Study of Dreams», которая проходила в средневековом аббатстве в Нидерландах, ежегодный костюмированный фестиваль пейнтбола «Dream Ball» в Англии с реминисценциями в стиле *dream telepathy*, театральное действо мексиканского племени рарамури (Rarámuri). Автор не обошел своим вниманием и древнегреческого философа и ритора Аристотеля, образно назвавшего состояние сна *a privation of waking*.

Язык дискурса отличают логичность, стройность композиционной оформленности и изящность использованных экспрессивных средств и приемов, характерных для публицистического стиля речи.

В конце дискурса *Why We Sleep? And Why We Often Can't*, как это принято в журнале, приводятся названия и данные других материалов (статей или книг) со схожим концептуальным содержанием тега.

Следует особо отметить характерные для дискурса альманаха *The New Yorker* типы используемых шрифтов, изысканные цветовые решения и искусное оформление и дизайн альманаха, выполняемые обыкновенно в классическом стиле.

FICTION (проза)

Первый из тегов выпуска обычно завершается рубрикой *Fiction*. В период своего становления *The New Yorker* помещал на своих

страницах до трех художественных дискурсов в одном номере, и они равномерно размещались на печатном пространстве журнала. Однако со временем информационный дискурс постепенно стал вытеснять дискурс художественный, вследствие чего последний оказался сдвинутым ближе к завершающей части номера. The New Yorker не публикует так называемый *longread*.

Когнитивным содержанием современной американской художественной литературы, как массовой так и элитарной, являются одиночество и неумение и/или нежелание идти в фарватере текущей жизни, противостояние личности и общества, острые злободневные проблемы расизма, постоянной иммиграции, терзания потерянного поколения, провинциальной быт патриархальной Америки и вызовы времени. Именно такие дискурсы традиционно размещаются в альманахе The New Yorker.

В одном из своих публичных выступлений известный американский писатель, лауреат Пулицеровской (1975) и Нобелевской (1976) премий Сол Беллоу (*Saul Bellow*, 1915–2005) так высказался о роли и месте людей умственного труда в стране: «Быть интеллектуалом в Соединенных Штатах – значит, быть замурованным в приватности, где вы мыслите, но мыслите под гнетом унижительного ощущения того, как ничтожно мало может мысль изменить в жизни» [цит. по: Пронин, Толкачев 2000].

Современные американские писатели пишут в самых разных жанрах, нередко публикуя свои произведения в альманахе The New Yorker: короткие и короткие-короткие рассказы, романы, детские произведения, детективы, «хорроры» и другие типы дискурсов. Востребованы произведения фантастов, которые рассказывают истории о прошлом и будущем, а также описывают выдуманные ими миры [интернет-ресурсы].

Основным типом художественного дискурса, который регулярно помещается на страницах The New Yorker, является короткий рассказ или его разновидность – поджанр короткого-короткого рассказа [Sudden Fiction 1986; Шпетный 2017].

Среди постоянных литературных авторов журнала упомянем Джона Апдайка (*John Hoyer Updike*) (1932–2009)¹, продолжавшего

¹ В 1954 г. Дж. Апдайк окончил с отличием Гарвардский университет, где изучал английскую литературу, а также одногодичные курсы живописи в Художественной школе Рёскина (англ.)русск. Оксфордского университета в Англии. В Гарварде Дж. Апдайк некоторое время был редактором

традиции критического реализма и сотрудничавшего с *The New Yorker* в течение почти полувека. Автор имеет репутацию одного из лучших стилистов, пишущих на английском языке, и обладателя богатого лексикона. Именно здесь были помещены его ранние короткие рассказы, стихотворения, эссе и критические статьи. Так, в январском номере за 1956 г. был впервые опубликован короткий рассказ Дж. Апдайка «Snowing in Greenwich Village».

Приведем отрывок из зачина данного художественного дискурса. Общий размер текста составляет 3 300 слов, в нем 86 абзацев и 240 строк.

Snowing in Greenwich Village

From 1956: “The snow, invisible except around street lights, exerted a fluttering, romantic pressure on their faces. ‘Coming down hard now,’ Richard said.”

January 21, 1956 Issue *The New Yorker*

By John Updike

Illustration by Jorge Colombo

The Maples had moved just the day before to West Thirteenth Street, and that evening they had Rebecca Cune over, because now they were so close. A tall, always slightly smiling girl with an absent manner, she allowed Richard Maple to slip off her coat and scarf even as she stood softly greeting Joan. Richard, moving with extra precision and grace because of the smoothness with which the business had been managed – though he and Joan had been married nearly two years, he was still so young-looking that people did not instinctively lay upon him hostly duties, and their reluctance worked in him a corresponding hesitancy, so that often it was his wife who poured the drinks while he sprawled on the sofa in the attitude of a favored and wholly delightful guest – entered the dark bedroom, entrusted the bed with Rebecca’s clothes, and returned to the living room. How weightless her coat had seemed!

сатирического журнала «Гарвардский пасквилянт». Вернувшись из Англии, он два года проработал в журнале *The New Yorker*, где и начал публиковать свои первые рассказы. Дж. Апдайк является автором 28 романов и 45 других книг – сборников рассказов, стихотворений и эссе, дважды обладателем престижной награды американской журналистики – Пулитцеровской премии (за романы «Rabbit, Run» (1960) и «Rabbit Redux» (1971)).

Действие в коротком рассказе «Snowing in Greenwich Village», как и обычно в произведениях Дж. Апдайка, происходит в провинциальной протестантской семье представителей среднего класса. Концептосфера в дискурсе «Snowing in Greenwich Village» довольно ограниченная, отражающая повседневный быт средней американской семьи по имени Маплз (the Maples): *street lights, West Thirteen Street, romantic pressure, evening, girl, marry, wife, coat and scarf, business, duty, hesitancy, drink, sofa, bed, bedroom, clothes, coat, living room, lamp, tenants, job.*

Структурно-композиционное построение дискурса отличается своеобразием: чередование длинных периодов (абзацев с двумя-тремя сверхфразовыми единствами) и кратких диалогических вставок размером преимущественно в одну или две строки текста, иначе говоря, налицо динамический дискурс. Такой нарратив позволяет придать повествованию особую энергетику и имплицитную напряженность. Для иллюстрации сказанного приведем пример из серединной части дискурса:

“Oh, and it’s snowing!” Joan cried. She was pathetic about snow; she loved it so much, and in these last years had seen so little. “On our first night here! Our first real night.” Forgetting herself, she put her arms around Richard, and Rebecca, where another guest might have turned away or smiled too widely, too encouragingly, retained without modification her sweet, absent look and studied, through the couple, the scene outdoors. The snow was not taking, on the wet street; only the hoods and tops of parked automobiles showed an accumulation.

“I think I’d best go,” Rebecca said.

“Please don’t,” Joan said with an urgency Richard had not expected; clearly she was very tired. Probably the new home, the change in the weather, the good sherry, the currents of affection between herself and her husband that her sudden hug had renewed, and Rebecca’s presence had become in her mind the inextricable elements of one enchanting moment.

“Yes, I think I’ll go, because you’re so snuffly and peaked.”

“Can’t you just stay for one more cigarette? Dick, pass the sherry around.”

“A teeny bit,” Rebecca said, holding out her glass. “I guess I told you, Joan, about the boy I went out with who pretended to be a headwaiter.”

Дискурс отличает использование преимущественно нейтральной общелитературной и общей литературно-разговорной лексики при заметном отсутствии средств лексико-семантической образности, таких как метафора, эпитет и иных. В тексте можно найти один

случай использования стилистического приема сравнения: *It's hot as hell in here.*

В альманахе *The New Yorker* печатались и продолжают регулярно помещаться художественные дискурсы романиста Трумена Капоте (Truman Capote), лауреатов Пулитцеровской премии Сеймора Херша (Seymour Hersh) и Анны Секстон (Anne Sexton), иллюстратора Арта Шпигельмана (Art Spiegelman) и карикатуриста Юлиа Фейфера (Jules Feiffer), писателя Владимира Набокова (Vladimir Nabokov), поэта Огдена Нэша (Ogden Nash), автора коротких рассказов Джона О'Хары (John O'Hara), Дэвида Сэлинджера (David Salinger), С. Д. Довлатова и многих других авторов.

Помимо писателей и поэтов среди авторов альманаха можно встретить имена карикатуристов, актеров театра и кино, драматургов и литературных критиков, журналистов, политиков, ученых, историков и представителей иных профессий и сфер деятельности современного человека.

Второй крупный концептуальный блок в номере альманаха отводится дискурсам литературной критики и мнениям экспертов в тегах: *Reviews of Books* (Рецензии на книги), *Dance* (Хореография), *Music* (Музыка), *Theatre* (Театр), *Cinema* (Кино), *Television* (Телевидение).

Приводим в качестве примера рубрики *Reviews of Books* отрывок из дискурса интервью с известным японским автором романов и коротких рассказов и переводчиком Харуки Мураками (яп. 村上 春, р. 1949 г. –), произведения которого переведены на более чем 50 языков мира. Общий размер дискурса – 6580 слов, в нем 126 абзацев и 18 строк. Интересно отметить, что размер данного дискурса интервью точно соответствует среднему размеру американского короткого рассказа [Шпетный 1980].

The New Yorker Interview

The Underground Worlds of Haruki Murakami

The writer on his style, his process, and the strange, dark places he encounters on the page.

By Deborah Treisman

February 10, 2019

“What is he like? Is he a kind man?” I was asked by an anxious administrator who had been assigned to guide me through Tokyo’s Aoyama neighborhood

to Haruki Murakami's office, which was in a discreet, unmarked building on a side street.

This interview has been adapted, with Haruki Murakami, from staged conversations we had at the New Yorker Festival in 2008 and 2018.

HARUKI MURAKAMI: The last time we did an interview was ten years ago, and many important things have happened in those ten years. For instance, I got ten years older. That's a very important thing – at least to me. I'm getting older day by day, and as I get older I think of myself in a different way from in my younger days. These days, I'm trying to be a gentleman. As you may know, it's not easy to be a gentleman and a novelist. It's like a politician trying to be Obama and Trump. But I have a definition of a gentleman novelist: first, he doesn't talk about the income tax he has paid; second, he doesn't write about his ex-girlfriends or ex-wives; and, third, he doesn't think about the Nobel Prize for Literature. So, Deborah, please don't ask me about those three things. I would be in trouble.

DEBORAH TREISMAN: **You just depleted my store of questions! Actually, I wanted to start with your most recent book, your new novel, “Killing Commendatore.” The book is about a man whose wife leaves him. He ends up living in the home of an old artist, a painter. Once he gets to that house, many strange things start to happen, and some of them seem to emerge from a hole in the ground – a kind of empty well. I'm wondering how you came up with this premise for the novel.**

It's a big book, you know, and it took a year and half or so for me to write, but it started with just one or two paragraphs. I wrote those paragraphs down and put them in the drawer of my desk and forgot about them. Then, maybe three months or six months later, I got the idea that I could turn those one or two paragraphs into a novel, and I started to write. I had no plans, I had no schedule, I had no story line: I just started from that paragraph or two and kept on writing. The story led me to the end. If you have a plan – if you know the end when you start – it's no fun to write that novel. You know, a painter may draw sketches before he starts painting, but I don't. There is a white canvas, I have this paintbrush, and I just paint the picture.

Данный дискурс, обозначенный редакцией The New Yorker как принадлежащий жанру интервью, не вполне является таковым. Здесь можно скорее говорить о гибридном произведении, которое несет в себе сущностные признаки художественного дискурса, с одной стороны, и речевого диалога в стиле непринужденного общения разговорного жанра, и особенности непосредственно дискурса интервью – с другой. Об этом свидетельствуют когнитивное, структурно-

композиционное построение текста его лексико-семантическое и стилистическое наполнение [Galperin 1981]:

- объемность и структурность сверхфразовых единств и абзацев, пространность и детализированность изложения, более свойственные художественной прозе;

- разнообразие использованной лексики, свойственной как художественному тексту – *You just depleted my store of questions, protagonist, socialization, emotionally or existentially*, так и публицистическому стилю речи с элементами живой разговорной речи – *What is he like? That's a very important thing, I'm trying, he doesn't talk about... I'm wondering, it's not fun to write that novel, he was a bad guy*;

- наличие разнообразных стилистических средств и приемов: эпитета – *anxious (administrator), discreet (building)*; сравнения – *a kind of empty well, For me, a novel is like a party, A kind of epiphany – that's what it was, Here. You play just like Charlie Parker!, like “a talking monkey”*; повтора и параллелизма – *I had no plans, I had no schedule, I had no story line; music is a kind of food to me; I'm a writer, and I'm writing, but at the same time I feel as though I were reading some exciting, interesting book. So I enjoy the writing, I sometimes write very unhealthy things. Weird things. Twisted things*, развернутой концептуальной метафоры – *a painter may draw sketches before he starts painting, but I don't. There is a white canvas, I have this paintbrush, and I just paint the picture*; ссылок и аллюзий и цитации, в том числе на музыкальный дискурс и собственные произведения – *the Commendatore from the Mozart opera “Don Giovanni”, the owner of a jazz club, I started a jazz club and made music my occupation, I have so many jazz records in my house. But I have learned so many things from music about writing. I think there are three important elements: rhythm, harmony, and free improvisation. I learned these things from music, not from literature. And when I started to write, I tried to write as though I were playing music.*

Весьма примечательным является размещение в космополитическом альманахе *The New Yorker* размышлений Харуки Мураками о роли и месте английского языка в его творчестве:

Yes. I don't know why, but when I read my books in English I feel, Oh, that is me. The rhythms, the prose style, are the same – almost the same.

Interviewer: You are a translator yourself. You've translated F. Scott Fitzgerald, Truman Capote, Raymond Carver, and others into Japanese;

now you're translating John Cheever. What draws you to the writers that you translate?

It's easy. I translate what I like to read. I have translated all the novels of Raymond Chandler. I like his style so much. I have read "The Long Goodbye" five or six times.

Являясь «гражданином мира», японский писатель и переводчик-биллингв когнитивно осознает себя как писателя японского менталитета: *I think I'm a Japanese writer. The style of my books doesn't belong to anywhere, I guess.*

POETRY (поэзия)

Третье место в оглавлении рубрики отдано разделу Poetry (поэзия), где обычно размещаются два-три условно поэтических дискурса.

Следует отметить, что в целом американская культура второй половины XX – начала XXI вв. предлагает примеры синтетических явлений, в которых разные виды искусства тесно взаимодействуют между собой. Такое явление можно наблюдать в Нью-Йоркской школе, где на равных основаниях продолжают сосуществовать представители разных видов искусств – поэты, композиторы, художники, хореографы. Читателям альманаха *The New Yorker* известны такие концептуалистские художники, как Мэл Бохнер (Mel Bochner, 1940), и перформативные авторы поэтических дискурсов, например Трэйси Моррис (Tracey Morris, 1967).

Для дискурсов современной американской поэзии характерным является существование различных переходных форм от регулярного стихосложения (традиционная рифма, классические размеры) к свободному стиху нередко «экспериментальной поэзии» [Линднер 2007].

В качестве примера приводим отрывок из дискурса в рубрике *Poems* в номере *The New Yorker* от 4 февраля 2019 г. Размер дискурса – 405 слов, 18 абзацев, 31 строка.

Данный дискурс можно определить как жанр ритмизированной прозы, соотносимый с *vers libre* – свободным стихом, который в разной степени проявления свободен от жесткой рифмометрической композиции. *Vers libre* занимает довольно большое место в европейской и, в частности, в англоязычной поэзии XX–XXI вв. [Андреева 2012; Андреева 2013].

Особое внимание обращает на себя возможность прослушать дискурс в аудиозаписи в исполнении автора – явление для поэтического дискурса достаточно новое.

Poems

February 4, 2019 Issue

Gift Planet

By Brenda Shaughnessy

Audio: *Read by the author*

My six-year-old said “I don’t know time.” She already knows it’s unknowable. Let it be always a stranger she walks wide round.

I fantasize about outer space as if I have some relation to it besides being an animal in its zoo. No visitors. No matter how far I travel on earth I wind up sitting in rooms.

Wind up running all over towns and streets the same. Then get angry as anywhere, again. Going any place, I think: I never want to go home and I can’t wait to be home.

All travelling’s a way to imagine having a home to leave or to return to.

When I learned to tell time I told it. I told it so; I stopped listening to what it tried to tell me: You’re already losing everything as you go and go and go.

Кратко оценивая лексико-семантические и лингвостилистические характеристики данного текста, следует отметить, что такая актуализация современного поэтического дискурса не предполагает активного использования потенциала исторически сложившихся форм языковой и речевой образности и объективно отражает очевидный упадок в конструировании художественного дискурса в англоязычных странах.

Заключение

Представленный анализ основных когнитивных и лингвостилистических особенностей литературного и общественно-политического альманаха *The New Yorker* позволяет характеризовать его как публицистический и художественный журнал, отражающий в своих дискурсах реалии современной картины культурной и общественной жизни Америки и оказывающий значительное влияние на течение художественной жизни за пределами США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева С. А.* Понимание и интерпретация, смысл и значение: дифференциация понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 17 (650). С. 21–35.
- Андреева С. А.* О когерентности поэтического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 17 (677). С. 43–51.
- Ван Дейк Т. А.* К определению дискурса. 1998. URL : psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
- Линднер, Эйприл* (сост.). Современная американская поэзия. Антология. Двухязычная. М. : ОГИ, 2007. 504 с.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия лит. и яз. Т. 52. 1993. № 1. С. 3–9.
- Пронин В. А., Толкачев С. П.* Современный литературный процесс за рубежом: учебное пособие. М. : МГУП, 2000. 168 с.
- Сурина В. Н.* Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. Т. 2. № 5. С. 43–46. URL : moluch.ru/archive/16/1517/ (дата обращения: 05.02.2019).
- Шпетный К. И.* Лингвистические параметры дискурса короткого-короткого рассказа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 87–108.
- Шпетный К. И.* Лингвостилистические и структурно-композиционные особенности текста короткого рассказа (на материале американской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 24 с.
- Galperin I. R.* Stylistics. Third edition. Moscow : Vysshaja Škola, 1981. 334 p.
- Sudden Fiction. American Short-Short Stories / ed. by R. Shapard and J. Thomas.* Salt Lake City : Gibbs-Smith Publishers, 1986. 264 p. (*With a Frontistory by Robert Cooper. And Afterwards, about the short-short story dorm, by forty of America's finest writers*).
- Teun A. van Dijk.* Homepage of Teun A. van Dijk. URL : www.hum.uva.nl/~teun.
- Teun A. Van Dijk.* Discourse as Structure and Process. (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction). SAGE, 1997. XII. 356 p.

REFERENCES

- Andreeva S. A.* Ponimanie i interpretacija, smysl i znachenie: differenciacija ponjatij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. Вып. 17 (650). С. 21–35.

- Andreeva S. A.* O kogerentnosti pojeticheskogo diskursa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 17 (677). S. 43–51.
- Van Dejk T. A.* K opredeleniju diskursa. 1998. URL : psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm.
- Kubrjakova E. S.* Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 555 s.
- Lindner, Jejpril* (sost.). Sovremennaja amerikanskaja poezija. Antologija. Dvujazychnaja. M. : OGI, 2007. 504 s.
- Lihachev D. S.* Konceptosfera russkogo jazyka // Izvestija RAN. Serija lit. i jaz. T. 52. 1993. № 1. S. 3–9.
- Pronin V. A., Tolkachev S. P.* Sovremennyj literaturnyj process za rubezhom: uchebnoe posobie. M. : MGUP, 2000. 168 s.
- Surina V. N.* Ponjatie koncepta i konceptosfery // Molodoj uchenyj. 2010. T. 2. № 5. S. 43–46. URL : moluch.ru/archive/16/1517/ (data obrashhenija: 05.02.2019).
- Shpetnyj K. I.* Lingvisticheskie parametry diskursa korotkogo-korotkogo rasskaza // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 10 (783). S. 87–108.
- Shpetnyj K. I.* Lingvisticheskie i strukturno-kompozicionnye osobennosti teksta korotkogo rasskaza (na materiale amerikanskoj literatury) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1980. 24 s.
- Galperin I. R.* Stylistics. Third edition. Moscow : Vysšaja Škola, 1981. 334 p.
- Sudden Fiction. American Short-Short Stories / ed. by R. Shapard and J. Thomas. Salt Lake City : Gibbs-Smith Publishers, 1986. 264 p. (*With a Frontistory by Robert Cooper. And Afterwards, about the short-short story dorm, by forty of America's finest writers*).
- Teun A. van Dijk.* Homepage of Teun A. van Dijk. URL: www.hum.uva.nl/~teun.
- Teun A. Van Dijk.* Discourse as Structure and Process. (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction). SAGE, 1997. XII. 356 p.

УДК 811.111'38

Т. В. Вавилова

ст. преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katava-0220@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В КОМЕДИЙНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ

Статья посвящена стендап-комедии, в частности рассмотрению признаков диалогичности стендап-выступлений. Автор анализирует языковые средства реализации диалогичности в стендап-монологгах. Материалом исследования послужила расшифровка отрывка выступления американского стендап-комика Джорджа Карлина. С помощью лингвостилистического анализа автор выявляет грамматические, синтаксические и стилистические средства вербализации диалогичности.

Ключевые слова: стендап-выступление; диалогичность; диалог; монолог; диалогичность монологических текстов.

T. V. Vavilova

Senior Lecturer at the Department of English Stylistics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katava-0220@mail.ru

THE CATEGORY OF DIALOGISM AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN STAND-UP COMEDY

The article is devoted to stand-up comedy, particularly, to the dialogical characteristics of stand-up comedy. The author analyses the language means of the realization of dialogism in stand-up monologues. The material of the research is a transcript of an episode of the stand-up performance of the American stand-up comedian George Carlin. Using linguostylistic analysis the author singles out grammatical, syntactical and stylistic means of the verbalization of dialogism.

Key words: stand-up comedy; dialogism; dialogue; monologue; dialogism of monological texts.

Введение

Статья посвящена рассмотрению категории диалогичности монологических текстов, в частности текстов комедийных выступлений, или стендап-комедии (*stand-up comedy*).

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения проблемы диалогичности текстов разной жанровой и стилевой направленности.

Теоретической основой работы послужили исследования диалогичности монологической речи М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, М. Н. Кожиной, Л. Р. Дускаевой, Н. М. Осветимской и др., а также работы таких зарубежных исследователей юмора, как Раттер, Норрик, Салс.

Целью написания данной работы является изучение признаков и языковых средств выражения диалогичности в текстах стендап-монологов. *Задачи* данного исследования – проанализировать отрывки стендап-выступления и выявить основные признаки и языковые средства выражения диалогичности.

Понятие диалогичности в языкознании

В работе мы придерживаемся точки зрения исследователей, которые определяют диалогичность как лингвистическое проявление в тексте коммуникативной сущности языка, выражающееся в наличии признаков диалога в речи и учете адресата и его реакции в языковых особенностях высказывания.

Впервые категория диалогичности монологических текстов стала центром внимания отечественных ученых. Основные положения концепции диалога были разработаны М. М. Бахтиным. Его идеи разделяли также такие исследователи, как В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский. Под термином «диалогичность» ученые понимают, прежде всего, адресованность, т. е. обращенность текста к адресату [Бахтин 1986; Якубинский 1986].

По мнению М. М. Бахтина, любое языковое общение диалогично. Ученый утверждает, что диалогичность является формой существования языка в речи, причем как в устной, так и в письменной. Из данного утверждения можно сделать вывод, что диалогичность является свойством и монологической речи. Автор монологического текста вступает в диалог с предполагаемым читателем, прогнозируя его возможные реакции [цит. по: Бахтин 2000].

В стилистике долгое время основным материалом исследования диалогичности монологической речи были художественные произведения, например в трудах М. М. Бахтина.

Затем с позиции диалогичности стали рассматриваться тексты других стилей и жанров, в частности тексты научного стиля. Среди исследователей, развивающих идеи М. М. Бахтина на примере научных текстов, можно выделить М. Н. Кожину, Н. А. Красавцеву,

Н. М. Разинкину и др. Так, например, М. Н. Кожина подчеркивает, что «диалогичность – это реализация в речи (тексте) коммуникативной функции языка» [Кожина 1986].

Диалогичность газетных жанров рассматривается в работах Л. Р. Дускаевой, Н. М. Осветимской и др. Н. М. Осветимская выделяет оценочность как один из признаков диалогичности газетных аналитических жанров [Осветимская 2012].

Среди признаков диалогичности С. В. Светлана выделяет средства и приемы активации внимания читателя: обращения, императивные формы, формы второго лица, вопросно-ответные построения [Светлана 1985].

Объектом нашего исследования являются языковые средства диалогичности в комедийных выступлениях, или стендап-комедии. Материалом исследования послужила расшифровка отрывка выступления американского стендап-комика Джорджа Карлина (George Carlin).

Анализ признаков и языковых средств диалогичности стендап-монологов

Стендап-комедия, или стендап, является «особым видом комедийного представления, в котором, как правило, один исполнитель, автор и постановщик своего представления, именуемый стендап-комиком (*a stand-up comedian / a stand-up comic*) выходит на сцену и выступает перед аудиторией, часто используя микрофон. Подобные выступления состоят преимущественно из ряда заранее отрепетированных и последовательно сменяющих друг друга юмористических историй, коротких шуток и отдельных острот, которые представлены в форме монолога» [Вавилова 2012].

Как одна из основных форм речи монологическая речь не связана с речью собеседника ни в структурном, ни в содержательном отношении и рассчитана на пассивное восприятие [Щерба 1974; Crystal 1997]. Устная монологическая речь, обращенная непосредственно к широкой аудитории, обычно не прерывается никаким вмешательством с ее стороны, кроме как провоцируемыми время от времени в качестве обратной связи невербальными реакциями, например аплодисментами. В стендап-монологам такой реакцией является смех, непрерывно и незамедлительно вызывая который на протяжении всего выступления является главной задачей исполнителя. Смех как ответная реакция на

высказывания комика выполняет очень важную коммуникативную функцию, сообщая о том, что адресат понял шутку и оценил ее, и таким образом сигнализируя об успешности речевого акта, а его отсутствие, соответственно, свидетельствует о коммуникативной неудаче. Таким образом, стендап-монолог, как и все публичные выступления, по сути, является диалогом между комиком и аудиторией.

Если сравнить стендап-монолог с диалогом как устной формой речи, то необходимо отметить, что характерное для диалога реплицирование, происходящее либо в порядке смены, либо в порядке прерывания, отсутствует в стендап-комедии. Единственный способ прерывания комика во время выступления – громкий грубый выкрик из зала, замечание или вопрос, известный как *heckling* и широко практикуемый во время выступлений. Задача комика не только подавить прерывающего (*heckler*), но и одержать победу над ним остроумно и находчиво. Подобного рода прерывания делают выступление более спонтанным и усиливают зрительское ощущение его исключительности и неповторимости.

Однако прямой контакт с адресатом также возможен в стендап-монологе. Довольно частов своим выступлении стендап-комик обращается непосредственно к определенному зрителю, интересуясь тем, как его / ее зовут, откуда он / она родом, чем занимается и т. д. Отвечая на вопросы комика, зритель ощущает себя непосредственным участником комической коммуникации. Комик, в свою очередь, мгновенно преобразует полученные ответы в шутку.

Раттер отмечает центральную роль аудитории в стендап-комедии, подчеркивая, что «подобно разговору, стендап-комедия является «совместным произведением» и возможна лишь при активной вовлеченности всех участников взаимодействия»¹ [Rutter 1997, с. 92]. Стендап-комедия представляет собой своего рода командное взаимодействие между исполнителем и аудиторией. Оба зависят друг от друга. Именно аудитория отвечает за хронометраж выступления (*timing*). Реакция аудитории на высказывания исполнителя в форме смеха или молчания свидетельствует о том, что либо аудитория поняла шутку и положительно оценила ее, либо об обратном соответственно. Так, Нил Норрик отмечает, что «смех одобряет и оценивает выступление

¹Зд. и далее перевод наш. – Т. В.

рассказчика» [Norrick 2003, с. 1344]. Салс разделяет данную точку зрения, утверждая, что «положительная оценка юмора требует его понимания, при этом она будет выше, если данное понимание требует некоторого умеренного ментального усилия, т. е. если юмор слишком прост или слишком труден для восприятия, то аудитория вряд ли оценит его» [Suls 1972, с. 44].

Рассмотрим отрывок выступления американского стендап-комика Джорджа Карлина.

Somethingelse we have in common... flying on the airlines and listening to the airlines' announcements and trying to pretend to ourselves that the language they're using is really English. Doesn't seem like it to me...

Whole thing starts when you get to the gate... first announcement: "We would like to begin the boarding process..." Extra word, "process", not necessary, "boarding" is enough; "we'd like to begin the boarding..." simple, tells the story. People add extra words when they want things to sound more important than they really are. "Boarding process" sounds important... it isn't. It's just a bunch of people getting on an airplane!

People like to sound important; weathermen on television talk about "shower activity..." sounds more important than "showers". I even heard one guy on CNN talk about "a rain event." Swear to God, he said "Louisiana is expecting a rain event." I thought, "Holy sh*t, I hope I can get tickets to that!"

... "Emergency situation..." News people like to say "police have responded to an emergency situation." No they haven't, they've responded to an emergency. We know it's a situation... everything is a situation!

Anyway, as part of this boarding process, they say "we would like to pre-board..."... Well, what exactly is that anyway? What does it mean to pre-board? You get on before you get on? That's another complaint of mine: too much use of this prefix "pre." It's all over the language now: pre-this, pre-that, "place the turkey in a pre-heated oven..." It's ridiculous! There are only two states an oven can possibly exist in: HEATED OR UNHEATED! "Pre-heated" is a meaningless f*cking term!" [Scripts from George Carlin HBO Specials URL].

Темой выступления является политкорректность и эвфемизмы. Исполнитель высмеивает стремление общества избегать названия вещей своими именами.

В данном отрывке можно выделить следующие средства вербализации диалогичности:

– Местоименные формы 1-го лица мн. числа в предложениях *Something else we have in common. We know it's a situation.*

– Местоименные формы 2-го лица мн. числа в предложении *Whole thing starts when you get to the gate.*

– Собственно прямая речь: *We would like to begin the boarding process; He said, «Louisiana is expecting a rain event». I thought, «Holy shit, I hope I can get tickets to that!».*

– Вопросительные предложения: *Well, what exactly is that anyway? What does it mean to pre-board? You get on before you get on?*

– Разговорная лексика, в частности, ненормативная лексика «*holy sh*t, f*cking*», являющиеся средством экспрессивности, а также ориентированные на сокращение дистанции между исполнителем и зрителем.

– Эллиптические предложения *Doesn't seem like it to me... Swear to God*, которые также являются маркером разговорного стиля и ориентированы на сближение со зрителем.

К разговорному стилю также можно отнести опущение артикля в выражениях *Whole thing starts, extra word*, использование сокращенных форм глаголов *they're, haven't, they've responded, it's, isn't*.

Заключение

Проведенный нами лингвостилистический анализ отрывка выступления американского стендап-комика Джорджа Карлина продемонстрировал, что диалогичность является ключевым параметром данного жанра публичных выступлений. В ходе анализа были выявлены основные средства вербализации диалогичности: грамматические (местоимения первого и второго лица), синтаксические (эллиптические предложения, вопросительные предложения, собственно прямая речь) и стилистические (разговорная лексика).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. С. 428–473.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.
- Вавилова Т. В. Роль когнитивных процессов в создании комического эффекта (на примере комедийных выступлений) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 17 (650). С. 96–103.
- Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь : ПГУ, 1986. 91 с.

- Осветимская Н. М.* О диалогичности газетных аналитических жанров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 17 (650). С. 9–12.
- Светана С. В.* О диалогизации монолога // Филологические науки. 1985. № 5. С. 29–33.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 424 с.
- Якубинский Л. П.* О диалогической речи / Избранные работы. Язык и его функционирование. М. : Наука, 1986. С. 17–58.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : University Press, 1997. 489 p.
- Norrick N.* Issues in conversational joking // Journal of Pragmatics. 2003. # 35 (9). P. 1333–1359.
- Rutter J.* Stand-up as Interaction: Performance and Audience in Comedy Venues. Salford : University of Salford, 1997. 387 p.
- Suls J. M.* A two-stage model for the appreciation of jokes and cartoons: an information-processing analysis // The psychology of humor. New York : Academic Press, 1972. P. 81–100.
- Scripts from George Carlin HBO Specials. URL : george-carlin-scripts.blogspot.com (дата обращения: 18.05.2019).

REFERENCES

- Bahtin M. M.* Problema rechevyh zhanrov // M. M. Bahtin. Literaturno-kriticheskie stat'i. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1986. S. 428–473.
- Bahtin M. M.* Sbranie sochinenij: v 7 t. M. : Russkie slovari, 2000. T. 2. 800 s.
- Vavilova T. V.* Rol' kognitivnyh processov v sozdanii komicheskogo jeffekta (na primere komedijnyh vystuplenij) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universitetata. 2012. Vyp. 17 (650). S. 96–103.
- Kozhina M. N.* O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi. Perm' : PGU, 1986. 91 s.
- Osvetimskaja N. M.* O dialogichnosti gazetnyh analiticheskikh zhanrov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo ununiversitetata. 2012. Vyp. 17 (650). S. 9–12.
- Svetana S. V.* O dialogizacii monologa // Filologicheskie nauki. 1985. № 5. S. 29–33
- Shherba L. V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. L. : Nauka, 1974. 424 s.
- Jakubinskij L. P.* O dialogicheskoj rechi / Izbrannye raboty. Jazyk i ego funkcionirovanie. M. : Nauka, 1986. S. 17–58.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : University Press, 1997. 489 p.
- Norrick N.* Issues in conversational joking // Journal of Pragmatics. # 35 (9). 2003. P. 1333–1359.

- Rutter J.* Stand-up as Interaction: Performance and Audience in Comedy Venues. Salford : University of Salford, 1997. 387 p.
- Suls J.M.* A two-stage model for the appreciation of jokes and cartoons: an information-processing analysis // *The psychology of humor*. New York : Academic Press, 1972. P. 81–100.
- Scripts from George Carlin HBO Specials. URL: george-carlin-scripts.blogspot.com (data obrashhenija: 18.05.2019).

УДК 81-11

А. П. Гусева

ст. преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: guseva.ap@gmail.com

ПОЛИФОНΙΑ И ЕЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИКОДОВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Семиотически гетерогенные тексты уже несколько десятилетий находятся в центре внимания лингвистов ввиду сложности организации их семантического пространства. В работе исследуются вербальные и невербальные средства создания эффекта полифонии в современном поликодовом художественном тексте с применением методов лингвосемиотического и лингвостилистического анализа. Ведущую роль в рассматриваемом примере играет орфографическая выделенность, которая выполняет роль знака-индекса и знака-иконы, и при взаимодействии с языковыми средствами реализует эффект полифонического повествования.

Ключевые слова: постмодернизм; художественный текст; поликодовый текст; вербальный; невербальный; фрагментация; полифония.

A. P. Guseva

Senior Lecturer, Department of English Stylistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: guseva.ap@gmail.com

POLYPHONY AND ITS VERBAL AND NONVERBAL REPRESENTATION IN POLYCODE LITERARY TEXTS

Due to their semantic complexity, semiotically heterogeneous texts have been in the focus of linguistic research for several decades already. The present paper examines verbal and non-verbal means of creating the effect of polyphony in modern polycode literary texts from the perspective of linguostylistic and linguosemiotic analysis. In the considered example the graphical means of foregrounding play the leading role – they perform the functions of indexical and iconic signs. Combined with the linguistic means employed, graphical means of foregrounding create the effect of polyphonic narration.

Key words: postmodernism; literary text; polycode text; verbal; non-verbal; fragmentation; polyphony.

Введение

Исследовательский интерес современных лингвистов уже давно вышел за рамки изучения исключительно языковых средств выразительности. Сегодня внимание ученых всё больше концентрируется

на рассмотрении «гибридных» семиотических систем, когда взаимодействие языкового и графического знака в семантическом пространстве текста является необходимым условием реализации авторского замысла [Якобсон 1985; Сорокин 1990; Пойманова 1997; Анисимова 2013; Кресс, ван Левен 2006; Бернацкая 2006; Сонин 2006; Вашунина 2009; Волоскович 2012]. В научной литературе текст, семантическое пространство которого представлено взаимодействием вербального и невербального компонентов, принято называть поликодовым. Интересный материал для изучения семантического потенциала вербальных и невербальных средств в смысловом пространстве современных поликодовых художественных текстов предлагают литературные произведения периода постмодернизма.

Стремление писателей-постмодернистов деконструировать существующие формы и жанры художественной литературы, а также отказаться от свойственного классической литературе высокого стиля и некоторых аспектов художественности привело к формированию особых жанрово-стилевых черт создаваемых ими произведений. В числе других исследователями были выделены такие жанровые черты, как отсутствие регулярной временной последовательности и центрального сюжета, конвергенция нескольких стилей и жанров в рамках одного произведения, гипертрофированная интертекстуальность, языковой и сюжетный минимализм, использование метапрозы и фабуляции, нелинейность, фрагментарность и полифоничность повествования [Бахтин 1979; Малмгрен 1985; Макхейл 1987; Карри 1998; Хатчеон 2004; Хоффманн 2005]. Перечисленные черты проявляются посредством как лингвистических, так и экстралингвистических средств, и часто – при их взаимодействии, что делает текст поликодовым и ставит перед исследователями задачу изучить семантический потенциал не только вербальных, но и невербальных средств выразительности.

Как упоминалось ранее, сопряжение в одном тексте вербального (языкового) и невербального (изобразительного, графического) компонентов превращает его в сложноорганизованную семиотически гетерогенную семантическую структуру – поликодовый текст. В семантическом пространстве такого текста происходит конструирование комплексных смыслов, извлечение которых рассматривается как конструктивный творческий процесс. Основным средством визуализации в современном поликодовом художественном тексте

можно считать графон. Российский лингвист А. П. Сковородников определяет графон как фигуру речи, представляющую собой стилистически значимое и прагматически мотивированное отклонение от графического стандарта или орфографической нормы [Сковородников 2009, с. 106–109]. В условиях стандартной прагматической сегментации и соблюдения орфографической нормы необычное, но мотивированные контекстом, в том числе стилистическим, написание слов, а также нестандартное расположение текста на странице приобретает прагматический потенциал и может реализовывать различные функции: экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую. Также использование графона может способствовать реализации характерных жанровых черт литературных произведений периода постмодерна, в частности фрагментированности и полифоничности повествования.

Фрагментированное повествование как средство создания полифонии в поликодовом художественном тексте

Фрагментированность повествования, будучи одной из специфических особенностей поликодовых художественных текстов, относящихся к периоду постмодернизма, реализуется как вербально, так и невербально. Языковая фрагментация может происходить на уровне морфологии, лексики, синтаксиса; неязыковая – путем нетрадиционного абзацного членения, неформализованности связей между разными частями текста, например предисловием и основным текстом произведения, а также при помощи неконвенциональной орфографической выделенности. К фрагментации может также приводить и смешение вербального и невербального кода, вследствие чего искажается синтаксис, и повествование распадается на несколько голосов, становится полифоническим. Языковая и неязыковая фрагментация, а также фрагментация, явившаяся результатом поликодовой конвергенции, наращивает экспрессивно-изобразительный потенциал поликодового художественного текста и может способствовать реализации и других прагматических целей автора: созданию атмосферы беспорядочности и хаоса, децентрированию сюжетной линии, построению гиперреальности, приданию тематически серьезному повествованию юмористически игрового или ироничного тона, вовлечению читателя в конструирование основной идеи и др.

Для иллюстрации явления фрагментированного повествования и создаваемого им эффекта полифонии нами были использованы методы лингвосемиотического и лингвостилистического анализа. В качестве материала для анализа был выбран отрывок из романа Реймонда Федермана «Double or Nothing», который, наряду с другими произведениями, является репрезентативным примером современно-го поликодового художественного текста. Следующий пример представлен в авторской редакции, включая орфографию и шрифтовое выделение.

Once upon a time **two or three weeks ago**, a rather stubborn and determined middle-aged man decided *to record for posterity*, exactly as it happened, word by word and step by step, the story of another man **for indeed what is great in man is that he is a bridge and not a goal**, a somewhat paranoiac fellow **unmarried, unattached, and quite irresponsible**, who had decided to lock himself in a room **a furnished room with a private bath, cooking facilities, a bed, a table, and at least one chair**, in New York City, for a year **365 days to be precise**, to write the story of another person – a shy young man of about 19 years old – who, after the war **the Second World War**, had come to America **the land of opportunities** from France under the sponsorship of his uncle – a journalist, fluent in five languages – who himself had come to America from Europe **Poland it seems, though this was not clearly established** sometime during the war after a series of rather gruesome adventures, and who, at the end of the war, wrote to the father **his cousin by marriage** of the young man whom he considered as a nephew, curious to know if he **the father** and his family had survived the German occupation, and indeed was deeply saddened to learn, in a letter from the young man – a long and touching letter written in English, not by the young man, however, who did not know a damn word of English, but by a good friend of his who had studied English in school – that his parents **both his father and mother** and his two sisters **one older and the other younger than he** had been deported **they were Jewish** to a German concentration camp **Auschwitz probably** and never returned, no doubt having been exterminated deliberately **X*X*X*X**, and that, therefore, the young man who was now an orphan, a displaced person, who, during the war, had managed to escape deportation by working **very hard** on a farm in Southern France, would be happy and grateful to be given the opportunity to come to America **that great country he had heard so much about and yet knew so little about** to start a new life, possibly go to school, learn a trade, and become a good, loyal citizen.

(Raymond Federman “Double or Nothing”, 1999)

В рассматриваемом отрывке наблюдается активное использование автором приема графона, в частности орфографической выделенности. В этом примере именно разнообразие применяемых шрифтов является основным способом визуализации, без которого адекватное прочтение текста не было бы возможным. Гармонично сращивая языковые и неязыковые знаки в смысловом пространстве романа, автор одновременно развивает нескольких персонажей и несколько сюжетных линий, реализуя характерную для постмодернистской художественной прозы нелинейность повествования. Сюжет произведения основан на развитии и «переплетении» трех параллельных линий и представляет собой описание Персоной 1 процесса создания Персоной 2 рассказа о Персоне 3, что превращает всё произведение в образец метапрозы. Персоной 4 является рассказчик, управляющий этими тремя сюжетными линиями. Таким образом, повествование становится полифоническим: в канве произведения одновременно присутствуют четыре голоса, которые имеют различную вербальную и невербальную репрезентацию. Синтаксически отрывок представляет собой одно сложное предложение со множеством основ. Однако стандартная для комплексных синтаксических структур пунктуация частично отсутствует и компенсируется с помощью орфографической выделенности. Автор использует разные полиграфические шрифты с целью отделения одной синтаксической конструкции от другой, что приводит к структурной фрагментации и реализации эффекта полифонии и делает прочтение и понимание текста возможным. Рассмотрим вербальные и невербальные средства характеристики персонажей и их голосов подробнее.

Голос Персоны 4, всезнающего рассказчика, визуализируется посредством использования стандартного шрифта, что лишает его графической выделенности и превращает этот голос в базу повествования. Лингвистически голос 4 проявляется через формальные маркеры, характерные для таких жанров, как сказка или притча, а именно – начальный маркер-клише *once upon a time*; параллелизм *word by word and step by step*; сочетание элементов описательного и повествовательного типов дискурса. Описательный тип дискурса реализуется, в основном, посредством использования эмоционально-оценочных наречий и прилагательных *rather stubborn and determined, somewhat paranoiac, a shy young man, gruesome adventures, a long and touching letter, be happy and grateful, a good, loyal citizen*, а также

глаголов состояния *did not know, was now an orphan*. Простые и составные временные предлоги в сочетании с конкретными существительными *after the war, after a series of ... adventures, at the end of the war*, а также использование прошедшего и прошедшего совершенно-го грамматических времен в сочетании с глаголами действия в формах действительного и страдательного залога *it happened, had come to America, wrote to the father, had survived, had been deported, never returned, managed to escape, to start a ... life, to go to school, learn a trade, become a ... citizen* являются средствами вербализации повествовательного типа дискурса. Приведенные языковые средства способствуют жанровой неоднородности, фрагментированности текста – автор вводит элементы сказочного дискурса, стилизует предисловие к роману под сказку, создавая гиперреальность. Стандартный шрифт, а также проанализированные языковые средства характеризуют Персону 4 как всезнающего рассказчика и отделяют его голос от трех других голосов. Лингвистически голос Персоны № 4 представлен большим объемом средств, чем другие голоса, что иконически указывает на степень присутствия персонажа в романе – его голос является основой повествования.

Голос Персоны 1, протоколиста, регистратора (*the recorder*) приобретает графическую выделенность – автор маркирует его жирным шрифтом. Семантически включения голоса 1 связаны с остальным текстом отношениями элаборации (развития, уточнения). Голос 1 как будто перебивает рассказчика, голос 4, добавляя важные, с его точки зрения, детали. При взаимодействии с собственно языковыми единицами орфографическая выделенность выступает как средство характеристики персонажа: для протоколиста, коим является Персона 1, важна каждая деталь. В языковом плане высокая степень детализации проявляется через использование количественных *two or three, 365 days, at least one* и порядковых числительных *the Second World War*; усилительных наречий *indeed, quite*; причастий в функции определений *unmarried, unattached, furnished*; прилагательных в положительной *irresponsible, private* и сравнительной степенях *one older and the other younger than he*; именных групп *the land of opportunities, his cousin by marriage, both his father and mother*; однородных конкретных существительных *a ... room with a ... bath, cooking facilities, a bed, a table, and at least one chair*. Средствами уточнения служат и лексические единицы, находящиеся в гипо-гиперонимических отношениях

the war – the Second World War, Europe – Poland, German concentration camp – Auschwitz; а также перифразы *a year – 365 days, America – the land of opportunities*.

В качестве дополнительного средства характеристики и актуализации дополнительных смыслов используется стилистический прием аллюзии – *for indeed what is great in man is that he is a bridge and not a goal* – он отсылает читателя к философии Фридриха Ницше и словам из его философского трактата «Так говорил Заратустра»: «Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [Ницше URL]. Стилистический прием аллюзии выполняет референтивную функцию и актуализирует информацию, содержащуюся в тексте-источнике. Так мысль, выраженная немецким философом, находит свое отражение в истории жизни Персоны 3, рассказ о которой пишет Персона 2. Персоной 3 является 19-летний парнишка-еврей, потерявший всю свою семью в фашистских лагерях и приехавший после Второй мировой войны в США. Его желание идти вперед, несмотря на трагические события, произошедшие в его судьбе, его попытки построить новую жизнь в новой стране, получив образование и став ее гражданином, – это тот мост, о котором говорит Ницше, мост, которым является сам человек на пути к лучшей версии себя. Используя аллюзию, т. е. непрямую отсылку к другому произведению, Персона 1 как бы предвосхищает развитие одной из сюжетных линий романа и устанавливает интертекстуальные связи, тем самым актуализируя дополнительные смыслы и расширяя контекст произведения. Рассмотренные выше лингвостилистические и графические средства характеристики персонажа и выделения его голоса в смысловом пространстве произведения характеризуют Персону 1 как человека внимательного, проницательного, педантичного, начитанного, обладающего широким кругозором, а также служат способом отделения его голоса от голосов других персонажей.

Персона 2 – это страдающий паранойей писатель, запершийся в комнате на год, чтобы написать историю Персоны 3 – юноши, потерявшего в концлагерях всю семью. Голос Персоны 2 также обладает графической выделенностью, в данном случае автор использует курсив. В полной мере этот голос проявляется позже, в то время как во вводном отрезке текста, который был выбран для анализа,

наблюдается лишь одно включение – глагол *to record*, выступающий знаком-индексом функции, отведенной в канве романа Персоне 2. Очевидно, что единственное «вкрапление» голоса Персоны 2 иконически указывает на степень присутствия этого персонажа в данном отрывке произведения – его голос пока плохо слышен, он еще не приступил к своим писательским обязанностям. Шрифт, выделенный курсивом, напоминает рукописный, что индексально указывает на род деятельности персонажа, выступая в качестве средства характеристики и графического средства отделения этого голоса от других.

Голос Персоны 3, 19-летнего юноши, графически маркирован сочетанием курсива и жирного шрифтов. Включения этого голоса на протяжении рассматриваемого отрывка малочисленны, он только начинает «вплетаться» в смысловое пространство произведения и вербализуется через эмоционально-оценочные лексические единицы *very hard* и *great*. Использование эмоционально-оценочного прилагательного *great* передает отношение юноши к предстоящему переезду и стране переезда, уровень его ожиданий и надежд на благоприятные изменения в его многострадальной жизни. Наречие *hard*, также выполняющее эмоционально-оценочную функцию, усилено наречием *very*, указывающем на степень тяжести выполняемой юношей работы. Редкие включения голоса этого персонажа являются иконическим знаком, отражающим степень его присутствия в начале романа и указывающим на другую его характеристику, вербализованную ранее, застенчивость – *a shy young man*.

Выводы

Основным невербальным средством фрагментации повествования, приводящим к реализации эффекта полифонии в рассматриваемом отрывке, является орфографическая выделенность, а именно – использование разных полиграфических шрифтов. Несмотря на то, что весь анализируемый отрывок представляет собой одно предложение со множеством основ и частичным отсутствием необходимой пунктуации, его прочтение и понимание становится возможным именно благодаря орфографической выделенности, которая одновременно выступает графическим знаком-индексом, указывающим на переключение голосов внутри повествования, а также знаком-иконой, отражающим очередность и характер появления, а также степень присутствия каждого из персонажей и каждой повествовательной линии в канве романа.

Кроме неконвенциональной синтаксической организации к вербальным средствам создания эффекта полифонии можно отнести языковые средства, репрезентирующие меньшую или большую степень детализации речи разных персонажей, использование языковых средств реализации различных типов дискурса разными персонажами и переключение между ними, присутствие стилистических приемов в речи одного персонажа и их отсутствие в речи другого. Важно также отметить, что между собой голоса в семантическом пространстве представленного текста связаны отношениями элаборации через гипо-, гиперонимические отношения между лексическими единицами, посредством приема перифразы, а также существительных, выступающих в роли приложений.

Рассмотрев вербальные и невербальные средства создания эффекта полифонии на примере отрывка из постмодернистского романа «Double or Nothing», можно заключить, что, несмотря на попытки авторов современной поликодовой художественной прозы отказаться от наследия классической художественной литературы путем нарушения большинства ее канонов, их произведения парадоксальным образом не теряют свой эстетический и смыслоформирующий потенциал. Они, напротив, расширяют возможности семиотически гомогенного нарратива, гармонично инкорпорируя неязыковой код в семантическое пространство художественного произведения. Для выявления особенностей построения смысла таких текстов необходимо применять комплексные методы анализа, позволяющие разносторонне исследовать их смыслоформирующий потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие для студ. фак-ов иностр. яз. вузов. М. : Академия, 2003. 128 с.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Бернацкая А. А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Вестник Красноярского государственного университета / под ред. А. П. Сковородникова. 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
- Вашунина И. В.* Взаимовлияние вербальной и невербальной (иконической) составляющей при восприятии креолизованного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 42 с.

- Волоскович А. М.* Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 29 с.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. URL : mybook.ru/author/fridrih-nicshe/tak-govoril-zaratustra-1/reader/ (дата обращения: 27.05.2019).
- Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
- Сковородников А. П.* Графон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 480 с.
- Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Высшая школа, 1990. С. 180–186.
- Якобсон Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 319–330.
- Currie M.* Postmodern Narrative Theory. NY : Palgrave, 1998. 169 p.
- Federman R.* Double or Notning. Normal, Illinois : Fiction Collective Two, 1998. 270 p.
- Hoffmann G.* From Modernism to Postmodernism: Concepts and Strategies of Postmodern American Fiction: Postmodern Studies 38; Textxet Studies in Comparative Literature / Ed. B. V. Rodopi. Amsterdam ; New York ; NY. 2005. 750 p.
- Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. NY : Routledge, 2004. 284 p.
- McHale B.* Postmodernist Fiction. London : Routledge, 1987. 288 p.
- Malmgren C. D.* Fictional Space in the Modernist and Postmodernist American Novel. Lewisburg, Pa. : Bucknell University Press, 1985. 240 p.
- Kress G., & Leeuwen T. van.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. London : Routledge, 2006. 312 p.

REFERENCES

- Anisimova E. E.* Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja komunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov) : uchebnoe posobie dlja stud. fak-ov inostr. jaz. vuzov. M. : Akademija, 2003. 128 s.
- Bahtin M. M.* Jestetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskusstvo, 1979. 424 s.
- Bernackaja A. A.* K probleme «kreolizacii» teksta: istorija i sovremennoe sostojanie // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2000. Vyp. 3 (11). S. 104–110.

- Vashunina I. V.* Vzaimovlijanie verbal'noj i neverbal'noj (ikonicheskoj) sostavljajushhej pri vosprijatii kreolizovannogo teksta : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2009. 42 s.
- Voloskovich A. M.* Kognitivnye i semioticheskie aspekty vzaimodejstvija komponentov polimodal'nogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 29 s.
- Nicshе F.* Tak govoril Zaratustra. Kniga dlja vseh i ni dlja kogo. URL : mybook.ru/author/fridrih-nicshе/tak-govoril-zaratustra-1/reader/ (data obrashhenija: 27.05.2019).
- Pojmanova O. V.* Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta : dis. ... kand. filol. nauk. M., 1997. 237 s.
- Skovorodnikov A. P.* Grafon // Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2-e izd. M. : Flinta : Nauka, 2009. 480 s.
- Sonin A. G.* Modelirovanie mehanizmov ponimaniya polikodovyh tekstov : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006. 323 s.
- Sorokin Ju. A., Tarasov E. F.* Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M. : Vysshaja shkola, 1990. S. 180–186.
- Jakobson R. O.* Jazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii // Izbrannye raboty. M. : Progress, 1985. S. 319–330.
- Currie M.* Postmodern Narrative Theory. NY. : Palgrave, 1998. 169 p.
- Federman R.* Double or Notning. Normal, Illinois : Fiction Collective Two, 1998. 270 p.
- Hoffmann G.* From Modernism to Postmodernism: Concepts and Strategies of Postmodern American Fiction: Postmodern Studies 38; Textet Studies in Comparative Literature / Ed. B. V. Rodopi. Amsterdam ; New York ; NY. 2005. 750 p.
- Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. NY : Routledge, 2004. 284 p.
- McHale B.* Postmodernist Fiction. London : Routledge, 1987. 288 p.
- Malmgren C. D.* Fictional Space in the Modernist and Postmodernist American Novel. Lewisburg, Pa. : Bucknell University Press, 1985. 240 p.
- Kress G., & Leeuwen T. van.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. London : Routledge, 2006. 312 p.

УДК 81.42

М. Г. Дудкинская

аспирант кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: dudkinskajam@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ Т. ПИНЧОНА «ВЫКРИКИВАЕТСЯ ЛОТ 49»

В статье рассматривается проблема нелинейного и плюрального характера постмодернистского романа, выражающегося в его дискурсивной гетерогенности. На основе дискурс-анализа и интердискурсивной интерпретации выявлены два вида дискурсивного взаимодействия, ключевых для понимания смыслов романа Т. Пинчона «Выкрикивается лот 49», наложение и соприкосновение дискурсов, а также новые маркеры интердискурсивности: переключение кодов, персональный дейксис и выбор главного персонажа произведения.

Ключевые слова: дискурс; интердискурсивность; дискурс-анализ; постмодернистский роман.

М. G. Dudinskaya

Postgraduate student, Department of English Stylistics,
Faculty of the English language; Moscow State Linguistic University;
e-mail: dudkinskajam@gmail.com

SOME CHARACTERISTICS OF DISCURSIVE RELATIONS IN T. PYNCHON'S "THE CRYING OF LOT 49"

The article focuses on the problem of the non-linear and plural character of the postmodern novel reflected in its discursive heterogeneity. Using discourse analysis and interdiscursive interpretation, the author distinguished two types of discursive relations key to understanding T. Pynchon's «The Crying of lot 49» – overlapping and contiguity, and new markers of interdiscursivity: code-switching, personal deixis, and the choice of the main character.

Key words: discourse; interdiscursivity; discourse analysis; postmodern novel.

Введение

Литература эпохи постмодерна характеризуется сложной дискурсивной организацией, что отличает ее от любой другой. В связи с этим встает проблема выявления характера взаимодействия множества дискурсов в «ткани» постмодернистского художественного текста. Следовательно, актуальность данной работы заключается в том,

что благодаря идентификации природы такого взаимодействия перед интерпретатором открываются новые смыслы произведения.

Наше видение дискурса совпадает с мнением М. Фуко, описывающего дискурс как часть языковой и социально-исторической формации, соотносящуюся с той или иной дискурсивной практикой – определенной областью человеческого знания [Фуко 2004, с. 47–96]. В этой связи можно говорить о различных дискурсах, подход к разграничению которых чаще всего коррелирует со стилем речи в определенной сфере человеческого познания и коммуникации, обусловленной социальным статусом и профессиональной деятельностью людей. Касаясь соотношения текста и дискурса, М. Фуко упоминает о «трансдискурсивной» ситуации – ситуации распространения определенного типа дискурсивности, возникшего благодаря конкретному автору и затем воспроизводимого в текстах других [там же, с. 30], т. е. утверждает, что дискурс является открытой системой текстов, сгруппированных по определенным признакам. В. Е. Чернявская добавляет, что и текст является открытой системой, в которой пересекаются и интегрируются различные дискурсы [Чернявская 2009]. Однако многие авторы сходятся во мнении, что литературный текст характеризуется максимальной интердискурсивностью – способностью состоять из множества дискурсов [Андреева 2006; Андреева 2009; Ротанова 2008; Скугарева 2017].

Цель настоящей работы заключается в обосновании полидискурсивного характера постмодернистского романа и установлении природы дискурсивного взаимодействия в нем на основе дискурс-анализа и интердискурсивной интерпретации.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

- рассмотреть различные случаи использования дискурсов с целью выявления особых смыслов, релевантных для понимания произведения;
- определить разные виды дискурсивного взаимодействия;
- выявить новые маркеры интердискурсивности.

Материалы и методы

В качестве материала исследования был выбран написанный в 1966 г. роман Т. Пинчона «Выкрикивается лот 49», который представляет собой типичный образец постмодернистского романа как особого интердискурсивного образования.

Данное направление исследования исходит из понимания постмодернизма как целостной системы и эстетической парадигмы, основанной на принципе плюральности [Фролов 2015]. Постмодернистская литература «питается» неоднородностью действительности и инкорпорирует множество различных элементов человеческого знания и культуры в единую ткань текста. Так, постмодернистский роман демонстрирует большую дискурсную гетерогенность, нежели любой другой художественный текст. Таким образом, перед автором такого палимпсестного текста стоит сложная задача придания ему целостности и объединения многих дискурсов в одно эстетическое целое посредством различных способов литературного упорядочения материала. Например, таким способом может быть «авторская соединяющая идея о величии и силе человеческой любви ... центрирующим фактором может выступать та или иная форма, модель человеческого существования, классическая философская или литературная модель мира» [там же, с. 210].

Фактором, объединяющим центральные дискурсы романа Т. Пинчона «Выкрикивается лот 49», является тема энтропии, ставшей основной метафорой творимого им художественного пространства [Киреева 2002]. Энтропия – мера хаоса системы, неизбежно движущейся от организованности к беспорядку, согласно Второму началу термодинамики, трактуется автором как символ разрушения и вырождения западной цивилизации, омертвления интеллекта и деградации человеческих отношений. Данная метафора, однако, не является очевидной в романе, так как автором используется прием двойного кодирования текста¹. Если она становится понятной лишь для посвященного, так называемого эстетического читателя, знакомого с философией постмодернизма и с идеями, популярными в то время, т. е. понимающего, что «дополнительные смыслы [текста] могут приобретать разный вес в разные исторические эпохи» [Эко 2016, с. 274], что говорит о том, что смыслы романа могут выявляться только с учетом субъективных особенностей интердискурсивной интерпретации.

Вместе с тем поиск дискурсов, актуализирующих в произведении идею энтропии как важную составляющую авторского мировоззрения,

¹ Двойное кодирование – термин, заимствованный У. Эко (2016) у Ч. Дженкса для описания двух уровней смысла произведения – буквального, доступного широким массам, и скрытого, доступного подготовленному читателю, который в состоянии понять интертекстуальную иронию, т. е. воспринимать информацию, актуализированную интертекстуальными маркерами.

целесообразно осуществлять методом дискурс-анализа с опорой на различные классификации маркеров интердискурсивного взаимодействия, которые в обобщенном и переосмысленном виде можно представить в виде следующей таксономии [Ротанова 2008; Чернявская 2009; Скугарева 2017]:

1. *Семантические* (чужеродные сюжеты, мотивы, темы, сценарии, архетипические образы, символы).

2. *Референциальные* (антропонимы, топонимы, исторические и культурные реалии, темпоральные маркеры).

3. *Языковые* (фонетические, лексические, грамматические, стилистические элементы и средства, присущие другим дискурсам).

4. *Интертекстуальные* (цитаты, аллюзии, реминисценции, отсылающие к конкретному тексту, принадлежащему иному дискурсу).

На упомянутой методологической базе рассмотрим то, как различные дискурсы, взаимодействуя друг с другом на фоне фикционального дискурса Т. Пинчона, раскрывают тему энтропии и выполняют текстообразующую и смыслоформирующую функции в романе «Выкрикивается лот 49».

Наложение дискурсов как особенность дискурсивного взаимодействия

Рассмотрим случаи наложения дискурсов, т. е. «вплетения» «чужого» дискурса или нескольких таких дискурсов в «ткань» авторского фикционального дискурса.

Важным для понимания смыслов романа является любимый постмодернистами феминистский дискурс, говорящий о разрушении и скорой смерти старого порядка цивилизации мужчин и становлении женщины, считавшейся ранее иррациональным существом как нового источника рациональности.

...Mrs Oedipa Maas came home ... to find that she, Oedipa, had been named **executor**, or she supposed **executrix**, of the estate of one Pierce Inverarity...

Автор, используя феминатив *executrix* и его политкорректный эквивалент¹ *executor* актуализирует рассматриваемую в феминистском

¹ Гендерно-нейтральный термин *executor* противостоит гендерно-специфичному *executrix* и сейчас является более предпочтительным для обозначения как мужчин, так и женщин [Garner 2011, с. 341].

дискурсе дилемму о целесообразности использования существительных, обозначающих женщин и имеющих такие суффиксы, как, например, *-ess*, *-ette* и *-trix*. Таким образом, в данном отрывке сопоставляются термины феминистского и нон-феминистского дискурса, что позволяет читателю понять, что несмотря на то, что сама Эдипа не была посвящена в проблемы, волновавшие адептов второй волны феминизма в США, автор настаивает на ее независимости и самодостаточности. Данная идея затем поддерживается канвой сюжета романа, где Эдипа, во-первых, является единственным значимым женским персонажем, во-вторых, окружена слабыми, двуличными или поверхностными мужчинами, а, в-третьих, в одиночку пытается разгадать тайну почтовой службы «Тристеро».

Феминистский дискурс в романе не только утверждает самостоятельность и рациональность женщины, но и говорит об ослаблении мужского начала, взаимодействуя со сказочным дискурсом. Последний репрезентируется путем использования лексики, характерной для сказок (*sorcery*, *tower*, *captive maiden*, *magic*, *knight of deliverance*), антропонима *Rapunzel*, являющегося аллюзией на сказку «Рапунцель» с типичным сюжетом о деве в беде, а также цитатой *let your hair down* из вышеупомянутой сказки. Данный дискурс позволяет понять внутренний мир Эдипы и ее отношения с Пирсом, – ведь в отрывке, содержащем вышеупомянутое интердискурсивное включение, он предстает как ее рыцарь-спаситель. Однако сюжет модифицирован автором, так как принц взламывает дверь, поднимается на верх башни по лестнице, а не по волосам пленницы, и не спасает ее:

Only when Pierce had got maybe halfway up, her lovely hair turned, through some sinister sorcery, into a great unanchored wig, and down he fell, on his ass. But dauntless, perhaps using one of his many credit cards for a shim, he'd slipped the lock on her tower door and come up the conchlike stairs ... all that had gone on between them had really never escaped the confinement of that tower.

Таким образом, классический сюжет сказки деформируется, лишается романтизма и возвышенности, что говорит о том, что в отношениях Эдипы и Пирса не было глубины: он не готов был идти на жертвы ради нее и сделать ее частью своего мира, а она из-за этого чувствовала себя одинокой и ненужной. Идею заточения и одиночества поддерживает интермедияльное включение, актуализированной

аллюзией на триптих «Bordando el Manto Terrestre» художницы Ремедиос Варо, на которой изображены прядущие гобелен девушки в башне. Итак, нарушение классического сюжета сказки, аллюзия на картину и символический образ башни также актуализируют вышеупомянутый феминистский дискурс, так как представляют Эдипу независимой женщиной, самостоятельно прядущей гобелен своей судьбы, а Пирса как символ угасающей мужественности.

Нам видится, что феминистский дискурс в романе также взаимодействует с автобиографическим, так как постмодернистская теория литературы предполагает, что автобиографические элементы имплицитно присутствуют в любом литературном тексте [Андреева 2006]. Это взаимодействие актуализируется путем выбора женского персонажа в качестве главного, что может говорить о том, что автор наделил ее своими качествами, ведь в постмодернистском романе «всегда присутствует герой, близкий к автору» [Коваленко 2004, с. 30]. На эту связь косвенно указывает имя главной героини, отсылающее читателя к мифу об Эдипе или, скорее, к эдипову комплексу, проявляющемуся, согласно З. Фрейду, у мужчин. Таким образом, актуализируя феминистский, психиатрический и автобиографический дискурсы, автор утверждает мужское начало в Эдипе Маас.

Используя лексические элементы философско-политического дискурса, автор рисует другого персонажа романа – Метцгера, сораспорядителя завещания Пирса Инверарити как яркого антикоммуниста:

‘You’re so **right-wing** you’re **left-wing**, he protested. ‘How can you be against a **corporation** that wants a **worker to waive his patent rights**. That sounds like **the surplus value theory** to me, fella, and you sound like a **Marxist**’.

Данный отрывок также содержит отсылку к К. Марксу и аллюзию на его труд «Теории прибавочной стоимости» посредством термина *the surplus value theory*. Необходимо отметить, философско-политический дискурс того времени пронизывала тема о знаменующей конец истории деградации общества и политических систем, в частности капиталистического общества, в котором каждый стремится лишь к наживе. Эта идея поддерживается в представленной части разговора Метцгера с Эдипой, где поднимается такая проблема капиталистического общества, как передача работником прав на свое изобретение

компании, в которой он работает наиболее выгодным для капиталиста способом – без компенсации.

В рассматриваемом романе философско-политический дискурс тоже взаимодействует с автобиографическим. Возможно, проблема передачи авторского права в условиях капиталистического общества волновала автора, так как известно, что Т. Пинчон с 1960 по 1962 гг. работал в «Boeing» – компании, предположительно служащей прообразом авиастроительного предприятия «Yoyodyne», фигурирующего в романе. Нашу идею иллюстрирует приведенный ниже отрывок:

In school they got brainwashed, like all of us, into believing the Myth of the American Inventor...

В этом высказывании одного из персонажей романа персональный дейксис, маркированный местоимением *us*, является одним из способов коммуникации автора с читателем, так как представляет авторскую точку зрения на проблему¹.

Взаимодействие автобиографического и других дискурсов также играет роль в передаче смысла такой актуальной для автора проблемы капиталистического общества, как разрушительное всемогущество большого бизнеса, что можно обнаружить в стилизации гимна Корнелльского университета – *alma mater* Т. Пинчона – под корпоративный гимн компании «Yoyodyne»:

High above the L.A. freeways,
And the traffic's whine,
Stands the well-known Galactronics
Branch of Yoyodyne...

Факт пародийной стилизации гимна утверждается автором, который приводит ссылку на оригинал, и также прослеживается в тексте через цитирование начала первой и третьей строф (*high above, stands*). Таким образом, предтекст узнается читателем. Данный пример иллюстрирует то, как корпоративный дискурс, маскируясь под академический, служит для того, чтобы убедить исследователей

¹ В постмодернистском тексте расширяется возможность коммуникации автора с читателем, так как он может присутствовать в тексте разными способами и занимать различные точки обзора. Он может дать о себе знать, как рассказчик или повествующий персонаж, а также присоединяться к действующим персонажам, что часто маркируется введением местоимения «мы», что мы и видим в рассмотренном примере [Фролов 2015].

и работников компании в том, что они испытывают гордость от того, что они ее часть, равно как ученые гордятся тем, что трудятся в определенном академическом заведении. Однако ученые, работающие в университетах, не отказываются от своих прав на изобретения без компенсации в пользу работодателя, в отличие от работников корпоративной сферы. Итак, прием стилизации используется автором для того, чтобы изобличить обман и манипуляцию большого бизнеса по отношению к работникам.

Философско-политический дискурс также взаимодействует с автобиографическим в описании сцены встречи Эдипы с Хесусом Аррабалем – членом мексиканской анархистской организации. Известно, что Т. Пинчон в начале 1960-х гг. какое-то время жил в Мексике и, скорее всего, знал испанский язык, поэтому можно утверждать, что автобиографический дискурс артикулируется через топонимику (*Mexico, Mazatlan*), а также через случаи переключения кодов (*gringo, pobrecito, yucateco, Priistas*). Пинчон, как представитель контркультуры 1960-х гг., несомненно, придерживался политических взглядов «левого» толка, что объясняет обилие упоминаний разнообразных маркеров философско-политического дискурса, вновь артикулирующего проблему всемогущества капиталистов:

1. Реально существовавших и вымышленных реалий:
 - персоналий (*Flores Magon, Zapata, Bakunin*);
 - организаций (*Conjuration de los Insurgentes Anarquistas*);
 - артефактов (*the anarcho-syndicalist paper Regeneracion*).
2. Терминов (*Revolution, the masses, anarchist, anarcho-syndicalist*).

Автобиографический дискурс на протяжении всего произведения также поддерживается топонимикой, ведь основное действие развивается в Калифорнии, точнее, в пригороде Лос-Анджелеса, где Т. Пинчон жил в 1960-е гг.

Еще одним немаловажным дискурсом, используемым автором для построения смыслов романа, является дискурс психиатрии, который отражает популярную у постмодернистов идею З. Фрейда о том, что в человеке есть иррациональное начало, иногда берущее над ним верх, т. е. символизирует регрессивный переход от рациональности к иррациональности [Dicenso 2001]. Данный дискурс фигурирует в сцене разговора Эдипы со своим психиатром, доктором Хилариусом. Этот дискурс представлен в романе посредством использования

таких специальных терминов, как *mescaline*, *psilocybin*, *hallucination*, *Rorschach blot*, *TAT picture* и других. Особый смысл данное интердискурсивное включение обретает во взаимодействии с нацистским военным дискурсом, введенным посредством использования автором сравнения *he sounded like Pierce doing a Gestapo officer*, характеризующего негативное отношение Эдипа к своему врачу. Нацистский дискурс в рассматриваемом отрывке поддерживается случаем переключения кодов, реализованным вставкой немецкого слова *die Brücke*, которое может являться интертекстуальным включением, актуализированным аллюзией на написанный в 1958 г. роман «Die Brücke» Г. Дофмейстера или же одноименный фильм, чей сюжет построен на противостоянии американских войск и нацистов во Второй мировой войне. Таким образом, пересечение нацистского дискурса и дискурса психиатрии используется автором для выведения на первый план идеи о том, что Эдипа чувствовала неприязнь и недоверие к своему психиатру, объясняющие ее нежелание следовать его рекомендациям и участвовать в его экспериментах. Более того, данное включение имеет основное значение для развития сюжета романа, так как ближе к концу произведения читателю представляется сцена, в которой доктор Хилариус, устроив стрельбу в своей клинике и взяв Эдипу в заложники, признается в том, что проводил опыты над евреями-узниками Бухенвальда во время Второй мировой войны. Итак, взаимодействие психиатрического и нацистского дискурса рождает идею о разрушении человеческих отношений, всеобщем недоверии, а также о том, что дальнейшая деградация общества неизбежна, потому что даже такой человек, как психиатр доктор Хилариус, «успокаивающий» иррациональное начало своих пациентов каждый день, не смог противостоять своей паранойе.

Соприкосновение дискурсов как особенность дискурсивного взаимодействия

В данной части мы рассмотрим соприкосновение – еще один тип дискурсивного взаимодействия в постмодернистском романе.

Необходимо упомянуть, что дискурс психиатрии является одним из доминантных дискурсов в рассматриваемом романе. Эдипа впадает в паранойю, что становится ясно из эпизода ее скитаний по Сан-Франциско, из которого мы приведем несколько примеров. Обращаясь

к описанию рефлексии Эдипы по поводу часто встречаемого ей рожка с заглушкой – символа почтовой службы «Тристеро», автор использует большое количество лексических единиц, принадлежащей дискурсу психиатрии (*dreams, trauma, compensation, epileptic*). Схожую лексику можно найти в описании размышлений Эдипы об умершем моряке, указавшем ей, где найти почтовый ящик компании «Тристеро» (*hallucination, delirium tremens, paranoid, mind*). Таким образом, логотип загадочной почтовой службы становится в романе символом иррационального помешательства главной героини романа, не понимающей, существовала ли служба на самом деле или же была частью заговора, устроенного Пирсом.

Нам видится, что дискурс психиатрии, актуализированный упоминанием символа и названия службы «Тристеро», взаимодействует и с другими дискурсами на фоне фикционального авторского дискурса Т. Пинчона. Сначала название службы упоминается в следующем отрывке, стилизованном под дискурс шекспировской драмы:

He that we last as Thurn and Taxis knew
Now recks no lord but the stiletto's Thorn,
And Tacit lies the gold once-knotted horn.
No hallowed skein of stars can ward, I trow,
Who's once been set his tryst with Tryster.

Стилизация реализуется посредством использования общей архитектоники поэзии данной эпохи – пятистопного ямба, архаизмов (*recks, ward, trow*), слов высокого регистра (*tryst*), а также высокой концентрации стилистических приемов, таких как метафора (*the stiletto's thorn*) и инверсия (*and tacit lies...*). Введение автором дискурса драмы неслучайно, так как посещение пьесы становится катализатором паранойи Эдипы, так как ей кажется, что она повествует о реальных событиях. Вначале ее помешательство не очень сильное, но по мере того, как она находит всё больше доказательств существования «Тристеро», не верить ей становится невозможно, в чем и убеждается читатель, когда в конце романа обнаруживает символ почтовой службы во включении исторического, т. е. фактуального дискурса, представляющем итог расследования Эдипы. Данное включение содержит следующие маркеры исторического дискурса:

1. Названия исторических реалий:

– персоналий (*William of Orange, Leonard I, Jan Hinckart, Alexander Farnese*);

- организаций (*Thurn and Taxis monopoly, Committee of Eighteen*);
 - титулов (*noble, Holy Roman Emperor, baron, lord*).
2. Точное указание на пространственно-временные рамки событий (*in 1577, from 1578 ... until 1585, Brussels, the Low Countries*).
3. Специфическая лексика (*war, conquest, exile, assassinate, junta, rebel*);
4. Историзмы (*livery*).

Из анализа взаимодействия дискурса психиатрии, актуализированного символом, с историческим и дискурсом шекспировской драмы становится ясно, что последние тоже связаны между собой, только не отношениями наложения, а скорее, соприкосновения. Упоминание символа «Тристеро» сначала в фикциональном дискурсе, а затем в более правдоподобном фактуальном начинает игру с читателем, заставляя его менять свое мнение относительно того, существовала ли почтовая служба на самом деле или же она была плодом большого воображения Эдипы.

Рассмотрим еще один пример соприкосновения дискурсов. Научный дискурс, актуализирующий убеждение постмодернистских теоретиков о том, что наука «маскируется под процесс поиска истины, тогда как на самом деле направлена на сохранение статуса кво» [Clough 2001, с. 356]¹, вступает в такое взаимодействие с религиозным дискурсом для того, чтобы передать авторскую идею энтропии. Рассмотрим следующий отрывок:

She thought of Mucho, her husband, trying to **believe in** his job. Was it something like this he felt, looking through the soundproof glass at one of his colleagues ... cueing the next record with movements stylized as the handling of **chrism, censor, chalice** might be for a **holy** man, yet really tuned in to the voice, voices, the music, its message, surrounded by it, digging it, as were all the **faithful** it went out to; did Mucho stand ... knowing that even if he could hear it he couldn't **believe in** it?

Данный отрывок, описывающий момент откровения Эдипы, содержит лексические элементы религиозного дискурса, инкорпорированные в расширенную метафору, характеризующую индифферентное отношение Мучо к своей работе. Тогда как его коллеги и слушатели относятся к работе диджея с неким благоговением, в точности как

¹ Зд. и далее перевод наш. – М. Д.

верующие люди относятся к религиозным ритуалам, Мучо не находит ее заслуживающей такого отношения. Участвуя в эксперименте доктора Хилариуса, его отношение к работе кардинально меняется, что становится ясно из разговора Мучо и Эдипы, который изобилует терминами акустики – науки о звуке: *monaural, overtones, power levels, spectrum analysis, basic frequencies, harmonics* и др. Дискурс акустики, или научный дискурс, противопоставляется дискурсу религиозному, что отражает кардинальное изменение взглядов Мучо, а также указывает на иную, разрушительную, природу его увлечения, спровоцированного приемом рекомендованных психиатром веществ. Таким образом, его новая страсть – результат химической реакции, а не выражение внутреннего творческого потенциала.

Заключение

Проанализировав примеры интердискурсивного взаимодействия в романе Т. Пинчона «Выкрикивается лот 49», мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, данный роман представляет собой сложное поле взаимодействия множества дискурсов, которые в своем сложном взаимодействии выполняют функцию текстообразования и реализации смысла авторской идеи энтропии.

Во-вторых, нами были выявлены два вида взаимодействия дискурсов – наложение и соприкосновение. Если наложение предполагает наличие элемента-отсылки к другому дискурсу, соприкосновение происходит в результате расположения автором дискурсов в определенном порядке, например посредством чередования или сопоставления различных дискурсов для выражения конкретной идеи.

В-третьих, взаимодействие дискурсов в романе актуализируется посредством множества разнообразных сигналов, среди которых нами были выделены такие новые маркеры интердискурсивности, как использование переключения кодов, персонального дейксиса и особенности выбора главного персонажа произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева В. А. Литературный нарратив как интердискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 163–169.
- Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб. : Норма, 2006. 183 с.

- Киреева Н. В.* Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов. М. : Флинта : Наука, 2004. 213 с.
- Коваленко А. Г.* Литература и постмодернизм : учебное пособие. М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2004. 142 с.
- Ротанова Е. В.* Интердискурсивный аспект интерпретации литературно-повествовательного текста: на материале прозы Кристи Вольф : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 21 с.
- Скугарева Е. В.* Категория интердискурсивности в тексте художественного произведения (на материале романа Д. Брауна «Ангелы и демоны») // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 222–225.
- Фролов Г. А.* Зарубежная литература XX века. Курс лекций. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2015. 283 с.
- Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб. : Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.
- Фуко М.* Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / под ред. А. Пузыря. М. : Касталь, 1996. С. 7–46.
- Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. М. : Либроком, 2009. 248 с.
- Эко У.* О литературе. М. : АСТ : Corpus, 2016. 411 с.
- Clough S.* Science // Encyclopedia of Postmodernism / Ed. V. E. Taylor, C. E. Winquist. London : Routledge, 2001. P. 356.
- Dicenso J.* Freud, Sigmund // Encyclopedia of Postmodernism / Ed. V. E. Taylor, C. E. Winquist. London: Routledge, 2001. P. 140–141.
- Garner B. A.* Executrix; executress // Garner's dictionary of legal usage. 3rd ed. New York : Oxford University Press, 2011. P. 341.
- Pynchon T.* The Crying of Lot 49. New York : Harper Perennial, 2006. 192 p.

REFERENCES

- Andreeva V. A.* Literaturnyj narrativ kak interdiskurs // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2009. № 92. S. 163–169.
- Andreeva V. A.* Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs. SPb. : Norma, 2006. 183 s.
- Kireeva N. V.* Postmodernizm v zarubezhnoj literature: uchebnyj kompleks dlja studentov-filologov. M. : Flinta : Nauka, 2004. 213 s.
- Kovalenko A. G.* Literatura i postmodernizm : uchebnoe posobie. M. : Izd-vo Rossijskogo un-ta druzhby narodov, 2004. 142 s.
- Rotanova E. V.* Interdiskursivnyj aspekt interpretacii literaturno-povestvovatel'nogo teksta: na materiale prozy Kristy Vol'f : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2008. 21 s.

- Skugareva E.V.* Kategorija interdiskursivnosti v tekste hudozhestvennogo proizvedenija (na materiale romana D. Brauna «Angely i demony») // *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 2017. № 6. S. 222–225.
- Frolov G.A.* Zarubezhnaja literatura XX veka. Kurs lekcij. Kazan' : Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2015. 283 s.
- Fuko M.* Arheologija znanija / per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Ju. Serebrjannikovoj ; vstup. st. A. S. Kolesnikova. SPb. : Gumanitarnaja Akademija, 2004. 416 s.
- Fuko M.* Chto takoe avtor? // *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let / pod red. A. Puzyreja. M. : Kastal', 1996. S. 7–46.*
- Chernjavskaja V.E.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' : uchebnoe posobie. M. : Librokom, 2009. 248 s.
- Jeko U.* O literature. M. : AST : Corpus, 2016. 411 s.
- Clough S.* Science // *Encyclopedia of Postmodernism / Ed. V.E. Taylor, C.E. Winquist. London : Routledge, 2001. P. 356.*
- Dicenso J.* Freud, Sigmund // *Encyclopedia of Postmodernism / Ed. V.E. Taylor, C.E. Winquist. London: Routledge, 2001. P. 140–141.*
- Garner B.A.* Executrix; executress // *Garner's dictionary of legal usage. 3rd ed. New York : Oxford University Press, 2011. P. 341.*
- Pynchon T.* The Crying of Lot 49. New York : Harper Perennial, 2006. 192 p.

УДК 81.2

И. Д. Романова

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

ДЕФИНИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Предметом исследования является понятие дефиниции, которое рассматривается с позиции оказания воздействия на реципиента. Основное преимущество использования дефиниции заключается в том, что она отражает не истинную сущность вещей, а только восприятие действительности, которое может быть модифицировано при помощи техники редефиниции. Лексическая составляющая сформированной дефиниции, а также система ценностей, которая отражена в ней, влияет на характер убеждения: дефиниция может стать элементом как манипулятивного, так и персуазивного воздействия. Рефрейминг рассматривается автором как частный случай построения редефиниции. Материалом исследования послужили рекламные сообщения на официальных сайтах крупных компаний, высказывания из британского телешоу «The Call Centre», фрагменты политического дискурса из англоязычных СМИ, аутентичные учебные материалы по деловому английскому, отдельные фрагменты рассуждения убедительного характера из научной литературы. При анализе материалов исследования были использованы лингвистический и прагматические методы. Анализ примеров позволяет сделать вывод, что дефиниция и рефрейминг могут быть применены для разнообразных вторичных целей, достижение которых помогает достигнуть главную цель – воздействовать на собеседника.

Ключевые слова: редефиниция; воздействие; персуазивная дефиниция; манипулятивная дефиниция; самоубеждение; фрейм; рефрейминг; институциональный дискурс.

I. D. Romanova

Postgraduate student, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

DEFINITION AS A TOOL OF COMMUNICATIVE IMPACT

The article looks into the notion of definition in terms of communicative impact. Definitions are considered to be crucial instruments in argumentation due to their ability to organize and frame reality in a certain fashion. The act of constructing redefinitions is aimed at imposing a particular perception of reality. Depending on values definitions reflect and their lexical component, they can have manipulative or persuasive nature. Reframing is viewed as a special case of constructing redefinitions. The research is conducted within the framework of the lingua-pragmatic approach.

The materials are authentic and include the texts from political and institutional discourse as well as the examples from scientific resources. The results show that definitions and reframing can be used to influence the recipient in a certain way.

Key words: redefinition; communicative impact; persuasive definition; manipulative definition; self-persuasion; frame; reframing; institutional discourse.

Введение

Во время общения любой участник коммуникации может столкнуться с необходимостью разъяснения смыслов использованных слов, упомянутых понятий и явлений. В подобной ситуации объяснение сказанного осуществляется посредством использования дефиниции, которая дает логическое определение. Однако понятие «дефиниция» не может быть ограничено лишь фиксированным смыслом, соответствующим тому или иному концепту и неподлежащему сомнению. Любое определение может быть оспорено, переформулировано и воспринято абсолютно по-разному. Дефиниция не описывает истинную сущность понятия, а только раскрывает его значение через призму восприятия реальности. Дефиниция обладает следующим функционалом: оценивает определенный предмет (явление) и соответственно показывает отношение индивида к нему (положительное или отрицательное); отражает систему ценностей, поддерживаемую индивидом, и его восприятие реальности. Другими словами, в сознании индивида любое понятие или явление соответствует дефиниции, представляющей собой некую установку, которую возможно изменить при необходимости. В силу способности к изменчивости дефиниция может быть использована как инструмент воздействия на сознание реципиента: любое восприятие действительности может преобразоваться. Данное исследование показывает, в каких целях дефиниция может быть применена при построении аргументации убедительного характера, как дефиниция может повлиять на коммуникацию и оценивает, какие факторы могут повлиять на эффективность оказания воздействия при помощи дефиниции.

Результаты и обсуждения

При построении аргументации убедительного характера и оказания воздействия говорящий излагает определенное видение действительности, которое является предпочтительным для конкретной ситуации. Использование специально «сконструированных» дефиниций или редефиниций помогает убеждающему справиться с этой

задачей. Целью «конструирования» редефиниции является воздействие на восприятие реципиентом ситуации или описываемой реалии таким образом, чтобы в результате сформировать определенное отношение к обсуждаемой тематике или изменить его, когда это необходимо. Предлагаемая дефиниция способна повлиять на воззрения собеседника и обеспечить контроль понимания сути дела. «Конструирование» редефиниции – это действие, направленное на то, чтобы определенное восприятие действительности было принято реципиентом. Когда собеседник принимает редефиницию, он также принимает предложенную оценку действительности и отношение к ней, из чего следует одобрение и выполнение предполагаемых действий, а также, возможно, принятие необходимых решений. Лексическая составляющая дефиниции является ее наиболее важной характеристикой, которая влияет на убедительный характер высказывания. Именно слова, «конструирующие» дефиницию, наделяют ее воздейственным потенциалом, так как в них отражена целая система ценностей. Желания и предпочтения индивида всегда формируются на основе ценностей, которые он поддерживает, поэтому система ценностей, отраженная в словах, является хоть и неявным, но эффективным способом достижения необходимых целей. Следующий фрагмент рассуждения демонстрирует использование автором дефиниции, которую он соотносит с Национальной службой здравоохранения Великобритании:

The [British] National Health Service should be a completely adequate system for the health-care of the nation, provided at public expense. It means precisely that: not some kind of nationally available system you can pay for, or a nationally available but second-rate service if you're poor and ill and can't afford anything better [Cockcroft R., Cockcroft S. 2014, с. 144].

Данная дефиниция помогает выразить автору свое мнение относительно Национальной службы здравоохранения Великобритании. Говорящий указывает на то, как он воспринимает данную Организацию, и что она должна выполнять в действительности согласно его представлениям. Как видно, данная дефиниция не отражает реальную ситуацию относительно работы системы здравоохранения в Британии, а лишь показывает субъективное восприятие реальности. Используя данную дефиницию, говорящий желает сформировать определенное отношение реципиента относительно работы Национальной службы здравоохранения, подчеркивая, что нынешняя ситуация не соответствует тому, что должно быть для идеального

благополучия. Если такое отношение будет принято реципиентом, то говорящему будет легче убедить его в необходимости поменять существующую систему.

Каждая дефиниция включает в себя две составляющие: 1) фрейм, т. е. структуру знаний, или концептуальный фон, который стоит за каждым смыслом слова; 2) собственно значение слова в построении определения, в котором описываемое значение слова или понятия модифицируется таким образом, чтобы переориентировать воззрения реципиента в сторону нового объекта [Кубрякова 2004; Lakoff 1982; Fillmore 1982; Macagno, Walton 2010; Minski 1980]. Предлагая дефиницию, построенную с помощью лексического набора, отличного от того, который существует в сознании реципиента относительно этого понятия, говорящий «конструирует» новый фрейм, который может позволить изменить видение ситуации в глазах реципиента. Рассмотрим пример двух дефиниций, относящихся к одному и тому же понятию, но имеющие разную лексическую реализацию:

(a) *student behavior* means *attending* lectures and tutorials and *completing* assignments on time;

(b) *student behavior* means *studying* what is said in lectures and *playing an active part* in tutorials [Mulholland 1994, с. 90].

В примере (a) слова *attending* и *completing* соотносятся с формальными обязательствами, из чего следует, что в самой дефиниции заложен фрейм выполнения формальных требований. В дефиниции (b) *studying* и *playing an active part* дают абсолютно другое представление, что значит быть студентом. Как видно из (a) и (b), одно и то же понятие можно охарактеризовать с разных точек зрения в зависимости от цели высказывания. Например, высказывание (a) будет звучать убедительно, если преподаватель желает добиться от студента вовремя выполненных заданий, в то время как пример (b) может убедить реципиента принимать более активное участие в школьных мероприятиях.

Персуазивные и манипулятивные дефиниции

Дефиниции могут также различаться по характеру воздейственного потенциала. Персуазивные дефиниции опираются на систему ценностей, которую поддерживает реципиент, но в некоторой степени преподносят ее в иной конфигурации, что направляет реципиента на осознанное принятие новой предлагаемой идеи [Stevenson 1938]. Персуазивные дефиниции часто используются для воздействия

в институциональном дискурсе как средство решения профессиональных задач. Например, крупные компании в рекламных целях при характеристике своей деятельности, продукции или услуг используют дефиниции, которые повышают воздейственный потенциал высказываний. Рассмотрим информацию, представленную на сайте компании «Avon», в качестве примера использования дефиниции в институциональном дискурсе:

Trust means we want to live and work in an environment where communications are open – where people feel free to take risks, to share their points of view and to speak the truth as they see it. Trust people to do the right thing – and help them to understand your underlying reasoning and philosophy – and they won't disappoint... Humility simply means we're not always right – we don't have all the answers – and we know it. We are not afraid to ask for help from the people we work alongside (www.avonworldwide.com/about-us/our-values).

«Avon» описывает свою систему ценностей с помощью «конструирования» дефиниций общепринятых понятий добродетели *trust* и *humility*, что не только разъясняет реципиенту, какое значение данные слова имеют для компании, но и помогает **выстраивать необходимый корпоративный имидж**. Позиционирование компании должным образом является необходимым элементом для этического аспекта убеждения современной бизнес-коммуникации. Описание системы ценностей таким образом, как представлено в примере, благоприятно воздействует на аудиторию и создает положительные ассоциации в сознании реципиента относительно данной компании и продукции, которая к ней относится.

В бизнес-коммуникации дефиниция может быть также применена для того, чтобы побудить к совершению определенных действий в интересах компании. Раскрывая смысл сказанного, дефиниция способна указать на доводы в сторону необходимости изменения ситуации, действий или отказа от них. Следующий пример является демонстрацией изложенного:

To: Dispatch staff

From: Boris Vladev, Financial Director

Subject: Cost Savings

Rising oil prices have resulted in greatly increased transport costs. As a consequence of that our profit margins are greatly reduced in those cases

where we pay for delivery. As a result, we may have to raise prices, **which could mean our losing customers**. Could I ask staff to:

Make sure **all lorries leaving the factory are completely full**. **This will mean a 5% saving on present transport costs**.

Only use express delivery in really urgent cases. Consequently, we will be able to save a further 6.5%.

Many thanks [Brook-Hart 2009, с. 117].

Целью данного письма являются указания сотрудникам для организации доставки с учетом новых поправок. Для того чтобы убедить работников выполнить необходимые инструкции, автор сообщения использует дефиницию *...all lorries leaving the factory are completely full. This will mean a 5% saving on present transport costs*, которая поясняет необходимость выполнения новых требований. Ясность, которую вносит данная дефиниция в сообщении, дает работникам обоснование того, почему им необходимо выполнять перечисленные действия, что не разрушает коммуникацию и мотивирует персонал. Если бы письмо содержало только инструкцию *Make sure all lorries leaving the factory are completely full* без дефиниции, раскрывающей, что для компании означает «all lorries leaving the factory are completely full», то воздействие всё равно было бы оказано, но оно носило бы манипулятивный характер. В данном случае дефиниция выступает как инструмент персуазивного воздействия и, следовательно, может быть названа персуазивной дефиницией, поскольку она призывает к рациональному решению ситуацию, считаясь со второй стороной, а не ставя ее перед фактом. Другая дефиниция – *As a result, we may have to raise prices, which could mean our losing customers* одновременно поясняет ситуацию и излагает персоналу, как автор письма **видит действительность** (*raise prices = losing customers*). Данная оценка также является весомой для оказания персуазивного воздействия, так как мнение и прогнозы финансового директора (автора письма) по поводу рабочих моментов являются авторитетными, и существует большая вероятность того, что такое мнение будет разделено.

В политическом дискурсе дефиниция и редефиниция применимы при желании говорящего не только отразить свое отношение к определенному вопросу, но и сформулировать или изменить отношение потенциальной аудитории к обсуждаемому. Следующий пример подтверждает вышесказанное:

Because the question of leadership has always been at the heart of this campaign – and it is absolutely crucial we get the answer right. **The ability to say the courageous thing and do the difficult thing. To face up to and address great challenges, not to pretend they don't exist or seek to wish them away. The strength to be straight with people and not just tell them what they want to hear. The ability to get the job done. That is what leadership means to me. And it is that leadership that I offer the British people at this election.** Strong and stable leadership to guide Britain through the years ahead. And we need that strong leadership now more than ever (blogs.spectator.co.uk/2017/06/theresa-mays-strong-leadership-speech-full-transcript/).

Смысл данного фрагмента выступления политика Терезы Мэй заключается в следующем: воздействовать на аудиторию таким образом, чтобы выдвигаемые положения были расценены как необходимые и лучшие по сравнению с другими вариантами, чтобы аудитория поверила, приняла и положительно оценила выдвинутые политиком идеи. Дефиниция того, что значит управлять страной (*what leadership means to me*) наделяет речь Терезы Мэй воздействием потенциалом, поскольку она включает в себя своего рода предвыборные обещания политика. Стоит отметить, что данная дефиниция была построена специально для аудитории, и ее функция – максимально отразить возможные желания и установки публики по поводу управления страной. Тереза Мэй выдает данную дефиницию за свое представление о том, что означает идеальное управление страной. Узнать, является ли данная дефиниция истинной для самого политика не представляется возможным, поэтому можно лишь предполагать, что дефиниция носит манипулятивный, а не персуазивный характер. Все аспекты, перечисленные в дефиниции Терезы Мэй, нацелены на то, чтобы добиться расположения аудитории, убедить ее в том, что страна получит лучшее развитие событий при правлении данного политика и воздействовать на аудиторию таким образом, чтобы она поддержала Терезу Мэй или изменила свой голос в ее сторону. Следовательно, воздействующий потенциал дефиниции способен **повлиять на принятие решений или изменение поведения индивида.**

В следующем фрагменте американский политик Хиллари Клинтон также использует дефиницию в своей предвыборной агитации:

If you believe the **minimum wage should be a living wage** and no one working full time should have to raise their children in poverty – join us (*apps.bostonglobe.com/graphics/2016/07/convention-speeches/#cat-4--clinton*).

Дефиниция *minimum wage should be a living wage* позволяет политику **сформировать в сознании индивида чувство общности**, которое показывает, что партия Хиллари и аудитории, имеющая такую же установку принадлежат к одному кругу. Создание чувства общности является эффективной и распространенной технологией воздействия, и представленная дефиниция реализует данную технологию. Характер воздействия и, следовательно, данной дефиниции может быть также установлен исходя из истинных желаний, а также целей Хиллари Клинтон, но принимая во внимание, что сообщение является частью предвыборной кампании, главная цель которой – это победа, то с большей долей вероятности дефиниция является манипулятивной.

Стоит отметить, что при оказании воздействия дефиниция (манипулятивная или персуазивная) как правило не используется обособленно, а **применяется в комплексе с различными лексическими, грамматическими и стилистическими средствами**. Такая комбинация повышает воздейственный потенциал высказывания и как результат увеличивает шансы успешного воздействия на реципиента. Например, рассмотренная дефиниция Хиллари Клинтон «встроена» в условное предложение, главная часть которого представляет собой императив, мотивирующий аудиторию и призывающий к поддержке кандидата в президенты. В выступлении Терезы Мэй дефиниция строится с помощью парцелляции: расчленение единой синтаксической структуры дефиниции позволяет привлечь внимание аудитории к каждому обозначенному элементу и усилить его акцентную составляющую.

Рефрейминг

В качестве частного случая «конструирования» редефиниции можно рассматривать рефрейминг, который функционирует следующим образом: дефиниции концептов или словосочетания заменяются на другие более общепринятые или эффективные, с точки зрения воздействия на реципиента. Соответственно одно и то же понятие может принимать различные очертания, формулируемые с помощью слов в конкретной ситуации. Каждое обозначение соответствует определенному фрейму, на основе которого в сознании реципиента

формируется отношение к сказанному. С точки зрения когнитивизма рефрейминг строится на основе ассоциативной модели, так как каждая дефиниция концепта ассоциируется у реципиента с определенным набором знаний, на фоне которых человек выстраивает свое отношение к предмету / понятию. Рассмотрим примеры из телешоу «The Call Centre», которые демонстрируют, как рефрейминг влияет на сознание индивида:

(1) The most boring way of saying it would be “**I’m selling insulation**”... but I try not to think about it like that, I try to think of it as, **I’m selling lower energy bills, I’m selling a warmer home... I’m selling happier people!** ... If you sound like you believe it, then maybe they will, too! (The Call Centre, BBC 3, episode 2) [Darics, Koller 2018, с. 275–276].

Как видно из представленного рассуждения, говорящий переформулировал суть своей деятельности, которая заключается в продажах, на идею о том, что он доставляет людям счастье. Рефрейминг (*I’m selling lower energy bills, I’m selling a warmer home... I’m selling happier people*) позволяет изменить восприятие действительности относительно новой системы ценностей. В данном примере очевиден факт **самоубеждения** говорящего при характеристике своей работы, что также является необходимым элементом для последующего успешного воздействия на реципиента, о чем и утверждает сам говорящий (*If you sound like you believe it, then maybe they will, too!*).

(2) Well there’s no comparison really. This is a **service centre, so it’s like much more skilled than just working in a call centre taking calls, I mean I feel like I really solve problems** [там же, с. 276–277].

В данном примере во время интервью представитель колл-центра сравнивает свою работу в этом центре с другими колл-центрами. Используя рефрейминг и называя место своей работы не *call centre*, а *servive centre*, говорящий наделяет его большей значимостью, выделяя его среди остальных, несмотря на то, что место работы говорящего в действительности является именно колл-центром. Далее говорящий «конструирует» дефиницию, характеризующую его работу, определяя свою занятость в этом центре, как *skilled* и противопоставляя данное описание обычной работе *in a call centre taking calls*, что снова позволяет выделить его место работы из списка схожих мест, акцентируя внимание на его отличиях. Завершая высказывание, говорящий уточняет, что он подразумевал под предложенной дефиницией

I mean I feel like I really solve problems, что поясняет его обозначенную мысль и увеличивает убедительный характер сообщения.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что дефиниция может применяться как универсальное средство воздействия как в персональном, так и в институциональном дискурсе. Дефиниция и редефиниция могут быть применены для достижения следующих целей: побуждение к совершению определенных действий; формирование или корректировка отношения реципиента к обсуждаемой тематике, что может повлиять на его посткоммуникативное поведение; создание необходимого корпоративного имиджа; реализации технологии создания чувства общности. Успешное достижение любой перечисленной цели является средством достижения глобальной цели – оказание необходимого воздействия на собеседника. Как инструмент воздействия дефиниция может применяться при манипулировании, а также при оказании персуазивного воздействия. Рефрейминг, как частный случай формирования новой дефиниции, сдвигает акцентную составляющую сообщения в нужную сторону, придавая высказыванию положительное или отрицательное значение. В силу способности отразить отношение к сказанному, рефрейминг может быть использован как средство самоубеждения, что является хорошей практикой для того, чтобы воздействовать на других людей: если получается убедить себя, значит, представляется возможным убедить собеседника. Применение дефиниции или редефиниции повышает воздействующий потенциал высказывания и шансы говорящего повлиять на собеседника. Использование дефиниции в комплексе с иными средствами воздействия увеличивают ее эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направление в его исследовании // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 519–531. (Язык. Семиотика. Культура).
- Brook-Hart G. Business Benchmark. Upper-Intermediate. Student's book. Cambridge : University Press. 2009. 192 p.
- Cockcroft R., Cockcroft S. Persuading People: An Introduction to Rhetoric. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2014. 323 p.

- Darics E., Koller V.* Language in Business, Language at work. Macmillan Education. Palgrave. 2018. 343 p.
- Fillmore Ch.J.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL–1981. Seoul : Hanship, 1982. P. 111–137.
- Lakoff R.* Persuasive Discourse and Ordinary Conversation, with Examples from Advertising // D. Tannen (Ed.). Analyzing Discourse: Text and Talk. Washington DC : Georgetown University Press, 1982. P. 25–42.
- Macagno F., Walton D.* What we hide in words: Emotive words and persuasive definitions // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42. P. 1997–2013.
- Minski M.* A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. B., 1980. P. 1–25.
- Mulholland J.* Handbook of Persuasive Tactics: A Practical Language Guide. L. ; NY : Routledge, 1994. 424 p.
- Stevenson C.* Persuasive definitions. Mind 47, 1938. P. 331–350.

REFERENCES

- Kubryakova E. S.* Diskurs: opredelenie i napravlenie v ego issledovanii // Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. C. 519–531. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).
- Brook-Hart G.* Business Benchmark. Upper-Intermediate. Student's book. Cambridge : University Press. 2009. 192 p.
- Cockcroft R., Cockcroft S.* Persuading People: An Introduction to Rhetoric. 3rd ed. London: Palgrave Macmillan, 2014. 323 p.
- Darics E., Koller V.* Language in Business, Language at work. London : Palgrave Macmillan, 2018. 343 p.
- Fillmore Ch.J.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL–1981. Seoul : Hanship, 1982. P. 111–137.
- Lakoff R.* Persuasive Discourse and Ordinary Conversation, with Examples from Advertising // D. Tannen (Ed.), Analyzing Discourse: Text and Talk. Washington DC : Georgetown University Press, 1982. P. 25–42.
- Macagno F., Walton D.* What we hide in words: Emotive words and persuasive definitions // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42. P. 1997–2013.
- Minski M.* A framework for representing knowledge // Winston P. (ed). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
- Mulholland J.* Handbook of Persuasive Tactics: A Practical Language Guide. L. ; NY : Routledge, 1994. 424 p.
- Stevenson C.* Persuasive definitions // Mind. 1938. Vol. 47. No. 187. P. 331–350.

УДК 81'23

Р. К. Потапова, Л. Р. Комалова, В. В. Потапов

Потапова Р.К., доктор филологических наук, профессор; действительный член Международной академии информатизации; директор Института прикладной и математической лингвистики; заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

Комалова Л.Р., доктор филологических наук; заведующая отделом развития ресурсного потенциала ИНИОН РАН, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: GenuinePR@yandex.ru

Потапов В.В., доктор филологических наук; ст. научный сотрудник учебно-научного компьютерного центра филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: volikpotapov@gmail.com

К ВОПРОСУ О СЛУХОВОМ И ЗРИТЕЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

В статье представлены результаты экспериментального исследования восприятия агрессивного поведения по слуховому и зрительному каналам. Было выявлено, что в целом, при оценке стимульного материала, ассоциируемого с агрессивным поведением, по зрительному каналу испытуемые ориентируются в большей мере на мимику и жестикуляцию, чем на движения тела, дистанцию между коммуникантами. При восприятии по слуховому каналу наиболее устойчивыми параметрами, вне зависимости от степени эмоциональной насыщенности стимульного материала, являются высота и сила голоса, темп речи; при восприятии по зрительному каналу – движение глаз и век, бровей и мышц лица, движения рук до локтя.

Ключевые слова: агрессивное речевое поведение; просодия; зрительное и слуховое восприятие.

R. K. Potapova, L. R. Komalova, V. V. Potapov

Potapova R. K., Doctor of Science in Philology, Professor, Active member of the International Academy of Informatization; Head of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics; Head of the Applied and Experimental Linguistics Department, Moscow State Linguistic University; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

¹Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-18-00477

Komalova L. R., Doctor of Science in Philology; Head of the Resource Capability Development Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair at the Department of Applied and Experimental Linguistics; Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: GenuinePR@yandex.ru

Potapov V. V., Doctor of Science in Philology, Senior research fellow at the Centre of New Technologies for Humanities, Lomonosov Moscow State University; e-mail: volikpotapov@gmail.com

DEALING WITH AUDITORY AND VISUAL PERCEPTIONS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR

The article presents the results of an experimental research on aggressive behavior perception base on the auditory and visual channels. In general, during visual perception while evaluating the stimuli associated with aggressive behavior, subjects were guided more by facial expressions and gestures than by movements of the body, distance between the communicants. During auditory perception, voice pitch and strength, and speech tempo were the most stable parameters, regardless of the degree of emotional saturation of the stimuli. During visual perception subjects give evaluations based on the movements of eyes and eyelids, eyebrows and facial muscles, hands to the elbow.

Key words: aggressive speech behavior; prosody; visual and auditory perception.

Введение

Агрессивное поведение относится к эмоционально-насыщенному типу интеракции между людьми. Эмоционально-окрашенная коммуникация задействует целый комплекс перцептивных механизмов. В качестве источника информации коммуниканты опираются как на вербальный контент, так и на просодическое оформление сообщаемого, учитывают прагматическую составляющую коммуникативной ситуации, информацию, считываемую по выражению лица, жестике, куляции коммуникантов [Filippi at al. 2017, с. 879]. Точность интерпретации передаваемого сообщения во многом ограничивается условиями осуществления коммуникации, каналом передачи / восприятия информации. Исследования показали, что когда эмоциональные стимулы передаются по одному каналу, распознавание эмоций является более точным при визуальном восприятии, нежели при слуховом восприятии [Paulmann, Pell 2011].

При этом в условиях одноканального восприятия отрицательных эмоционально-модальных состояний собеседника результаты

восприятия по зрительному/слуховому каналам колеблются в зависимости от текущего эмоционально-модального состояния (далее – ЭМС) реципиента. Реципиенты с более повышенными значениями текущего ЭМС (завышены значения по шкалам «спокойствие», «энергичность», «бодрость», «уверенность в себе») имеют тенденцию больше полагаться на результаты слухового восприятия, а реципиенты с заниженными значениями текущего ЭМС (завышены значения по шкалам «тревожность», «усталость», «подавленность», «чувство беспомощности»), более вероятно, будут полагаться на результаты визуального восприятия [Potarova, Komalova 2016, с. 505; Комалова 2017, с. 217].

Тем не менее восприятие эмоционально-окрашенного сообщения с задействованием нескольких каналов также способствует более точному восприятию, так как проявляется эффект дополнительности [Grandjean, Baenziger, Scherer 2006; Paulmann, Pell 2011; Wilson, Wharton 2006]. Интеграция информации, считываемой по выражению лица и просодии, улучшает точность восприятия эмоционального состояния говорящего [Belin, Fecteau, Bédard 2004; Campanella, Belin 2007; Massaro, Egan 1996].

В целом, выражение эмоций является наиболее неоднозначным при опоре на акустические параметры голоса и наиболее четким при задействовании различных каналов передачи / восприятия информации. Различные модальности демонстрируют преимущества в представлении различных эмоций. Например, в целом, требуется больше времени для восприятия эмоций на основе акустических данных по сравнению со скоростью восприятия эмоций на основе анализа выражений лица и комбинации аудиовизуальных данных [Cao et al. 2014, с. 12–13].

Несмотря на то, что вопросам идентификации отдельных эмоций по голосу и речи, гендерным особенностям восприятия эмоций, распознавания агрессии в речевом поведении представителей различных лингвокультур посвящено значительное количество исследовательских работ, вопросы комплексного восприятия мультимодального стимула (а не определенных отрицательных эмоций, входящих в комплекс агрессии, например, гнева, ненависти, отвращения и т. д.), ассоциируемого с агрессивным поведением, поднимаются редко. Еще реже исследуются устойчивые и подвижные признаки речевой продукции, ассоциируемые с агрессивным поведением, в динамике развертывания коммуникативной ситуации, а также насыщенности эмоционального фона коммуникации.

В рамках настоящего исследования рассматриваются следующие вопросы. Какие голосовые и просодические признаки при перцептивно-слуховом анализе и какие признаки мимики, жестикуляции, движения тела при зрительной перцепции выступают опорными для характеристики агрессивного поведения? Сохраняют ли данные признаки свою устойчивость при восприятии эмоционального фона коммуникации разной интенсивности / насыщенности?

Цель нашего исследования – охарактеризовать дискретные (слуховые и визуальные) монологические дискурсивные единицы, связанные с агрессивным речевым поведением и дополнить знания о слуховом и зрительном восприятии на материале агрессивного поведения (комплекса эмоций, в совокупности ассоциируемых с агрессией) применительно к различным степеням насыщенности эмоционального фона коммуникации.

Методика исследования

Всего в исследовании приняли участие 31 женщина в возрасте 18–22 лет. Все испытуемые являются носителями русской лингвокультуры, студентами дневной формы обучения (третий курс, гуманитарии по профилю «теоретическая и прикладная лингвистика»). Испытуемые относят себя к среднему социально-экономическому классу.

Для выявления оценок, формируемых испытуемыми в отношении речевого поведения, ассоциируемого с агрессией, применялась отработанная методика перцептивно-слухового анализа (по Р. К. Потаповой) [Potapova, Potapov 2011].

В качестве стимульного материала из авторской базы данных мультимодального контента, оцениваемого как агрессивное речевое поведение, было отобрано два образца (монологи, на русском языке, информанты-мужчины). В русской лингвокультуре, как и во многих европейских культурах, существует стереотипное представление о том, что по сравнению с женщиной мужчине свойственно биологически обусловленное более агрессивное поведение, в то время как женщина чаще выступает в роли жертвы. Данная предпосылка явилась основанием для выбора в качестве испытуемых группы женщин, а в качестве стимульного материала – образцов агрессивного поведения мужчин. Предположительно, что за счет срабатывания эффекта стереотипизации восприятия может быть достигнута более однозначная оценка стимульного материала со стороны испытуемых.

Эксперимент проводился в два сеанса. В ходе первого испытуемые оценивали стимульный материал, опираясь только на визуальный контент (звуковая дорожка была удалена). В ходе второго сеанса, который проводился через неделю, испытуемые оценивали тот же стимульный материал, опираясь только на звучащий контент (продия, вербалика; видеоряд был удален). Музыкальное оформление в стимульном материале отсутствовало.

После просмотра / прослушивания каждого образца стимульного материала испытуемым предлагалось оценить общий эмоциональный фон коммуникации по шкале от 0 до 10 (где значения от 0 до 3 соответствовали слабой эмоциональной насыщенности коммуникации, от 4 до 6 – средней, от 7 до 10 – высокой), и охарактеризовать: после первого сеанса – мимику, жестикуляцию, движение тела, дистанцию между коммуникантами (монолог, направленный на собеседника) в анализируемом материале; после второго сеанса – голос и речь говорящего (силу и высоту голоса, мелодический рисунок речи, темп речи, паузы в речи, речевой ритм и речевое дыхание).

Для подтверждения того, что стимульный материал для испытуемых ассоциировался с агрессивным поведением, в исследование было введено дополнительное задание: указать доминирующий эмоциональный фон коммуникации (нейтральный, доброжелательный или агрессивный) и по возможности указать название доминирующей эмоции.

Проверка статистической достоверности полученных результатов проводилась с применением однофакторного дисперсионного анализа для несвязных выборок.

Результаты исследования

Было выявлено, что большинство участников эксперимента воспринимают стимульный материал как образцы агрессивного поведения (см. табл. 1, с. 129).

При *слуховом восприятии* агрессивный характер коммуникации интерпретировался испытуемыми через такие эмоциональные / эмоционально-модальные состояния, как гнев – 5, возмущение – 3, обида – 3, злость – 2, раздражение – 2, ярость – 2, ненависть – 2, подозрение, напряженность, грусть, разочарование, горечь. При *зрительном восприятии* агрессивное поведение описывалось через такие номинации, как гнев – 5, напряженность – 4, раздражение – 3, негодование – 3, ненависть – 2, возмущение – 2, обида – 2, сарказм,

непонимание, недоумение, подозрение, скованность, вина, боль, недоброжелательность, горечь, досада, отчаяние.

Таблица 1

Оценка испытуемыми доминирующего эмоционального фона стимульного материала

Канал восприятия	Оценки доминирующего эмоционального фона как агрессивного (в %)	
	Образец 1	Образец 2
Визуальное восприятие	74	58
Слуховое восприятие	74	61

Указанные испытуемыми номинации относятся к комплексу эмоциональных / эмоционально-модальных состояний, ассоциируемых с агрессивным поведением [Комалова 2017].

В силу того, что номинации эмоциональных / эмоционально-модальных состояний указаны не всеми испытуемыми, преждевременно делать выводы о качественном содержании агрессивного поведения. Однако следует обозначить, что при зрительном восприятии наблюдаются более сглаженные эмоциональные / эмоционально-модальные состояния по сравнению с репертуаром, отмеченным испытуемыми при слуховом восприятии стимульного материала. При зрительном восприятии описание отличается бóльшим разнообразием номинаций, указанных испытуемыми.

Оценки первого и второго образцов стимульного материала в первом и втором сеансах различались. При восприятии через визуальный канал эмоциональность оценивалась испытуемыми ниже, чем при восприятии через слуховой канал: оценка стимульного материала при слуховом восприятии является на порядок выше по сравнению с оценкой, данной испытуемыми при зрительном восприятии стимульного материала (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка испытуемыми эмоциональной насыщенности стимульного материала

Канал восприятия	Оценки эмоциональной насыщенности стимульного материала	
	Образец 1	Образец 2
Визуальное восприятие	4,77 (средняя)	3,24 (слабая)
Слуховое восприятие	6,23 (высокая)	4,74 (средняя)

Следующим шагом в ходе эксперимента было выделение групп оценок по признаку «эмоциональный фон коммуникации» (слабая / средняя / высокая эмоциональная насыщенность коммуникации).

Применительно к оценкам первого образца стимульного материала признаки мимики и жестикуляции, маркирующие высокую эмоциональную насыщенность коммуникации, соотносятся с признаками мимики и жестикуляции, маркирующими *слабую* насыщенность эмоциональность: движение глаз и век, бровей и мышц лба, губ; жестикуляция кистями и руками до локтя; повороты головы. Это подтверждается ответами на контрольный вопрос о том, какие параметры в большей мере используются для создания данного эмоционального фона коммуникации (в нашем случае – агрессивного). Проверка достоверности полученных данных с применением однофакторного дисперсионного анализа для несвязных выборок показала, что выявленные закономерности статистически достоверны при $p < 0,01$.

При оценке второго образца стимульного материала признаками, маркирующими *высокую* эмоциональную насыщенность коммуникации, являются движения глаз и век, губ; поворот спиной к собеседнику; сокращение дистанции между коммуникантами. Проверка достоверности данных показала, что выявленные закономерности статистически достоверны при $p < 0,05$.

При перцептивно-слуховом анализе первого образца стимульного материала различия в уровне эмоциональной насыщенности коммуникации проявляются в следующих закономерностях: *высокая* насыщенность эмоционального фона коммуникации отличается наличием пауз средней длительности, ориентиром в большем мере на просодические параметры; *средняя* насыщенность характеризуется тенденцией к нечеткому речевому ритму; *слабая* насыщенность – тенденцией к плавному мелодическому рисунку речи, к дискомфортному речевому дыханию, нечеткому речевому ритму. Проверка достоверности полученных данных показала, что выявленные закономерности статистически достоверны при $p < 0,01$.

В ходе анализа оценок второго образца стимульного материала было выявлено, что *высокая* насыщенность эмоционального фона коммуникации отличается низким голосом говорящего, скачкообразным мелодическим рисунком речи, короткими паузами в речи, дискомфортным дыханием, опорой как на просодические, так и на

вербальные параметры стимульного материала. Однако проверка достоверности полученных данных показала, что выявленные закономерности статистически не достоверны.

Заключение

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что в целом, при оценке стимульного материала, ассоциируемого с агрессивным поведением, по зрительному каналу испытуемые ориентируются в большей мере на более мелкие признаки (такие как мимика и жестикация), чем на более крупные (движение тела, дистанция между коммуникантами). При восприятии по слуховому каналу наиболее устойчивыми параметрами, вне зависимости от степени эмоциональной насыщенности стимульного материала, являются высота и сила голоса, темп речи; при восприятии по зрительному каналу – движение глаз и век, бровей и мышц лица, движения рук до локтя.

Ограничением проведенного исследования является небольшая выборка испытуемых, что, в свою очередь, не позволило дифференцировать оценки испытуемых по признаку «влияние устойчивых черт личности и индивидуальных психологических особенностей испытуемых на результаты восприятия стимульного материала». Кроме того, не учитывалось текущее эмоциональное состояние участников исследования, которое, согласно результатам наших ранних исследований, может внести определенные коррективы в оценку поведения на основе слуховой и зрительной перцепции [Комалова 2016].

В дальнейшем предполагается проведение экспериментального исследования по методике, описанной в настоящей статье, с привлечением группы испытуемых-мужчин, а также разработка дизайна исследования, целью которого является выявление корреляции между результатами перцептивно-слухового и перцептивно-зрительного видов анализа стимульного материала, ассоциируемого с агрессивным поведением. Достижение данной цели позволит выйти к вопросу о влиянии слухового (звучащая речь, музыкальное сопровождение) и зрительного (непосредственно моторная активность участников коммуникации, пространственные передвижения предметов, а также чтение вербального контента, восприятие статичных и движущихся изображений) контента на реципиента в определенных условиях коммуникации, опосредованной техническими устройствами (интерфейсом компьютера, мобильных устройств) и технологическими средствами (интернет-приложения, социальные сети).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Комалова Л. Р.* Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии. М. : Спутник +, 2017. 275 с.
- Комалова Л. Р.* Сопоставление слуховой и зрительной перцепции агрессивного вербального поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 15 (754). С. 114–128. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest/15_754_net.indd.pdf
- Belin P., Fecteau S., Bédard C.* Thinking the voice: Neural correlates of voice perception // Trends in Cognitive Sciences. 2004. № 8. P. 129–135.
- Campanella S., Belin P.* Integrating face and voice in person perception // Trends in Cognitive Sciences. 2007. № 11. P. 535–543.
- Cao H.* [at al.]. CREMA-D: Crowd-sourced emotional multimodal actors dataset / H. Cao, D. G. Cooper, M. K. Keutmann, R. C. Gur, A. Nenkova, R. Verma // IEEE Trans Affect Comput. 2014. № 5 (4). P. 377–390. DOI: 10.1109/TAFFC.2014.2336244.
- Filippi P.* [at al.]. More than words (and faces): Evidence for a Stroop effect of prosody in emotion word processing / P. Filippi, S. Ocklenburg, D. L. Bowling, L. Heege, O. Güntürkün, A. Newen, B. de Boer // Cognition and Emotion. 2017. № 31 (5). P. 879–891. DOI: doi.org/10.1080/02699931.2016.1177489.
- Grandjean D., Baenziger T., Scherer K. R.* Intonation as an interference between language and affect // Progress in Brain Research. 2006. № 156. P. 1–13.
- Massaro D. W., Egan P. B.* Perceiving affect from the voice and the face // Psychonomic Bulletin & Review. 1996. № 3. P. 215–221.
- Paulmann S., Pell M. D.* Is there an advantage for recognizing multi-modal emotional stimuli? // Motivation and Emotion. 2011. № 35 (2). P. 192–201.
- Potapova R., Komalova L.* Multimodal perception of aggressive verbal behavior // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Nemeth (eds.) Speech and Computer. SPECOM 2016: LNAI. Chem: Springer, 2016. Vol. 9811. P. 499–506. DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_60.
- Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit: Rußland u. Deutschland in Vergleich. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2011. 312 S.

REFERENCES

- Komalova L. R.* Agressogennyj diskurs: Tipologija mul'tilingval'noj verbalizacii agressii. M. : Sputnik +, 2017. 275 s.
- Komalova L. R.* Sopostavlenie sluhovoj i zritel'noj percepcii agressivnogo verbal'nogo povedenija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. 2016. № 15 (754). S. 114–128. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest/15_754_net.indd.pdf

- Belin P., Fecteau S., Bédard C.* Thinking the voice: Neural correlates of voice perception // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. № 8. P. 129–135.
- Campanella S., Belin P.* Integrating face and voice in person perception // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. № 11. P. 535–543.
- Cao H. [at al.].* CREMA-D: Crowd-sourced emotional multimodal actors dataset / H. Cao, D.G. Cooper, M.K. Keutmann, R. C. Gur, A. Nenkova, R. Verma // *IEEE Trans Affect Comput*. 2014. № 5 (4). P. 377–390. DOI: 10.1109/TAFFC.2014.2336244.
- Filippi P. [at al.].* More than words (and faces): Evidence for a Stroop effect of prosody in emotion word processing / P. Filippi, S. Ocklenburg, D.L. Bowling, L. Heege, O. Güntürkün, A. Newen, B. de Boer // *Cognition and Emotion*. 2017. № 31 (5). P. 879–891. DOI: doi.org/10.1080/02699931.2016.1177489.
- Grandjean D., Baenziger T., Scherer K.R.* Intonation as an interference between language and affect // *Progress in Brain Research*. 2006. № 156. P. 1–13.
- Massaro D.W., Egan P.B.* Perceiving affect from the voice and the face // *Psychonomic Bulletin & Review*. 1996. № 3. P. 215–221.
- Paulmann S., Pell M.D.* Is there an advantage for recognizing multi-modal emotional stimuli? // *Motivation and Emotion*. 2011. № 35 (2). P. 192–201.
- Potapova R., Komalova L.* Multimodal perception of aggressive verbal behavior // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Nemeth (eds.) *Speech and Computer. SPECOM 2016: LNAI*. Chem: Springer, 2016. Vol. 9811. P. 499–506. DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_60.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* *Kommunikative Sprechttätigkeit: Rußland u. Deutschland in Vergleich*. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2011. 312 S.

Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. В. Джунковский

Потапова Р.К., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

Потапов В. В., доктор филологических наук, главный научный сотрудник НИР кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, ст. научный сотрудник филологического факультета МГУ; e-mail: volikpotapov@gmail.com

Джунковский А. В., специалист по УМР, аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: Vetinari01@gmail.com

**О НОВОМ МЕТОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ
И АННОТИРОВАНИЯ ПОЛИКОДОВОГО
МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО КОРПУСА ДАННЫХ
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОЦИАЛЬНЫМ СЕТЯМ ИНТЕРНЕТА¹**

Статья посвящена описанию и анализу опыта формирования и глубинного аннотирования поликодового корпуса данных на базе социально-сетевого дискурса на русском языке в сети Интернет. Работа относится к фундаментальному междисциплинарному исследованию корпусного массива мультимодальной и поликодовой природы в социальных сетях. Особое внимание в рамках проекта уделено трансформации психофизиологических и когнитивных характеристик личности пользователей сети Интернет (применительно к молодежному контингенту). Кроме того, в рамках исследования разработана методика формирования и аннотирования единиц соответствующего корпуса, предназначенного для решения основных задач. Предлагается новый метод глубинного аннотирования, удовлетворяющего требованиям всестороннего охвата компонентов поликодовой информации на основе семантического ветвления признаков корпуса данных.

Ключевые слова: корпус данных; поликодовость; мультимодальность; метод глубинного аннотирования.

¹Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №18-18-00477.

R. K. Potapova, V. V. Potapov, A. V. Dzhunkovskiy

Potapova R. K., Doctor of Science in Philology, Professor,
Head of Department of Applied and Experimental Linguistics,
Director of Institute for Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

Potapov V. V., Doctor of Science in Philology, Senior Researcher
of Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute for Applied
and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University,
Senior Research Officer of the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volikpotapov@gmail.com

Dzhunkovskiy A. V., Education and Methodology Specialist,
Postgraduate Student of the Department of Applied and Experimental Linguistics
of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University; e-mail: Vetinari01@gmail.com

**THE EXPERIENCE OF FORMATION
AND DEEP ANNOTATION OF A POLYCODE MULTIMODAL RUSSIAN
INTERNET SOCIAL NETWORKS MESSAGE CORPORA**

This research deals with description and analysis of the experience of forming and applying the deep parametric annotation method to a polycode data corpora based on Russian language social network discourse in the Internet. The fundamental interdisciplinary research adheres to research of multimodal polycode social network corpora. Within the research, close attention is paid to the transformation of psychophysiological and cognitive personality traits of youth Internet users. Moreover, a new method of formation and deep annotation of corpora items is created and used in order to accomplish the main goals of the research. A new deep parametric annotation method that satisfies the requirements of a comprehensive approach towards polycode information components based on semantic branching of corpora item criteria is proposed.

Key words: database; polycodeness; multimodality; deep parametric annotation method.

Введение

В рамках работы над проектом был предложен и разработан новый метод формирования и глубинного аннотирования поликодового социально-сетевого дискурса на русском языке в сети Интернет [Потапова, Потапов 2019].

Предложенный метод нашел отражение в объемном исследовании алгоритмов восприятия (т. е. мультимодальности) относительно корпуса данных Интернета в поликодовом варианте.

Предварительное создание соответствующей методики способствовало оптимизации исследования и сведению к минимуму возможных расхождений в мультимодальном восприятии контента, который был включен в корпус данных. Методика была разработана с учетом концепции, отраженной в последних исследованиях в области корпусной лингвистики [Потапова, Потапов 2019; Потапова 2009; Потапова 2014; Потапова 2017; Викторов, Викторова, Воронцова и др. 2017; Potapova, Bobrov 2015; Potapova, Potapov, Bazhenova 2015; Potapova, Potapov 2017].

Реализации поставленных задач способствовало также формирование специального поликодового корпуса социально-сетевого дискурса в Интернете и глубинный анализ составляющих этого корпуса.

Обсуждение материала исследования

Использование современных облачных технологий при решении задачи исследования

При формировании корпуса данных поликодового характера на русском языке в социальных сетях Интернет было принято решение об использовании облачных технологий для синхронизации и централизации усилий ее составителей. В частности, использовались ресурсы Google Drive для сохранения анализируемого материала и ресурсы Google Docs для создания таблицы анализа и аннотирования собранных материалов.

С целью предотвращения утери базы данных, хранимой в облаке, ее файлы с периодичностью в две недели дублируются всеми участниками проекта, ответственными за ее формирование. Это позволяет достичь двух целей: обеспечить рудиментарную систему контроля версий базы данных, а также обезопасить работу участников проекта от возможных технических ошибок и потери доступа к серверам Google.

Методика формирования корпуса данных

Основная задача по формированию корпуса данных содержит три основных пункта:

- описание методики формирования единиц корпуса;

- описание процедуры предварительной обработки отобранных единиц корпуса;
- процесс обработки отобранных данных.

Критерии отбора материала включают следующие требования:

- Фрагменты социально-сетевого дискурса (ССД – по Р.К.Потаповой) должны быть на русском языке. При этом в отобранных фрагментах ССД допускается наличие иностранных слов и фраз.
- Фрагменты ССД должны быть в открытом доступе в ресурсах сети Интернет (социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Одноклассники», «LinkedIn» и т. д., а также персональные блоги, микроблоги, видеоблоги, серии подкастов).
- Фрагменты ССД должны обладать свойством поликодовости (содержат одновременно текст, изображения (графики, рисунки, презентации, мемы), звуковые файлы, видеоряд) и мультимодальности перцептивного ряда (видео- и аудиоинтерпретации).

Поясним, что фрагменты не обязательно должны находиться в российском сегменте сети Интернет. Допускается отбор фрагментов ССД в зарубежных сегментах социальных сетей в том случае, если эти фрагменты ССД выполнены на русском языке.

Другим важным уточнением является то, что фрагменты ССД должны быть доступны в публичных группах социальных сетей, на страницах пользователей, видеохостингах, в блогах. Те же материалы, которые находятся в социальных сетях, но не опубликованы, в процессе создания мультимодальной поликодовой базы данных не использовались.

Процедура предобработки материала подразумевает сохранение всех данных, т. е. текстов, видеофайлов, изображений, аудиозаписей и сохранение в облачном хранилище Google Drive.

В ходе предобработки материала при его сохранении использовалась файловая структура облачного хранилища Google Drive, структурированная следующим образом: Общая папка → Интернет-ресурс → папка для данного образца вхождения в базу данных. При этом каждому вхождению присваивался уникальный код-идентификатор.

На этапе обработки данных проводилось глубинное аннотирование отобранного материала в облачной таблице с учетом составляющих метода, предложенного в [Потапова, Потапов, 2019]. Приведем легенду таблицы.

Метаданные

1. **Фрагмент** – код, присвоенный материалу в ходе этапа предобработки (фамилия + порядковый номер записи).
2. **Ресурс** – название социальной сети, блога или видеохостинга.
3. **Автор публикации** – название группы или имя автора.
4. **Тип материала** – от индивидуального пользователя или группы. Блоги относятся к группам.
5. **Дата публикации** – в формате ДД / ММ / ГГГГ.
6. **Пол автора** – если сообщение от группы (но не блога) – прочерк.
7. **Возраст автора** – если сообщение от группы (но не блога) – прочерк.
8. **Местоположение автора** – страна и город публикации (если доступно).
9. **Количество подписчиков / друзей автора** – общее число охватываемой аудитории.
10. **Количество просмотров, лайков, репостов (статистика публикации)** – все виды одобрения (но не комментарии) отмечаются отдельно через запятую. Допустимы сокращения.
11. **Является ли русский язык родным для автора публикации?** Да/нет.
12. **Количество комментариев** – если есть.

Параметры оценки

13. **Виды поликодовости**
 - Текст + изображение
 - Мем
 - Текст / изображение + аудио
 - Видео
14. **Поликодовые сигналы (для аудио или видео)**
 - Мимика (глаза, брови, губы)
 - Жестика (активная, средняя, пассивная, отсутствие)
 - Проксемика (близкая, средняя, отдаленная)
 - Посторонние шумы

15. **Длительность проигрывания** (для аудио или видео)
16. **Гендерный состав (мужчины, женщины, дети)** – кто присутствует на фото / видео?
17. **Вид коммуникации**
 - Монолог
 - Диалог
 - Трилог
 - Полилог
18. **Число коммуникантов**
19. **Возраст коммуникантов**
20. **Ситуация общения**
 - Митинг
 - Дискуссия
 - Собрание
 - Торжество
 - Межличностный конфликт
 - и т. д.
21. **Эмоционально-модальное состояние коммуникантов**
 - Возбужденность, приподнятость настроения
 - Равнодушие
 - Агрессия
 - Возможные психологические отклонения
22. **Дефекты речи (заикание, картавость, неразборчивость речи)**
23. **Социальный статус коммуникантов: в каких отношениях находятся коммуниканты?**
 - С учетом социального положения (вышестоящий – нижестоящий, одна социальная группа)
 - По гендеру (однородные – разнородные)
 - По этносу (однородные – разнородные)
 - По экономическому статусу (равные – неравные)
24. **Преобладание одного из видов поликодовой коммуникации** (вербалика, паравербалика, невербалика, экстравербалика (по Р. К. Потаповой))
25. **Тема фрагмента**
 - Политика
 - Технологии

- Личная жизнь
 - Красота
 - Деловая сфера
 - Развлекательная сфера
 - Экономика
 - Конфессиональная ситуация
 - Образование
 - Военно-стратегическое направление
 - Дипломатическая сфера
 - Здоровье
 - Экология
 - и т. д.
- 26. Адресованность фрагмента** (адресный / неадресный)
- 27. Качество речи** (подготовленная / неподготовленная / квази-подготовленная)
- 28. Наличие иностранных включений** – да / нет, с какого языка.
- 29. Интертекстуальность** – наличие ссылок, цитат (но не гипер-ссылок).
- 30. Тональность / эмоциональность** – есть ли эмоциональная составляющая, положительная она или отрицательная, сильная или слабая
- 31. Темпоральность** – сообщение относится к прошлому, настоящему или будущему?
- 32. Психофизиологическое состояние**
- Утомление
 - Бодрость
 - Сонливость
 - Возбуждение
 - Покой
 - Стресс
 - Напряженность
 - и т. д.

Дополнительно

Ссылка на папку в облачном хранилище Google Drive – ссылка на папку, содержащую все материалы, полученные на фазе предварительной подготовки.

Составитель аннотации БД – фамилия человека, внесшего запись в базу данных.

Опыт коррекции данных сформированного корпуса

После подбора материала для формирования корпуса каждые две недели проводится повторный анализ вхождений за названный период. При этом из базы данных удаляются вхождения, не соответствующие критериям качества или целям настоящего исследования. Такой подход позволяет добиться максимально высокого качества результирующей выборки. На настоящий момент база данных содержит более тысячи мультимодальных поликодовых аннотированных вхождений.

Заключение

Проводимая работа по формированию корпуса поликодовых фрагментов ССД выполняется в соответствии с глубинным методом аннотирования Р. К. Потаповой, В. В. Потапова, включающим принцип построения системы ветвления по аналогии с разновидностями лексико-семантической сети (см. рис. 1).

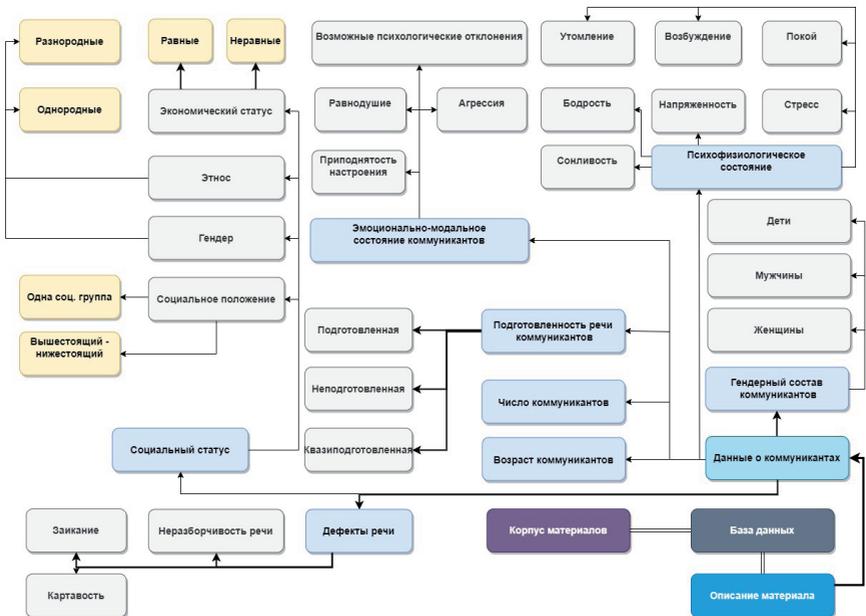
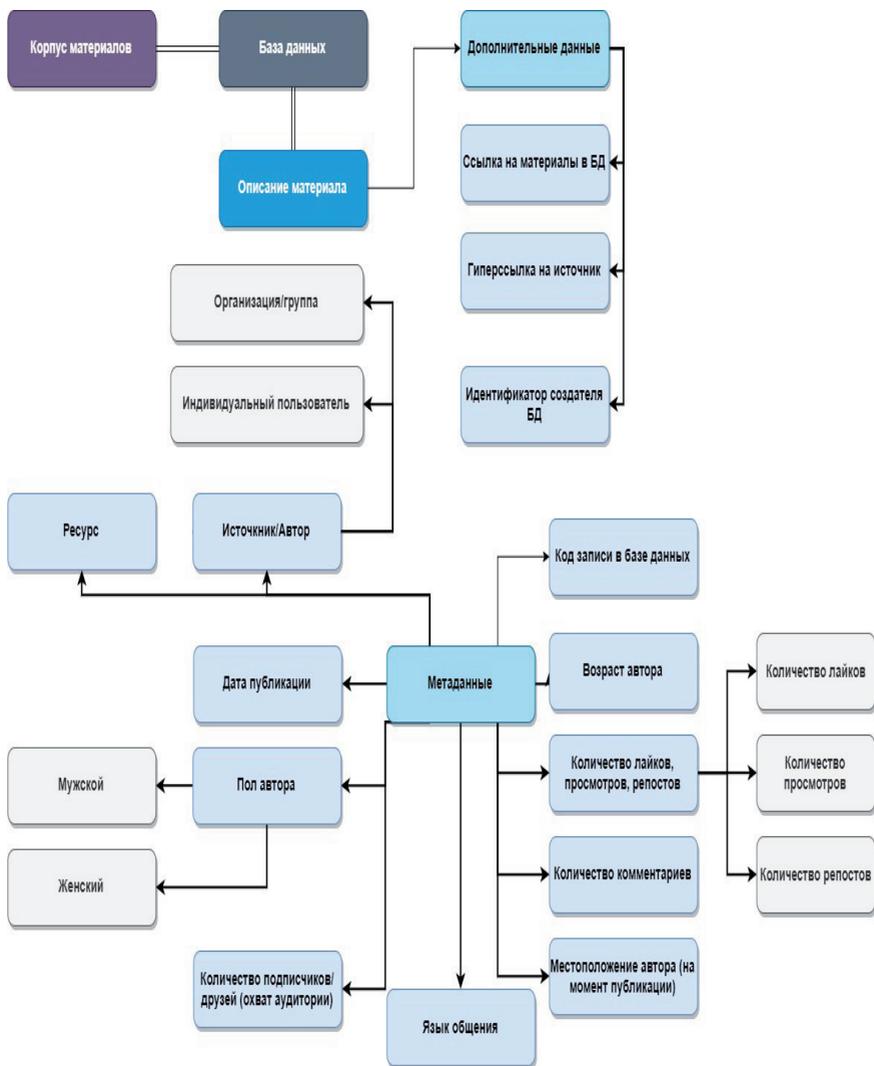
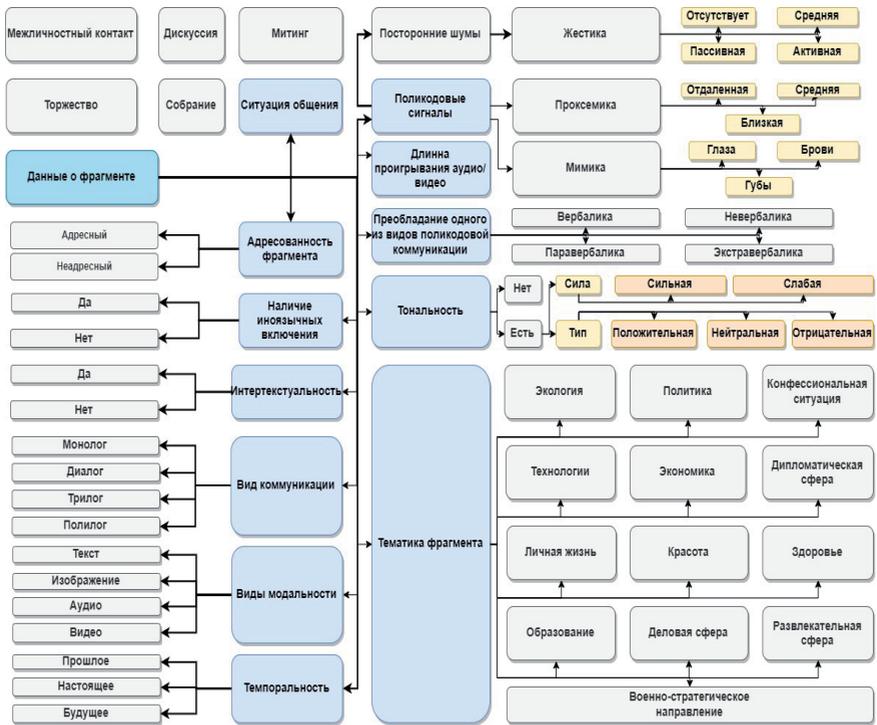

Рис. 1. Метаданные и дополнительные данные метода глубинного аннотирования

Продолжение рис. 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викторов А. Б. [и др.]. Речевые базы данных для задач автоматического распознавания речи и верификации говорящего / А. Б. Викторов, К. О. Викторова, А. В. Воронцова // Современные речевые технологии : сб. тр. IX Сессии Российского акустического общества. М. : Геос, 1999. С. 87–111.
- Потапова Р. К. Депривация как базовый механизм вербального и паравербального поведения человека (на материале социально-сетевой коммуникации) // Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р. К. Потапова. М. : Леланд, 2017. С. 17–36.
- Потапова Р. К. Основные тенденции развития многоязычной корпусной лингвистики (часть вторая) // Речевые технологии. 2009. № 3. С. 93–112.
- Потапова Р. К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы : материалы Второй междунар. науч. конф. «Дискурс

как социально-сетевая деятельность», Москва 16–17 октября 2014. М. : МГЛУ, Т. 1. С. 20–22.

Potapova P. K., Potapov V. B. О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса : материалы VI Междунар. конгр. исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.

Potapova R., Bobrov N. Versatile linguistic database annotation: practical issues and a new flexible approach // N. Fakotakis, A. Ronzhin, R. Potapova (eds.). Proc. of the 17th Intern. conference “Speech and Computer 2015” (Athens, Greece September 20–24 2015). University of Patras. Vol. II. P. 41–53.

Potapova R., Potapov V. Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach) // A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas (eds.). SPECOM 2017. LNAI. Cham : Springer, 2017. Vol. 10458. P. 407–416.

Potapova R., Potapov V. Polybasic attribution of social network discourse // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds.). SPECOM 2016. LNCS. Heidelberg : Springer, 2016. Vol. 9811. P. 539–546.

Potapova R., Potapov V., Bazhenova I. Development of the research cloud technology stand-alone system (regarding integrated speech databases) // N. Fakotakis, A. Ronzhin, R. Potapova (eds.) Proc. of the 17th Intern. conference “Speech and Computer 2015” (Athens, Greece September 20–24 2015). University of Patras. Vol. II. P. 1–7.

REFERENCES

Viktorov A. B. [i dr.]. Rechevye bazy dannyh dlja zadach avtomaticheskogo raspoznavanija rechi i verifikacii govorjashhego / A. B. Viktorov, K. O. Viktorova, A. V. Voroncova // *Sovremennye rechevye tehnologii*: sb. tr. IX sessii Rossijskogo akusticheskogo obshhestva. М. : Geos, 1999. S. 87–111.

Potapova R. K. Deprivacija kak bazovyj mehanizm verbal'nogo i paraverbal'nogo povedenija cheloveka (na materiale social'no-setevoj kommunikacii) // *Rechevaja kommunikacija v informacionnom prostranstve* / otv. red. R. K. Potapova. М. : Leland, 2017. S. 17–36.

Potapova R. K. Osnovnye tendencii razvitija mnogojazychnoj korpusnoj lingvistiki (chast' vtoraja) // *Rechevye tehnologii*. 2009. № 3. S. 93–112.

Potapova R. K. Social'no-setevoj diskurs kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija // *Diskurs kak social'naja dejatel'nost'*: priority i perspektivy: materialy Vtoroj mezhdunar. nauch. konf. «Diskurs kak social'no-setevaja dejatel'nost'», Москва 16–17 oktjabrja 2014. М. : MGLU, Т. 1. S. 20–22.

- Potapova R. K., Potapov V. V.* O glubinno-parametricheskom metode annotirovaniya dlja bazy dannyh russkojazychnogo polikodovogo social'no-setevogo diskursa: materialy VI Mezhdunar. kongr. issledovatelej russkogo jazyka «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2019. 224 s.
- Potapova R., Bobrov N.* Versatile linguistic database annotation: practical issues and a new flexible approach // N. Fakotakis, A. Ronzhin, R. Potapova (eds.) Proc. of the 17th Intern. conference “Speech and Computer 2015” (Athens, Greece September 20–24 2015). University of Patras. Vol. II. P. 41–53.
- Potapova R., Potapov V.* Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach) // A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas (eds.). SPECOM 2017. LNAI. Cham : Springer, 2017. Vol. 10458. P. 407–416.
- Potapova R., Potapov V.* Polybasic attribution of social network discourse // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds.) SPECOM 2016. LNCS. Heidelberg : Springer, 2016. Vol. 9811. P. 539–546.
- Potapova R., Potapov V., Bazhenova I.* Development of the research cloud technology stand-alone system (regarding integrated speech databases) // N. Fakotakis, A. Ronzhin, R. Potapova (eds.). Proc. of the 17th Intern. conference “Speech and Computer 2015” (Athens, Greece September 20–24 2015). University of Patras. Vol. II. P. 1–7.

УДК 81'322.2

О. В. Лыкова

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков НИЯУ МИФИ;
e-mail: ovlykova@mephi.ru

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ МАРКЕРОВ НЕИСКРЕННОСТИ В ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

В данной статье рассматривается проблема автоматического определения основных маркеров неискренности в письменных и устных транскрибированных текстах. Для решения данной задачи были использованы различные методы машинного обучения (обучающие деревья, наивный байес, сверточные нейронные сети). Исследование позволило выделить ряд категорий, характерных для высказываний, которые содержат фактор неискренности.

Ключевые слова: ложь; неискренность; обман; машинное обучение; нейронные сети.

О. Лыкова

Postgraduate student at the Department of Applied and Experimental Linguistics of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics; Moscow State Linguistic University; Senior Lecturer at National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute);
e-mail: ovlykova@mephi.ru

AUTOMATIC DETECTION OF THE MAIN MARKERS OF INSINCERITY IN TEXTS

The article considers automatic detection of the main markers of insincerity in written and transcribed texts. To solve this problem, various machine learning methods were used (learning trees, naive bayes, convolutional neural networks). The study revealed a number of categories that contain the factor of insincerity.

Key words: lie; deception; insincerity; lie detection; deception detection; neural networks; machine learning.

Введение

Задачей автоматического распознавания лжи исследователи начали заниматься с начала XX в. Изначально исследователи концентрировали свое внимание на полиграфах, которые учитывали различные физиологические характеристики [Krapohl, Shaw 2015]. Однако с развитием технологий, исследователи смогли перейти к статистическому анализу текстового содержания текстов. В контексте машинного

обучения распознавание неискренности может рассматриваться как еще одна задача классификации текстов или анализа тональности – на вход модели подается определенный текстовый фрагмент (бинарно закодированные буквы, слова или их последовательности (n-граммы, биграммы) [Pang, Lee 2008]) или выделенные из него характеристики (частоты слов, наличие тех или иных знаков препинания т. д.), на выход – метка, соответствующая классу (правда/ложь). Модель на основе аннотированных экспертами данных в процессе обучения должна найти скрытые коэффициенты, которые будут наилучшим образом описывать данные и метки классов [Krizhevsky, Sutskever, Hinton 2012].

Исследователи уже применяли нейронные сети для решения задачи определения лжи в высказываниях. Так, международная группа исследователей из Мексики, США и Сингапура провела исследование на основе видеозаписей судебных заседаний, которые были заранее транскрибированы и проаннотированы на момент лживости высказываний [A Deep Learning Approach for Multimodal Deception Detection 2018]. Авторы натренировали четыре нейронных сети. Каждая нейронная модель получала на входе свою группу признаков. Затем эти нейронные сети объединялись и обучались улучшать предсказания.

Использовались четыре группы признаков (для каждой обучалась своя нейронная сеть):

1. На видеоданных была обучена 3D-сверточная сеть (использовалось несколько кадров одновременно).
2. На текстовых данных из субтитров слова были преобразованы в векторный вид с помощью предварительно обученной Word2Vec-модели, которые подавались на вход сверточному слою.
3. Звуковые данные были преобразованы с помощью программы OpenSMILE, которая выделяет данные об эмоциональном состоянии говорящего, о его поле, возрасте, психофизиологическом состоянии. На основе данных выделенных признаков обучался многослойный перцептрон.
4. Авторы вручную выделили 39 выражений лица (улыбка, поднятие бровей и т. д.). Данные признаки подавались в векторном виде на вход многослойного перцептрона.

Из отдельных моделей наилучший результат показали нейронные сети на основе видео- и текстовых признаков (95.96 и 94.55 по

метрике AUC). Объединенные результаты показали результат в 97.99 по метрике AUC. Однако аудиосигнал дает результат лишь в 0.5231.

Отечественные исследователи уже демонстрировали пример использования нейронных сетей в полиграфе [Ясницкий, Петров, Сичинава 2010]. В работе этих исследователей использовался многослойный перцептрон и только заранее выделенные признаки. В статье авторы привели обзор существующих работ по распознаванию лжи с помощью методов машинного обучения [Величко, Будков, Карпов 2017]. Одна из рассмотренных работ использовала неглубокие нейронные сети и ранжированную нейронную сеть, обучавшихся на наборе данных, состоящем из набора признаков, предоставленных организаторами. Однако следует отметить, что в данном конкурсе Computational Paralinguistics Challenge (ComParE) также использовались признаки, выделенные с помощью программного пакета OpenSMILE.

Данная работа посвящена проблеме определения маркеров неискренности в письменных текстах. Письменные тексты могут быть как транскрибированными аудиозаписями, так и изначально письменным текстами различных жанров. Анализ лжи в письменных текстах является важной задачей, например, в контексте деловой переписки [Pang, Lee 2008]. Кроме того, анализ транскрибированной речи позволяет сконцентрироваться на семантической информации, содержащейся в сообщении. В данной работе использованы различные методы машинного обучения, в том числе сверточные нейронные сети из-за простоты их работы и визуализации. Кроме того, проводится сравнительный анализ точности данного алгоритма с другими методами машинного обучения.

Материалы и методы

Метод, примененный в данной статье, заключается в классификации текстов по категориям правда/ложь на основе аннотированных данных. После этого проводился анализ весовых коэффициентов моделей машинного обучения для определения слов, наиболее характерных для сообщений с признаками лжи. Для отбора весовых коэффициентов отбирались лишь те модели, которые показали точность > 60 % на тестовой выборке.

В качестве тренировочных и тестовых данных использовались три набора данных, опубликованных в открытом доступе

исследователями из университета Мичигана [Scikit-learn: Machine learning in Python 2015; Verbal and nonverbal clues for real-life deception detection 2015;]. Первый набор данных представляет собой набор аннотированных и транскрибированных судебных высказываний. Тексты содержат в символьном виде парадигматические индикаторы (вздохи, паузы хезитации). Второй набор содержит короткие правдивые и неискренние мнения на остросоциальные темы (смертная казнь, аборты, лучшие друзья). Третий набор данных включает в себя факты различного характера (как личного – «я не умею плавать», так и фактологического характера – «в Канаде разрешается водить автомобиль с 18 лет»), т.е. многие фактов сложно проверить на достоверность. Все тексты были на английском языке (носители из США, Индии, Канады и Австралии). Соотношение лживых по отношению к правдивым сообщениям равно 0.5 для всех категорий.

В качестве одного из классификаторов использовалась сверточная нейронная сеть [Kim 2014], где на вход подаются слова сообщения $\{x_1, \dots, x_n\}$, закодированные в векторном виде (использовалась предобученная на Google-news Word2Vec модель [Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space 2013]). Слова обрабатываются фильтрами $w \in R^{hk}$ разных размеров (2–5 слов в нашем случае), получившиеся признаки передаются на следующий полносвязный слой нейронной сети. На выходе модели предсказывается метка класса (правда – ложь). Результаты работы нейронной сети не использовались для извлечения ключевых слов из-за сложности интерпретирования весовых коэффициентов модели.

Также в качестве альтернативного алгоритма классификации использовался наивный байесовский классификатор [Metsis, Androutsopoulos, Paliouras 2006].

$$P(y | x_1, \dots, x_n) = \frac{P(y) P(x_1, \dots, x_n | y)}{P(x_1, \dots, x_n)}$$

где $x_i = 1$, если слово с индексом i входит в данный текст, и 0 в обратном случае, y – метка класса.

$$\hat{y} = \arg \max_y P(y) \prod_{i=1}^n P(x_i | y)$$

используются оценки апостериорного максимума для вычисления вероятности лживости высказывания на основании, входящих в текст слов. Использовалась реализация алгоритма из библиотеки *scikit-learn* [*Scikit-learn: Machine learning in Python 2011*] (scikit-learn.org/stable/modules/naive_bayes.html).

Кроме того, в данной работе использовался алгоритм *random forest* – случайный лес, усредняющий результаты ансамбля решающих деревьев на подвыборках из общего набора данных [Liaw, Wiener 2002]. Также использовался вариант алгоритма из библиотеки *scikit-learn*.

Кроме того использовался метод *k-ближайших соседей*, однако поскольку этот алгоритм не имеет весовых параметров, то его результаты не использовались для выделения характерных слов для сообщений с признаками лжи.

Результаты

Как видно из таблицы 1 (с. 151), точность алгоритмов сильно зависит от доменной направленности текстов. Так, даже в рамках одного датасета «Мнения по социальным вопросам» модели не смогли найти надежные признаки для оценки мнений по вопросам смертной казни из-за схожести использованного вокабуляра в правдивых и неискренних сообщениях.

На основе данных моделей были отобраны наиболее значительные признаки, характерные для сообщений с признаками неискренности. Признаки отбирались, если хотя бы две модели с точностью выше 60 % содержали данное слово-признак. Наборов данных, удовлетворяющих этому критерию, всего два (судебные слушания и мнения по социальным вопросам: лучшие друзья; достаточная точность на общем наборе данных: Мнения по социальным вопросам обусловлены сравнительно высокой точностью алгоритмов для текстов о друзьях). Низкая точность моделей обуславливается малым количеством примеров в наборах данных (например, всего 122 коротких сообщения из набора судебных слушаний; правдивые и лживые факты очень сложны для классификации даже человеком только на основе текстовых данных и при отсутствии контекста (например, типичное для данного набора сообщение «У меня нет водительских прав» сложно корректно классифицировать)).

Таблица 1

Точность алгоритмов классификации

Набор данных	Random forest	Наивный байес с распределением Бернулли	Наивный байес с мультиномиальным распределением	К-ближайших соседей	Сверточная нейронная сеть
Судебные слушания	0.54	0.6	0.64	0.72	0.62
Правдивые и лживые факты	0.55	0.58	0.56	0.51	0.55
Мнения по социальным вопросам	0.62	0.61	0.64	0.57	0.52
Мнения по социальным вопросам: аборт	0.54	0.54	0.49	0.46	0.5
Мнения по социальным вопросам: смертная казнь	0.48	0.58	0.56	0.5	0.5
Мнения по социальным вопросам: лучшие друзья	0.76	0.73	0.74	0.69	0.63

Списки ключевых слов по наборам данных (n=10)

Судебные слушания	Мнения по социальным вопросам: лучшие друзья
get	like
would	good
time	best
um	we
well	never
like	friend
know	person
going	always
could	she
never	he

Как видно из приведенных списков, ключевые слова можно разделить на несколько ключевых категорий: паузы хезитации (*um, well*), модальные глаголы (*going, could, know would*), временные показатели (*time, never, always*), переходные глаголы (*get, know*), личные местоимения (*he, she*). Для судебных заседаний характерны модальные глаголы, паузы хезитации, временные показатели и переходные глаголы, а для мнений по личным вопросам личные местоимения и качественные прилагательные.

Заключение

Современные методы машинного обучения могут быть использованы даже в случаях крайне низкого количества данных для анализа ряда явлений, на основе лишь категориальных признаков. Несмотря на низкую точность моделей, они успешно выделяют ряд признаков, которые позволяют классифицировать сообщения с точностью выше случайной. Это позволяет выявлять характерные признаки того или иного состояния. Данные признаки могут в ряде случаев являться существенными только из-за низкой адекватности модели действительности, однако использование каскадов слабых моделей и извлечение общих для них существенных признаков позволяет избежать этой проблемы.

Данное исследование позволило определить, что для неискренних высказываний во время судебных заседаний характерны модальные глаголы, паузы хезитации, временные показатели и переходные глаголы, а для мнений по личным вопросам личные местоимения и качественные прилагательные. Полученные данные позволяют судить о самых распространенных вербальных и паравербальных индикаторах неискренности в различных социальных контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Величко А. Н., Будков В. Ю., Карнов А. А.* Аналитический обзор компьютерных паралингвистических систем для автоматического распознавания лжи в речи человека // Информационно-управляющие системы. 2017. Т. 5. № 90. С. 30–41.
- Ясницкий Л. Н., Петров А. М., Сичинава З. И.* Сравнительный анализ алгоритмов нейросетевого детектирования лжи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. 2010. С. 64–72.
- Kim Y.* Convolutional neural networks for sentence classification. arXiv preprint arXiv : 1408.5882. 2014 Aug 25.
- Krapohl D., Shaw P.* Fundamentals of polygraph practice. Academic Press. 2015. 364 p.
- A Deep Learning Approach for Multimodal Deception Detection / G. Krishnamurthy, Majumder N., Poria S., Cambria E. arXiv:1803.00344. 2018. P. 84–90. 2018. P. 84–90.
- Krizhevsky A., Sutskever I., Hinton G. E.* ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks // Adv. Neural Inf. Process. Syst. 2012. P. 1–9.
- Liaw A., Wiener M.* Classification and regression by randomForest // R news. 2002. Dec 3; # 2(3). P. 18–22.
- Metsis V, Androutsopoulos I, Paliouras G.* Spam filtering with naive bayes-which naive bayes? // CEAS. 2006 Jul 27. Vol. 17. P. 28–69.
- Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space / T. Mikolov, K. Chen, G. Corrado, J. Dean // Proceedings of Workshop at ICLR. 2013. P. 1–12.
- Pang B., Lee L.* Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends® in Information Retrieval. 2008. Т. 2. №. 1–2. P. 1–135.
- Scikit-learn: Machine learning in Python / F. Pedregosa, G. Varoquaux, A. Gramfort [et al.] // Journal of machine learning research. 2011. # 12(Oct). P. 2825–30.
- Verbal and nonverbal clues for real-life deception detection / V. Pérez-Rosas, M. Abouelenien, R. Mihalcea [et al.] // Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2015. P. 2336–2346.

Deception detection using real-life trial data / V. Pérez-Rosas, M. Abouelenien, R. Mihalcea, M. Burzo // Proceedings of the 2015 ACM on International Conference on Multimodal Interaction. 2015. Nov 9. P. 59–66. ACM.

REFERENCES

- Velichko A.N., Budkov V.Ju., Karpov A.A.* Analiticheskij obzor komp'juternyh paralingvistichestkih sistem dlja avtomaticheskogo raspoznavanija lzhi v rechi cheloveka // Informacionno-upravljajushhie sistemy. 2017. T. 5. № 90. S. 30–41.
- Jasnickij L.N., Petrov A.M., Sichinava Z.I.* Sravnitel'nyj analiz algoritmov nejrosetevogo detektirovanija lzhi // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Tehniceskie nauki. 2010. S. 64–72.
- Kim Y.* Convolutional neural networks for sentence classification. arXiv preprint arXiv : 1408.5882. 2014 Aug 25.
- Krapohl D., Shaw P.* Fundamentals of polygraph practice. Academic Press. 2015. 364 p.
- A Deep Learning Approach for Multimodal Deception Detection / G. Krishnamurthy, N. Majumder, S. Poria, E. Cambria. arXiv:1803.00344. 2018. P. 84–90.
- Krizhevsky A., Sutskever I., Hinton G.E.* ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks // Adv. Neural Inf. Process. Syst. 2012. P. 1–9.
- Liaw A., Wiener M.* Classification and regression by randomForest // R news. 2002. Dec 3; # 2(3). P. 18–22.
- Metsis V., Androutsopoulos I., Paliouras G.* Spam filtering with naive bayes-which naive bayes? // CEAS. 2006 Jul 27. Vol. 17. P. 28–69.
- Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space / T. Mikolov, K. Chen, G. Corrado, J. Dean // Proceedings of Workshop at ICLR. 2013. P. 1–12.
- Pang B., Lee L.* Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends® in Information Retrieval. 2008. T. 2. №. 1–2. P. 1–135.
- Scikit-learn: Machine learning in Python / F. Pedregosa, G. Varoquaux, A. Gramfort [et al.] // Journal of machine learning research. 2011. # 12(Oct). P. 2825–30.
- Verbal and nonverbal clues for real-life deception detection / V. Pérez-Rosas, M. Abouelenien, R. Mihalcea [et al.] // Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2015. P. 2336–2346.
- Deception detection using real-life trial data / V. Pérez-Rosas, M. Abouelenien, R. Mihalcea, M. Burzo // Proceedings of the 2015 ACM on International Conference on Multimodal Interaction. 2015. Nov 9. P. 59–66. ACM.

УДК 81'33

А. В. Джунковский

специалист по УМР, аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: Vetinari01@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ СТЕГАНОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Статья посвящена анализу перспектив использования современных технологий виртуальной реальности в контексте разработки стеганографических методов лингвистической защиты информации. В последние десятилетия технологии виртуальной реальности значительно эволюционировали. Популяризация данной технологии с последующим выходом на массовый рынок привела к увеличению технической сложности программно-аппаратных элементов виртуальной реальности. В данном контексте становится возможным рассмотрение перспектив сокрытия смысловой информации в пространствах виртуальной реальности в рамках стеганографического подхода. В работе анализируются особенности современных технологий виртуальной реальности, а также сложности, сопряженные с их использованием в рамках стеганографии и стеганоанализа.

Ключевые слова: стеганография; стеганоанализ; технологии виртуальной реальности; Oculus Rift; «симуляторная болезнь».

A.V. Dzhunkovskiy

Education and Methodology Specialist, Postgraduate Student
of the Department of Applied and Experimental Linguistics of the Institute
of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Vetinari01@gmail.com

PROSPECTS OF USING VR TECHNOLOGIES AS A STEGANOGRAPHY MEDIUM

The present paper is devoted to the analysis of prospects of using modern VR technologies in the context of developing steganographic means of linguistic information protection. In the last decades, VR technologies have undergone rapid evolution. The popularization of these technologies in conjunction with rapidly growing sales have prompted steady growth of both software and hardware complexity of VR technologies. This makes it possible to conduct analysis of prospects of using virtual reality as a medium for the use of steganographic means of linguistic information protection. In this paper we consider the peculiarities of modern VR technologies and the difficulties associated with their use both in steganography and steganalysis.

Key words: steganography; steganalysis; VR technologies; Oculus Rift; VR-sickness.

I. INTRODUCTION

In the modern world, steganography is rapidly gaining importance alongside cryptography as a major branch of information protection in the digital age. This is correlated with the rise of demand on not only protecting sensitive information, but doing so in such manner that prevents detection of the very fact that any hidden information is being transferred [Encyclopedia 2014, p. 117–123].

One of the main advantages of using steganography as a means of information protection is that it is usually better protected against automatic and semi-automatic analysis. As such, a highly-trained human expert is required to counteract steganographic methods [Алферов и др. 2012]. In the best case scenarios, successful use of steganography would only allow said steganalysis expert to conclude that there is a probability of the text containing containers with hidden information.

Compared to cryptography, where in most cases the fact of encryption is evident, steganography provides solutions for the challenges of the modern world characterized by both mass surveillance and readily abusable cybersecurity vulnerabilities. Such a combination further raises the importance of developing scientific approaches to steganography.

Although steganography as a practical activity has existed since ancient times, only in the recent decades has the scientific method been applied to it for the first time. Since then, a somewhat sporadic, yet increasingly tentative interest towards the field has emerged in different parts of the world [Bennet 2013; Katzenbeisser 2000; Wayner 2005; Xiang, Sun, Luo 2014; Потапова 2010].

We have previously conducted work on synthesizing a classification of methods of visual steganalysis as well as of steganography methods aimed at preventing and counteracting visual attacks. The results of our research have allowed us to formulate a tri-stage steganalytical method, encompassing the meta-analysis stage in which text design and formatting is under analysis, the linguistic analysis proper stage, which deals with the analysis of linguistic features of the text, and the context and semantic analysis stage [Dzhunkovskiy 2018].

Nowadays, another phenomenon is quickly becoming a major part of IT, education and the entertainment industry: virtual reality. In this paper we analyze the prospects of using virtual reality as a steganographic medium.

II. RESEARCH

a. Background

Modern virtual reality technologies use head-mounted displays (HMD) often paired with motion controls with haptic feedback. The stereoscopic video feed for each eye is slightly angle-offset in the HMD, which creates the illusion of both immersion and of 3D perception.

There are 3 major classes of HMD technology available to consumers. The first class uses smartphones as displays and processing units. The smartphone is inserted into a special mask containing lenses that helps emulate 3D vision, whereas the gyroscopes inside the smartphones allow the user to alter the view by moving their head. This class of HMD VR technology is the most accessible and, at the same time, least immersive. Virtual reality demands very high processing power, ideally allowing for at least 45 frames per second refresh rates for each eye (90 frames per second total) in order to provide a stable experience. Even the highest tier smartphones are not possessed of enough computational power or battery life to power anything but the most rudimentary VR applications. This class includes such products as Samsung Gear VR, Google Daydream View, Google Cardboard, Merge VR Goggles and a number of others. While this class of devices requires a high-end smartphone to function, the prices of HMDs themselves can be as low as 15 USD for the Google Cardboard (price relevant for April, 2019), making them financially accessible.

The second class of HMDs is standalone VR headsets. This class is characterized by only requiring the HMD and the provided motion controls to function. The processing of the image is done internally within the HMD and the only requirement is a power source. This class is relatively novel and includes such products as Oculus Go, HTC Vive Focus and Lenovo Mirage Solo, but a number of new products, such as Oculus Quest, is being developed and is scheduled for released in 2019.

Finally, the most performance-heavy and demanding class, both hardware-wise, setup-wise and financially, is the class of tethered HMDs. These devices require to be connected to a high-end PC and additionally require the setup of an array of sensors around the desired VR space for 360 degrees motion tracking. The aforementioned sensors track both the HMD itself and the provided wireless motion controllers used in each hand. These devices also either support or include headphones and microphones

for audio feed, further improving immersion. This class of devices includes Oculus Rift, HTC Vive (and the HTC Vive Pro variation) and various Windows Mixed Reality (WMR) devices, the most prominent of which are Samsung HMD Odyssey and Lenovo Explorer. While these devices use different software platforms, every device can use any application originally developed for any other HMD of this class.

The emulated virtual scape depends on the application being used, with more and more of them supporting multi-user interaction, such as the VRChat and Rec Room applications allowing users to interact via voice over IP (VoIP) while simultaneously engaging in various forms of entertainment (e.g. playing a match of virtual tennis or visiting a gallery). These applications also support full creative freedom for the users, allowing them to model their own worlds and design their own activities within the overarching meta-world. The aforementioned applications are support by all devices in the “tethered” category.

b. Methods and Research Equipment

In order to conceptualize and analyze the prospects of using VR technologies as a steganographic medium, we have extensively tested HMDs first-hand.

The chosen HMD has been Oculus Rift CV1 (Consumer Version 1). The choice of this device was dictated by three main factors:

- I.** this device is in the “tethered” class, allowing access to the highest number of software applications and the highest quality of the VR simulation;
- II.** is the most lightweight of the devices of this class (450 grams), allowing for easier testing and less fatigue;
- III.** includes integrated headphones in the HMD, minimizing deviation between experiences of different users and aiding research result consistency.

As mentioned, the device requires a PC to be connected to as well as an array of motion sensors.

Oculus Rift CV1 can function with one, two or three Oculus Sensors, providing different experiences. A one-sensor setup is a legacy configuration that is capable of tracking the motions of the HMD itself, allowing the user to control the view in virtual reality with head movements.

The two-sensor setup allows for 180-degree tracking of both the HMD and two manual motions controllers with haptic feedback (Oculus Touch).

This setup is usable, yet creates a large motion control perception dead zone behind the user, potentially breaking immersion and creating application control issues.

Finally, the three-sensor setup with two sensors in front of the user at head height and one behind the user pointing down allows for the so-called “Roomscale VR”, allowing full 360-degree motion control tracking and the highest supported tracking quality. This has been the chosen sensor setup for this research (Fig. 1).

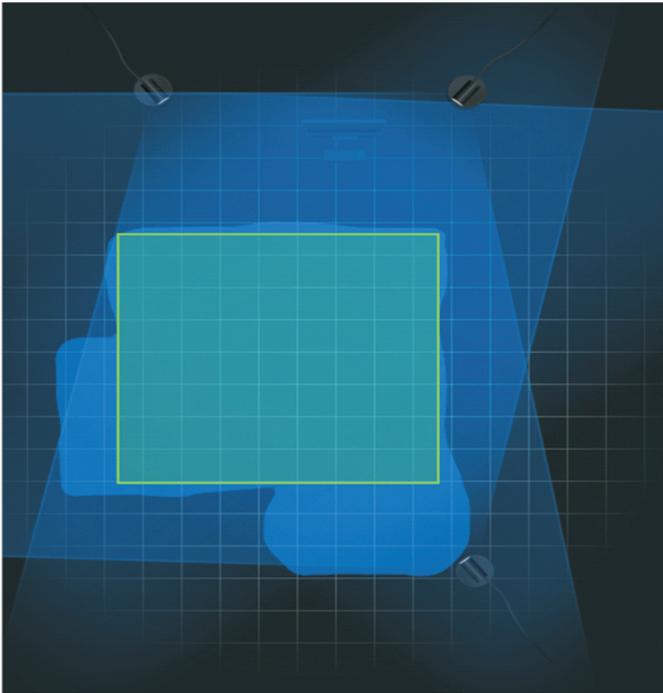

Fig. 1. Oculus Rift 360-degree 3-Sensor Research Setup

The image has been extracted from the provided official Oculus Rift CV1 configuration tool. The green rectangle area represents the recommended usage area (2x1,5 meters), the light-blue areas indicate available physical space and overlapping sensor fields of vision indicate the possible coverage and overlap. For the correct functioning of the 360-degree setup, each Oculus Touch motion controller and the HMD itself must be in view of two of the three sensors at all times.

The developer provides a list of both minimal and recommended PC specifications (Table 1).

Table 1

Oculus Rift CV 1 Specifications

	Minimum	Recommended	Used Research Setup
Graphics Card	NVIDIA GTX 1050Ti / AMD Radeon RX 470	NVIDIA GTX 1060 / AMD Radeon RX 480	NVIDIA GTX 1080 (Gigabyte Windforce, 8 GB GDDR5X VRAM)
Alternative Graphics Card	NVIDIA GTX 960 / AMD Radeon R9 290	NVIDIA GTX 970 / AMD Radeon R9 290	
CPU	Intel i3-6100 / AMD Ryzen 3 1200, FX4350	Intel i5-4590 / AMD Ryzen 5 1500X	Intel Core i7-4770K @ 3800 MHz
Memory	8GB+ RAM	8GB+ RAM	16GB (DDR3, 2x Kingston 99U5403-519.A00LF)
Video Output	Compatible HDMI 1.3 video output	Compatible HDMI 1.3 video output	HDMI-2.0b video output
USB Ports	1x USB 3.0 port + 2x USB 2.0 ports	3x USB 3.0 ports + 1x USB 2.0 port	4x USB 3.0 ports
OS	Windows 10	Windows 10	Windows 10 Ultimate x64

As shown in table 1, the research setup we used has exceeded the recommended PC specifications in every way. This was done intentionally in order to eliminate any chance of performance issues when testing any application in VR.

It must be noted that during the sensor setup process, the front sensors must be connected via USB 3.0 ports (connected to motherboard ports in our setup), whereas the third sensor is connected via USB 2.0 (connected via front USB 2.0 sockets with the use of a 4.8-meter USB 3.0 repeater extension cable manufactured by Monoprice). The use of a repeater (also called “active”) extension cable was important as active tracking devices require highest possible fidelity to maintain constant tracking. This setup minimizes the amount and the size of tracking dead spots. While a 4-sensor setup is possible, we have encountered no issues using a 3-sensor setup and have elected to conduct testing using the described setup.

While completing the setup, we have encountered an issue: it appears that the sensors, which are simple monochrome USB cameras in nature, can malfunction when the setup area is either too bright or has too many other devices creating electromagnetic interference. This interference does not seem to affect the functioning of the devices post-setup, but must be eliminated to calibrate the VR set for first-time use.

c. Results

While conducting the research, we have used Oculus Rift CV1 every day for three months for the duration of 20-40 minutes per day. When considering our experience in the context of using VR as a steganographic medium, we must address two major aspects: effects of VR technology on the human body and psyche and the perceived potency of the technology for the purposes of steganography.

The first issues to address is the effects of VR technology on the human body and psyche. The Oculus Rift Health and Safety Guide warns that the flashing lights and patterns may trigger seizures in some users. The device is not suitable for users under the age of 13 due to it being impossible to fit the helmet around small-sized heads. Furthermore, it is recommended to take 10-15-minute breaks every half an hour of use, even if no discomfort is felt. The Guide additionally mentions the possibility of a form of motion sickness to occur, which we will return to.

The first experience of using VR technology is rather pleasant. The fidelity of the graphical components and the depth created by stereoscopic vision is such that it creates suspension of disbelief. At the same time, it is important to note that the claims that it is possible to confuse VR environments and real world are unfounded. While the immersion is great, it is not great enough. The graphical components, while impressive, are unmistakably computer graphics and are somewhat pixelated even in the best simulations. Furthermore, the contemporary VR sets cannot emulate smell or taste.

At the same time, it is important to note how well the motion controls function. Using our three-sensor setup, we have never lost tracking of our handheld Oculus Touch controllers. Another impressive feature of these controllers is that they are capable of tracking and transferring gestures from the real world into the VR simulation. It is quite intuitive to point or produce a “thumbs-up” gesture and see it replicated perfectly in VR. The main form of using finger tracking technology within Oculus Touch,

however, is the “grab” mechanics, allowing users to pick up and use objects in VR with real-life grabbing motions.

With all these elements in mind, we feel compelled to describe the VR acclimatization process. While the first-time use (around 20 minutes) was pleasant and somewhat energizing, an attempt to reenter VR for the second time during the same day for another 20-minute session after one hour of rest resulted in, in order, a slight sensation of vertigo, a slight headache, finally followed by a debilitating headache and a feeling of motion sickness.

It appears that these negative effects have to do with two factors, causing each of the problems respectively. The headaches could have been potentially caused by a calibration error: while setting up the HMD, one must adjust the interpupillary distance (IPD) setting of the lenses. Medical research indicates that wrong IPD in people wearing glasses has been known to cause migraines and tension headaches [Drummond 1987]. We assume that a related phenomenon has occurred here. An error at this stage of the calibration has emulated the effect of wearing glasses with mismatched IPD. After recalibrating the IPD, the post-use headaches have ceased.

The second phenomenon is likely caused by the mismatch of the visual stimuli received by the eyes while wearing the HMD and the vestibular system input. In other words, the body does not feel the movement observed by the VR system user, creating a sensory conflict. This phenomenon, previously observed in pilots using flight simulators and named “simulator sickness”, is manifesting in VR technologies and has been called “VR-sickness” [Kemeny et al. 2017].

Having experienced the full extent of VR-sickness repeatedly, we can report that gradual moderate use of VR technologies allows the organism to acclimate to VR environments. One of the subjectively most effective remedies for this negative effect turned out to be ground ginger and ginger tea. We feel compelled to note that we have never experienced any other form of motion sickness prior to attempting to use VR. After two months of use, VR-sickness stopped occurring altogether.

The most disturbing cluster of side effects produced by the initial uses of VR include post-use perception alternations, effects on sleep, and in-VR graphical glitches we encountered. The post-use perception alterations lasted for mere days after first use and have not resurged at any point thereafter. They included two different phenomena.

The first phenomenon occurred in dim environments: when looking at one's hands, they appeared as their VR-environment simulated models. While this perception peculiarity occurred, we felt absolute certainty that we are, indeed, in the real world and not in the VR simulation as only the hands appeared slightly unreal.

The second phenomenon is likely connected with the mismatch between VR-spaces and the real space the user is in while using VR technology. For the period of at least three days after first using VR technology, while outside the VR, an anxiety of walking into invisible objects persisted. This is likely connected with the fact that it is very possible and at first even probable to forget the limitation of VR simulations and attempt to exit the area in real world which is not limited in the VR simulation, resulting in collisions with real world objects.

The sleep effects we mentioned included a significantly heightened rate of spontaneous lucid dreaming. While inside these lucid dreams, their themes and fabulae did not contain any elements connected to VR technology. It appears that being exposed to VR can stimulate lucid dreaming, but this requires additional research.

The in-VR graphical glitches mostly manifested in the software not being able to process the visual input fast enough, creating spontaneous cases of mismatch between visual feed and the position of the user. These glitches could manifest in either the VR world becoming frozen, or the horizon tilting, in some cases considerably. Both of these effects produce immediate feelings of nausea, but can largely be prevented by instantly closing your eyes when encountered. Notably, even considerably surpassing the recommended PC specifications and the effects of the Oculus Rift CV1 built-in failsafe "Asynchronous timewarp" and "Asynchronous spacewarp" technologies, designed to insert missing frames to produce a continuous image when the graphical processing unit is throttling, did not prevent us from experiencing these phenomena.

Additionally, we noted that there was a subjective improvement of the clarity of vision. However, due to the fact that we have already had 1.00 Decimal visual acuity both prior and after using the VR technology, it is difficult to determine if there has been an objective improvement in acuity.

Even after extensive use of VR technology, it was physically impossible for us to spend more than 40 minutes inside the VR simulation without the onset of fatigue.

d. Discussion

The aforementioned usage experience allows us to produce a number of statements that can help determine the efficacy of VR as a steganographic medium.

The first statement we have been able to formulate is that the usage of VR is highly demanding in a number of factors: it requires a high level of technical prowess to install, use and troubleshoot, is restrictive financially, requires extensive acclimatization and training to use effectively, and excludes usage by children and people with a number of medical conditions.

This works in favor of VR environments as steganographic mediums. Not only is it difficult to start using VR, it is physically impossible to conduct prolonged analysis of potential steganographic containers in VR environments due to limitations of the human body and the psychophysical toll of the technology.

Furthermore, we postulate that, on a software level, VR environments can be more secure than non-VR counterparts. This is connected with that fact that if a VR-environment is located server-side and not user-side, it becomes highly problematic to decompile the application files to manually search them for steganographic elements using traditional non-VR graphical interfaces, forcing the steganalyst to enter VR, where conducting the type of work that is highly demanding intellectually to being with is additionally made much more difficult by the strain on the mind and the body.

Finally, while using VR, we have encountered a promising VR environment interaction peculiarity. This peculiarity manifests in applications where first-person view combined with head vision controls are possible. As noted before, VR scapes and physical VR use spaces correlate, but are not equivalent. At the same time, VR technology has limited ability to imitate touch though haptic feedback and physical interaction through “grab” controls, but is completely unable to imitate consistent physical collision.

Let us consider a scenario. In VR, we are standing in a 1x1 meter room. In reality, we are in a 2x2 meter room with the 1x1 room in the center of our physical space. A question arises: what happens when we walk into a wall in VR? There are two solutions for this problem: either the user “moves” the room by walking into the wall until he hits the physical wall in real world, or he moves through the wall.

The presented thought experiment demonstrates one of the most potent ways in which VR can accommodate steganography: containers with linguistic steganographic messages can be hidden in locations that, in real life, are highly problematic to use. In any simulated virtual environment, be it VR or non-VR, an object is created by applying textures (graphical elements) to models (geometric elements). Messages can be hidden inside walls, under the floor, within the sides of a table. Any object can potentially become a steganographic container when using this approach.

III. CONCLUSIONS

The conducted analysis shows that VR technology is a highly potent medium for protecting information through the apparatus of steganography. This is connected with both severe psychophysical limitations of using the technology, debilitating penalties for misuse and failure to install the equipment correctly, and, perhaps most importantly, the fact that VR environments allow for a way of hiding steganographic containers that is high-impossible to replicate in the real world.

This approach presupposes using user-created server-side VR environments and inserting steganographic containers outside of bounds of normal human object interaction. These locations include the insides of digital object models, in the void between textures.

Access to such containers can only be gained by physically moving the HMD through the object in VR and looking inside locations not normally accessible in real world interaction.

The sum of these factors demonstrates the worth of further research of VR as a steganographic medium, however we recommend utmost caution when doing so as the side effects of modern VR technologies are severely unpleasant.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферов А. П. [и др.]. Основы криптографии / А. П. Алферов, А. Ю. Зубов, А. С. Кузьмин, А. В. Черемушкин. М. : Гелиос АРВ, 2012. 480 с.*
- Потанова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М. : УРСС, 2010. 600 с.*
- Bennet K. Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text // CERIAS Tech Report. 2013. № 4. P. 1–30.*
- Drummond P. D. Pupil Diameter in Migraine and Tension Headache // Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry. 1987. № 50 (2). P. 228–230.*

- Dzhunkovskiy A. V.* Стеганография: метод трехступенчатого анализа для письменных текстов русского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). 2018. С. 117–123.
- Encyclopedia of Cryptography and Security. Second Edition // van H. C. A. Tilborg, S. Jajodia (Ed.). Berlin : Springer Science & Business Media, 2014. 1416 p.
- Katzenbeisser S.* Principles of Steganography. Boston : Artech House, 2000. 186 p.
- Kemeny A.* [at al.]. New VR Navigation Techniques to Reduce Cybersickness // Electronic Imaging, The Engineering Reality of Virtual Reality / A. Kemeny, P. George, F. Mérienne, F. Colombet. 2017. P. 48–53.
- Wayner P.* Strong Theoretical Steganography. Berlin : Cryptologia, 2005. 410 p.
- Xiang L., Sun X., Luo G.* Linguistic Steganalysis Using the Features Derived from Synonym Frequency // Multimedia Tools and Applications. 2014. № 3. P. 1893–1911.

REFERENCES

- Alferov A. P.* [i dr.]. Osnovy kriptografii / A. P. Alferov, A. Ju. Zubov, A. S. Kuz'min, A. V. Cheremushkin. M. : Gelios ARV, 2012. 480 s.
- Potapova R. K.* Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika. M. : URSS, 2010. 600 s.
- Bennet K.* Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text // CERIAS Tech Report. 2013. № 4. P. 1–30.
- Drummond P. D.* Pupil Diameter in Migraine and Tension Headache // Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry. 1987. № 50 (2). P. 228–230.
- Dzhunkovskiy A. V.* Steganografija: metod trehstupenchatogo analiza dlja pis'mennyh tekstov russkogo jazyka // Vesnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 6 (797). 2018. S. 117–123.
- Encyclopedia of Cryptography and Security. Second Edition // van H. C. A. Tilborg, S. Jajodia (Ed.). Berlin : Springer Science & Business Media, 2014. 1416 p.
- Katzenbeisser S.* Principles of Steganography. Boston : Artech House, 2000. 186 p.
- Kemeny A.* [at al.]. New VR Navigation Techniques to Reduce Cybersickness // Electronic Imaging, The Engineering Reality of Virtual Reality / A. Kemeny, P. George, F. Mérienne, F. Colombet. 2017. P. 48–53.
- Wayner P.* Strong Theoretical Steganography. Berlin : Cryptologia, 2005. 410 p.
- Xiang L., Sun X., Luo G.* Linguistic Steganalysis Using the Features Derived from Synonym Frequency // Multimedia Tools and Applications. 2014. № 3. P. 1893–1911.

УДК 81'31

Г. А. Алиева

кандидат филологических наук, доцент; декан факультета филологии и учителей иностранных языков Бакинского славянского университета;
e-mail: gultekin392@mail.ru

ВЕРЛИБР В ТВОРЧЕСТВЕ МИКАИЛА МУШВИГА

В данной статье рассмотрены произведения выдающегося азербайджанского поэта Микаила Мушвига, написанные верлибром (свободным стихом). Отмечается, что несмотря на многосторонние исследования творчества поэта в отечественном литературоведении, к сожалению, стихи, созданные верлибром, не нашли в работах литературоведов должного отражения. Мушвиг был одним из тех, кто создал новаторские образцы верлибра в период формирования его в азербайджанской поэзии и способствовал становлению этой формы стиха. Выходя за рамки традиционных форм, Мушвиг определил новое направление в азербайджанской поэзии. В этой области он создал такие же высокохудожественные произведения, что и написанные им в традиционной форме – хеджа и аруз. Его свободный стих отличается от стихов Н. Хикмета, Р. Рзы, М. Рафили, С. Вургунга, написанных в той же форме, отсутствием пафосности, официозности, публицистичности. Они пронизаны трепетным лиризмом, мотивами любви. И именно это отличие привносило в азербайджанский верлибр новые краски и оттенки.

Ключевые слова: Мушвиг; творчество; свободный стих; верлибр; гармония; ритм; интонация.

G. A. Aliyeva

Ph. D., Associate Professor; Dean of the department of Philology and Foreign Languages teachers, Baku Slavic University; e-mail: gultekin392@mail.ru

VERS LIBRE IN MIKAYIL MUSHFIG'S POETRY

The article deals with vers libre by prominent poet M. Mushfig. It is shown that M. Mushfig's heritage has been studied in many ways, but vers libre so far has remained insufficiently researched. However, M. Mushfig is one of the poets who created the first innovative examples in the formation of the free verse poetry and kept this poetic form alive. His poetic style did not fit within any form and content, but was a new way to determine it. He has also created successful examples in the form of free rhyme, as he wrote in aruz and heja rhythm. His free rhyme poems differ from those by N. Hikmat,

M. Rafili, S. Vurgun, R. Rza's free rhyme poetry. His free poetry has a plaintive lyricism and harmony. The most important aspect is that M. Mushfiq's free poetry doesn't have tribunality, such as in M. Rafi, S Vurgun, R. Rza's poems, he appeals to this rhyme mainly in love poems. It brings new colors and shades to it.

Key words: Mushfig; creativity; vers libre; harmony; rhythm; intonation.

Введение

Творчество выдающегося азербайджанского поэта 1920–1930-х гг. Микаила Мушвига достаточно глубоко и разносторонне исследовалось в отечественном литературоведении. Одни из первых исследователей творчества поэта Гюльгусейн Гусейноглу и Шафига Гулиева в разное время провели интересные исследования, посвященные его поэзии. Творчество Мушвига рассматривалось и в отдельных статьях, где объектом анализа становились стихи и поэмы поэта. Однако вопрос свободного стиха (верлибра) в творчестве Мушвига либо вообще оказывался без внимания авторов, либо о нем только эпизодически упоминалось. Между тем творчество такого выдающегося поэта, как Мушвиг, требует всестороннего рассмотрения.

Особенности верлибра в поэзии М. Мушвига

Одной из значимых особенностей творчества М. Мушвига является создание им свободного стиха и самое непосредственное участие в формировании его в азербайджанской поэзии. Мушвиг был одним из тех, кто в конце 1920 – начале 1930-х гг. создал новаторские образцы верлибра и способствовал становлению этой формы стиха. Выходя за рамки традиционных форм, поэт определил новый путь верлибра в азербайджанской поэзии. Но надо отметить, что ведущим в его поэзии был классический стиль. И это в первую очередь было связано с той средой, с теми условиями, в которых он жил. Если учесть то, что молодость поэта приходится на 1920-е гг., то можно заметить, что в этот период он больше придерживался классического стиля, так как молодежь находилась под мощным влиянием творчества поэтов, пишущих в этом русле, – М. Хади, Г. Джавида, А. Шаига, А. Саххата и др. Внедрение турецкой поэзии в азербайджанский литературный процесс в конце XIX в. обусловило определенные изменения в направлении национальной поэзии. Стихи Тофика Фикрета, Мамед Эмина Юрдагула позволяли подняться на новый уровень развития поэзии. Именно в этот период в азербайджанской поэзии наблюдается интенсивное

обращение к теме родины, к теме свободы. Влияние турецкой поэзии на азербайджанскую литературу продолжалось и в 20-е гг. XX в. Так, доброжелательные отношения между Турцией и советским правительством в эти годы позволили при помощи турецкой интеллигенции решить в Азербайджане проблему дефицита кадров интеллигенции. Приехавшие из Турции И. Хикмет, Халил Фикрет, Мухиддин Бирген, наряду с преподаванием в университете, принимали активное участие и в литературной жизни Азербайджана. Турецкие специалисты вплоть до конца 1920-х гг. продолжали свою деятельность в Азербайджане.

М. Бирген писал о своей работе в Азербайджане: «Итак, мне было поручено вести занятия 18 часов в неделю, участвовать в заседаниях коллегии Комиссариата образования. Наряду с этим мне пришлось взять на свои плечи и такой тяжелый груз, как издание журнала «Просвещение и культура»» [Birgen 2015, с. 147].

Преподаватель из Турции И. Хикмет, наряду с изучением истории литературы, писал свободные стихи. Его свободные стихи, изданные в Москве, вызвали большой резонанс в Баку. Молодые азербайджанские поэты в этот период искали новые пути и представляли собой новую силу. Первые образцы верлибра, написанные А. Назимом, М. Рафили, вселяли уверенность в том, что в азербайджанской поэзии свободный стих займет свое место.

Мушвиг пришел в литературу тогда, когда в азербайджанской поэзии существовали обе тенденции – классическая и верлибр. Вторую тенденцию, которая была слабее, представляла в основном молодежь. В этот период Мушвиг больше тяготел к классическому стилю, находясь под влиянием Г. Джавида, турецкого поэта Т. Фикрета. Неслучайно мушвиговед Ш. Гулиева видит «переключку» между творчеством Т. Фикрета и М. Мушвига. Однако, отмечая творческий подход Мушвига, она пишет: «Мушвиг был хорошо знаком с творчеством представителей прогрессивной турецкой поэзии и в особенности с творчеством Т. Фикрета и в пору своего формирования как поэта в определенной мере испытал их влияние <...>. Поэтому мы ради объективности и точности посчитали нужным искать связь между поэзией Мушвига и турецкой поэзией и в особенности с поэзией Т. Фикрета в произведениях, сходных как по тематике, так и по художественному построению» [Quliyeva 1988, с. 43].

Хотя в творчестве М. Мушвига, как уже было отмечено, преобладал классический стиль, рассматривая его творчество в целом,

нетрудно заметить, что он так же, как и Т. Фикрет, разрушает существующую и общепринятую систему стихосложения и создает новую систему рифмовки и новые художественно-изобразительные средства. Новая форма и образы поэзии М. Мушвига так же, как и новая проблематика и тематика стихов, были яркими проявлениями его новаторских поисков, которые привели к появлению совершенно новой поэтической формы. Мушвигу удалось создать синтез классического стиля с новым свободным стихом, что особенно заметно отразилось на лирических произведениях поэта. Надо сказать, что при создании эпических стихов поэт обращался исключительно к классическому стилю, а лирические стихи часто создавались верлибром.

Наблюдения за поэзией М. Мушвига показывают, что в его творчестве свободный стих хоть и не занимал ведущее место, но всё же встречался достаточно часто. И что интересно: стихи, написанные верлибром, были даже более популярны. Было бы неверно полагать, что обращение к форме свободного стиха у поэта было случайным. Творчески подходя к этой форме, поэт стремился разнообразить ее. При внимательном прочтении стихов М. Мушвига можно заметить, что даже в стихи, написанные в классическом стиле, он пытался привносить новые разнообразные формы. Высказанная в свое время мысль известного литературоведа А. Агаева о творчестве М. Мушвига и сегодня актуальна. Подробно останавливаясь на стихотворении «Тар», А. Агаев особо отмечает его место в творчестве поэта, его программный характер: «В стихотворении “Тар”, где форма отвечала богатому содержанию, способствовала его полному выявлению, где живое единство формы и содержания было подчинено единой цели, соединились все особенности лирики Мушвига. Это программное стихотворение отвечает всем пунктам эстетической программы автора» [Quliyeva 1988, с. 192]. Надо сказать, что на самом деле это стихотворение является одним из лучших образцов свободного стиха не только в творчестве Мушвига, но и во всей азербайджанской поэзии. И не только «Тар», но и многие стихи, написанные в этот период, способствовали развитию и обогащению азербайджанского верлибра. Стихотворения «Тар» (1929–1933), «Ветры» (1930). «Наши глаза» (1929), «Предпраздничный вечер» (1929), «Мой стих» (1936), «Сказанное моим сердцем» (1936), «О, если б снова эта дача» (1936) и др., написанные либо верлибром, либо синтезом верлибра и хеджа, создавая новый интонационный строй, обогащали современную

азербайджанскую поэзию новым содержанием и формой. Литературовед А. Абдуллазаде, основываясь на разнообразии и богатстве содержания и формы поэзии М. Мушвига, писал: «Эта страстная поэзия подобна музыке, сочиненной композитором для большого оркестра. Она то взволнованно взмывает к своей кульминационной точке, выступая против всего мелочного в жизни, то вдруг успокаивается (но не умолкает!) для того, чтобы вновь вскипеть, то вдруг начинает неторопливый рассказ о безответной любви, о счастье, о далеком прошлом народа и его ближайшем будущем» [Gülhüseyn 1968, с. 105].

Обращение к верлибру М. Мушвига началось со стихотворения «Тар» и завершилось лирической картиной «О, если бы вновь эта дача». Оба эти стихотворения являются жемчужинами творчества М. Мушвига. И если учесть, что они были написаны в период формирования свободного стиха в азербайджанской поэзии, то их роль в этой области приобретает особую значимость. Каждое стихотворение Мушвига, написанное в эти годы, поражает оригинальностью формы и содержания, интонации и ритма. Интересно то, что, обращаясь к драматическим темам, поэт стремился довести до читателя содержание в новой форме. В стихотворении «Тар» поэту удалось раскрыть истинное отношение народа к национальному, духовному богатству – музыкальному инструменту тар. Надо сказать, что это для времени написания стихотворения было достаточно смелым и рискованным шагом. Стихотворение начинается лирическим обращением к тару как к живому существу, свидетелю истории народа, его радостей и горестей. Поэт сосредоточивает свое внимание на том, что тар всегда услаждал слух народа, его слушали наши предки, в его звуках находили успокоение страждущие души. Тар служил не только представителям высших слоев, его звук раздавался как в шахских дворцах, так и бедных хижинах. Тар призывал людей любить эту жизнь, не поддаваться унынию:

Я помню, домишки за ветхим забором,
Угрюмые окна скосив на восток,
Внимали рыдающим песням, которым
Людей не учили господь и пророк.
Я помню, как в комнатах тесных и чадных
Твой голос зовущий до ночи не тих,
Как плакали, слушая, женщины в чадрах,
Вздыхали мужчины в папахах седых.

Стихотворение «Тар», так же как и звуки этого изумительного инструмента, то взмывает к самым высоким нотам, то опускается до низких тонов. Путь, пройденный таром, поэт описывает в лирических тонах. Поэт сосредоточивает свое внимание на том, что значение тара не только в том, что он – сладкоголосый музыкальный инструмент, но главным образом в том, что в нем сосредоточилась народная история, национально-духовная культура азербайджанцев:

Звени, тар,
Звени, тар,
Напой нам простую и добрую песню ...
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И нет твоей песни нежней и чудесней.
Звени, тар,
Звени, тар,
Звени, тонкострунный,
Звени, вечно юный,
Творенье народа – твой вещий напев,
В нем горе народное, радость и гнев.

Впервые вопрос о художественной форме этого стихотворения был затронут в советское время. Так, в «Истории советской азербайджанской литературы» проф. Ш. Салманов пишет: «“Тар” создан в форме хеджа (хеджа – стихотворный размер, характерный для тюркоязычной и персоязычной литературы, основанный на равном количестве слогов в строке. – А. Г.), где каждая ритмическая единица состоит из трех тактов. Строки с точки зрения ритмической единицы неравномерны. Здесь встречается и пятистопный размер. Это усиливает художественную гармонию стихотворения и позволяет более четкому и рельефному раскрытию основной идеи» [Virgen 2015, с. 282]. Таким образом, Ш. Салманов утверждает, что стихотворение написано в форме «хеджа».

К сожалению, после этого утверждения долгое время анализ формы «Тара» в литературоведении оставался вне сферы интересов литературоведов. Однако в работах последних лет, посвященных творчеству М. Мушвига, заметно оживление в этой области. Как нам думается, форма стихотворения «Тар» представляет собой некий синтез, т. е. здесь очевидно смешение традиционных размеров и свободного стиха. Надо отметить, что подобное явление характерно и для других стихов поэта. Неравномерность длины строк, слогов, их составляющих, «рваное» расположение строф дают основание

утверждать, что перед нами произведение, написанное свободным стихом. Правда, в стихах не нарушена система рифмовки, но в свободном стихе это воспринимается как естественное явление. Разделение на строфы здесь тоже совершенно свободное: одна строфа может состоять из восьми строк, другая – из шести, третья – из 23 и т. д. Не соответствует размеру «хеджа» и распределение слогов в стихотворении. В таком случае возникает вопрос: в какой же форме написано стихотворение? Поэт Салим Бабуллаоглу поддерживает мысль литературоведа Ф. Гурбансоя о том, что некоторые части стихотворения написаны в размере аруз (размер, основанный на чередовании долгих и кратких слогов. – А. Г.). Здесь нам придется привести примеры на азербайджанском языке, так как перевод не всегда может соответствовать ритмике и размеру оригинала. Итак, по мнению Ф. Гурбансоя, *Oxu, tar/ oxu, tar, /səni kim unudar// Ey geniş/ kütlənin/ şirini/ şərbəti// Alovlu/ sənti/ zilin var/ vəsətin// Bəmin var/ Sənin də / quşların dəmindən// Ayılan bir özgə /dəmin var... (fəUlən, fəUlən, fəUlən, fəUlən) [Müşfiq 2013, с. 563].*

Салим Бабуллаоглу, продолжая мысль исследователя творчества Мушвига Г. Гусейноглу о том, что размер стихотворения «Тар», где сближается свободный стих и хеджа, является открытием автора, считает, что Мушvig здесь добавляет в этот синтез также и элементы аруза. Конечно же, в творчестве Мушвига можно увидеть произведения, написанные как в форме свободного стиха, так и в форме хеджа и аруза. По мнению литературоведа В. Мамедзаде, «лирика Мушвига не знала ограничений в выборе размера. Можно сказать, что он использовал все виды хеджа и аруза, а также создавал произведения и в форме свободного стиха» [Ağayev 1974, с. 65]. Отсюда следует, что «Тар» написан двумя размерами (хеджа и аруз) в форме свободного стиха, что не совсем научно обосновано, потому что, как известно, свободный стих подразделяется на определенные виды. Ширван Адилли, рассматривая в теоретическом плане формы верлибра, выделил следующие их разновидности:

- рифмованный, с равностопным делением;
- рифмованный, с разностопным делением;
- рифмованный, с частичным делением;
- нерифмованный, с равностопным делением;
- нерифмованный, с разностопным делением;
- нерифмованный, с частичным делением;

– нерифмованный, без соблюдения размера (стихи в прозе) [Abdullazadə 1984, с. 70].

Понятно, что во время написания стихотворения «Тар» не все эти разновидности были использованы. В то же время Мушви́г отличался своеобразием даже в стихах, написанных в традиционном хеджа: он не следует принятым нормам, создает как бы собственный размер. Так же он поступает и в стихотворении «Тар». Действуя совершенно свободно, он использует не широко принятый в свободном стихе четырехсложный вариант, а создает размер, где сочетаются 3–4–7 сложные варианты. Иногда количество слогов даже превышает семь. Но в целом, строки состоят из трехсложных слов:

Gözləri -3/ gıbləyə-3/ açılan-3/
Dınləmiş-3/ əzəldən-3/ səsinı-3/
Papaqlı-3/ atalar-3/, çadralı-3/ nənələr-3/
Ötürmüş-/ sayəndə-/ köksünü-3/
Düşmüşlər -3/gah şirin-3/, gah acı-3/ toruna-3/
Sevinə-3/sevinə-3/, qoruna-3/qoruna-3/

В стихах М. Мушвига «Сказанное сердцем», «Ветры», «Облака», «О, если б снова эта дача» также можно увидеть новые формы свободного стиха. Так, в стихотворении «Ветры» чередуются строфы, написанные хеджа и свободной формой.

Облака, я люблю ваши светлые лица,
Я люблю ваши медленные вереницы,
Было небо бледно и мертво,
Вы одни оживили его.
Отчего без нужды и расчета
Я к вам руки простер
Отчего?

М. Мушви́г создавал стихи в свободной форме не ради оригинальности. Более того, он отнюдь не стремился отвечать весьма популярному для его времени пролеткультовскому лозунгу отказа от классических форм. Он пытался внести в поэзию новую интонацию, по-своему донести до читателя свои ощущения. Надо сказать, что к форме свободного стиха он обращался прежде всего в стихах, где отражались его личные чувства и раздумья. Таково, например, его стихотворение «О, если б снова эта дача». Им поэт внес в свободный стих новое дыхание, свежие чувства. Мушви́говед Шафига Гулиева

дала этому, последнему в творчестве поэта, свободному стиху очень верную оценку: «Стихотворение «О, если б снова эта дача» является поистине современным произведением, в котором общественно-политическая ситуация 1930-х гг., моральное состояние народа, его настроение, его оптимистическая вера и мечты в достойной художественной форме представлены азербайджанской поэзии – носительнице традиций великого Физули» [Azərbaycan sovet ədəbiyyatı tarixi 1967, с. 145].

Мушвиг этим стихотворением привнес в азербайджанскую поэзию темы «лета» и «дачи». Лирическое «я» автора мечтает о приходе лета, о том, чтобы любимая с семьей переехала на дачу, и чтобы он, став их соседом, имел бы счастье встречаться с ней. Здесь совершенно очевидно, что лирический герой тождествен самому автору. Об этом свидетельствуют слова: «И вечером, и днем писать бы и писать. Какая благодать!».

О, если б та же дача,
О, если бы опять
В гостях у вас бывать!
И твой такой правдивый,
Такой пугливый взгляд
Ловить я был бы рад.
Вели бы осторожно
Беседу мы в тиши
О таинствах души,
И, вспугнутая братом,
Иль зоркою сестрой,
Меняла б ты настрой.
Но и таясь, два сердца б,
Как прежде, бились в лад.

Большинство стихотворений М. Мушвига было написано в смешанном размере. А это говорит о том, что для выражения поэтической мысли форма для поэта не имела особого значения, ее можно было по желанию автора изменить, направить в иное русло. Критик Али Назим отмечал трудности, которые подстерегали молодых поэтов, которые пытались новое содержание передать в старой форме. Он отмечал, что пишущие в размере хеджа никак не могут избавиться от подражания, а те, кто пишет свободным размером, просто играют со словами. По словам А. Назима, сторонники верлибра, не до конца

понимая свою задачу, считают для себя верхом искусства использование замысловатых, часто непонятных образов, бессмысленного набора строк, лишенных динамики, гармонии, мелодичности [Nazim 1979, с. 99]. Конечно же этот упрек критика был вызван прежде всего тем, что у молодых поэтов еще не оформилась культура поэзии. Некоторые отвергали старую форму, вплоть до того, что отменяли классику. Мушви́г же, объединяя в своих стихах классическую форму и свободный стих, проложил новый путь в поэзии. Этот синкретизм можно увидеть во многих его стихах. Если обратиться к его стихотворению «Dilənçi» («Нищий»), можно заметить очевидное влияние Т. Фикрета. Об этом пишет и литературовед Ш. Гулиева, которая отмечает, что композиционное построение стихотворения «Нищий», можно сказать, в точности повторяет композицию стихотворения Т. Фикрета: холод, морозная погода, оживленная часть города, люди, торопящиеся в свои теплые дома, мольбы несчастного нищего и мысли, переживания, рожденные в связи с этой картиной в душе чуткого поэта [Quliyeva 1988, с. 44]. В начале стихотворения показана тяжелая жизненная ситуация: в морозный, ветреный день старый нищий, рядом с мерзнувшей маленькой девчушкой играет на кяманче, прося милостыню, а люди равнодушно проходят мимо. Эта часть написана в традиционной форме.

Yanında bir yavrusu var, yorulmadan çalışıyor,
Kamaçanın simlərindən qopan yanıq havalar
İncəldikə, hər kəs ondan acı bir həzz alıyor [Müşfiq 2013, с. 32].

Но затем ритм и размер стиха резко меняются. Автор, обращаясь к старику, взволнованно и резко призывает его отпустить эту девочку, избавить ее от страданий, дать ей возможность окунуться в новую жизнь

Sənin artıq vaxtın ötmüş,
Səni dövrən səfil etmiş.
Fəqət onu, o sevimli qızciğazi,
Olma razı,
Qış dondursun, günəş yaxsın.
Burax onun əllərini,
Burax onun hörülməmiş tellərini.
Qoy buraxsın
Oxuduğu yanıq, xəstə havaları.
Burax, bari

Çağlıyorkən yurdumuzda yaşayışın selləri,
Bəlkə öpsün gözlərini səadətin yelləri [Müşfiq 2013, 32-33].

Такое резкое изменение ритма, формы усиливает эмоциональное воздействие стиха, ярче передает ощущения автора.

Как можно заметить, в этом стихотворении представлено «сплетение» различных стихотворных систем – классического, традиционного стиха и верлибр. Это явление не было случайным для поэзии Мушвига. К такой форме поэт обращается довольно часто. В стихотворениях «Ночные размышления», «Облака», «Предпраздничный вечер», «Течение», «Буря в Белом море», «Соревнование», «Съезд» и в десятках других стихотворений наблюдается сочетание хеджа и свободного стиха, что меняет их ритмику и мелодию. В стихотворении, начинающемся словами: «Эта мысль пришла не с неба. Это указ эры пишущих машин» несколько строф (отметим, что строфы у Мушвига тоже носят условный характер) написаны 11-стопным хеджа, а с середины идет верлибр. Поэт обращается к верлибру тогда, когда ему необходимо четко и эмоционально выразить свою мысль.

Hər kəs bilir
Bizim yarış
Nə deməkdir,
Niçindir.
Bu çırpınış, bu axtarış
İctimai cəmiyyəti sağlam qurmaq içindir.
Məmləkətə, cəmiyyətə, əzizinə,
Özünə
Kim istərsə qursun böyük bir yarış,
Tutsun ətəklərindən bu çapqın yarışların.
O da bu yarışda əjdərə dönsün,
Bir qından çıxan xəncərə dönsün [Müşfiq 2013, c. 11)].

Даже в той части стихотворения, которая написана в форме верлибра, поэт ощущает потребность в рифме, а в некоторых строках размер хеджа «переплетается» со свободным стихом. Все это, безусловно, говорит об оригинальности, о разнообразии и богатстве художественной формы поэзии Мушвига. Как нам думается, «переплетение» различных стихотворных систем в поэзии Мушвига требует отдельного исследования. Литературовед Ш. Гулиева пишет: «... Мушvig впервые представил синтез аруза и верлибра в стихотворениях «Цветок среди листопада» (1927) и «Наши глаза» (1929). Однако

в них заметно влияние новой турецкой поэзии, особенно стихов Исмаила Хикмета, опубликованных в 1924–1926 гг. в журнале *Maarif və mədəniyyət* («Просвещение и культура»). Это влияние особенно заметно в стихотворении «Ахır» («Течение»):

Həyat axır
Nəğmə axır,
Axır coşqun gəncliyim, yoxdur əsla dincliyim.
Axır fabrik,
Axır zavod,
Axır proletaryat,
Axır bir dəmir həyat [Müşfiq 2013, c. 100].

Заклучение

Резюмируя сказанное, можно отметить, что обращение к свободному стиху у М. Мушвига носило далеко не эпизодический характер. В его свободных стихах нет той пафосности, официозности, публицистичности, которыми отличались свободные стихи Н. Хикмета, Р. Рзы, М. Рафили, С. Вургуна, написанные в те же годы. Они пронизаны трепетным лиризмом, мотивами любви. И именно эти особенности приносили в азербайджанский верлибр новые краски и оттенки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Abdullazadə A.* Şairlər və yollar. Bakı : Elm, 1984. 224 s.
- Ağayev Ə.* Azərbaycan sovet poeziyası (1920–1970). İnkişafın əsas meylləri. Azərbaycan, 1974, № 3. S. 178–194.
- Azərbaycan sovet ədəbiyyatı tarixi. 2 cildə, I c., Bakı : Elm, 1967. 519 s.
- Babullaoglu S.* Səni kim unudar? // Müşfiq M. Seçilmiş əsərləri. Bakı : Xalq Bank, 2013. S. 553–572.
- Birgen M.* Azərbaycan 1922–23-cü illərdə. Bakı : Qanun, 2015. 344 s.
- Gülhüseyn H.* Müşfiq. Bakı : Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1968. 102 s.
- Ədilli Ş.* Azərbaycan şeirində forma məsələləri. Bakı : Elmi və Təhsil, 2014. 156 s.
- Məmmədşad V.* Mədəni irs və Müşfiq novatorluğu. Bakı : Məkan servis MN, 2016. 140 s.
- Müşfiq M.* Seçilmiş əsərləri. Bakı : Xalq Bank, 2013. 596 s.
- Nazim Ə.* Seçilmiş əsərləri. Bakı : Yazıçı, 1979. 373 s.
- Quliyeva S.* Müşfiqin sənət aləmi. Bakı : Yazıçı, 1988. 184 s.

**ЦВЕТЫ ЛЮБВИ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД ПОВЕСТЬЮ Э. ШМИДТА
«МСЬЕ ИБРАГИМ И ЦВЕТЫ КОРАНА»**

В статье анализируется повесть известного французского писателя Эриха-Эммануэля Шмидта «Мсье Ибрагим и Цветы Корана», которая до настоящего времени не была предметом изучения исследователей. Сюжет повести мог бы уложиться в несколько строк: судьба еврейского мальчика, которого с детства бросила мать, у которого не сложились отношения с родным отцом и который нашел приют у бакалейщика с Голубой улицы мусульманина мсье Ибрагима.

Автор статьи поставил перед собой цель – рассмотреть взаимоотношения еврейского мальчика с родными людьми – отцом и матерью – и совершенно далеким ему бакалейщиком мусульманином мсье Ибрагимом на предмет выявления любви, близости, верности, толерантности и покровительства.

Посредством детального анализа системы персонажей предпринята попытка установить психологические мотивы разлада мальчика Момо с его родителями и его сближения с мсье Ибрагимом. Непонимание окружающих, одиночество, ощущение ненужности и вины за воровство в лавке мсье Ибрагима трогают его сердце и душу. Именно последнее чувство побуждает его испытать желание на деле. Безысходность бросает мальчика на отчаянный шаг – воровство, мотивированный испытанием себя, своего мужества. Надо иметь в виду, что эти ощущения происходят в душе еще не сформировавшегося подростка.

Особая потребность в общении, в тепле, заботе, помощи и поддержке толкают его на любые контакты. Это поиск находит свое воплощение в мсье Ибрагиме, хозяине продуктовой лавки.

Автор приходит к выводу, что уроки мсье Ибрагима, данные усыновленному Моисею, принесат благородные плоды. Они выражаются не только в том, что после ухода в мир иной от мсье Ибрагима он унаследовал его деньги и бакалейную лавку, а в том, что он уже прозревший, семейный, с детьми, устанавливает связи с матерью и ее мужем. И лишь тогда он осознает, какая радость была для матери услышать от его детей ласковое «бабушка», аналогичное тому чувству счастья, которое он ощущает, когда говорит мсье Ибрагиму «папа».

Ключевые слова: судьба еврейского мальчика; бакалейщик; мсье Ибрагим; отношения; духовная трансформация Момо.

FLOWERS OF LOVE, OR REFLECTIONS ABOUT E. SCHMITT'S NOVEL "MONSIEUR IBRAHIM AND FLOWERS OF THE KORAN"

The article analyzes the story by the famous French writer Erich-Emanuel Schmitt "Monsieur Ibrahim and the Flowers of the Koran". The plot of the story could have been laid out in a few lines: the fate of the Jewish boy, who was abandoned by his mother from his childhood, who did not have any relationship with his own father, and who found a "shelter" at Monsieur Ibrahim's, a Muslim grocer from Blue Street.

The author of the article set the goal of examining the relationship of the Jewish boy with his father and mother and a completely distant Muslim grocer, Ibrahim, in order to reveal love, intimacy, loyalty, tolerance and patronage.

Through a detailed analysis of the character system, an attempt was made to establish the psychological motives of the discord of the boy Momo with his parents and his rapprochement with Monsieur Ibrahim. But the lack of understanding of others, loneliness, a sense of uselessness and guilt for theft in Monsieur Ibrahim's shop touch his heart and soul. It is the last feeling that prompts him to try the desire in practice. Despair sets the boy on a desperate course - theft, motivated by the test of himself in manhood. It should be borne in mind that these feelings occur in the soul of an unformed teenager.

The author comes to the conclusion that the lessons of Monsieur Ibrahim given to the adopted Moses bore noble fruits. They were expressed not only in the fact that after Monsieur Ibrahim departed for another world, Moses inherited his money and a grocery store, but that he had already become enlightened, married, having the children, he established connections with his mother and her husband. And only then he did realize what it was a joy for his mother to hear from his children a tender "grandmother", similar to the feeling of happiness that he felt when he told "dad" to Monsieur Ibrahim. On the one hand, this knowledge is on the level of instant sensations, on the other - on the level of the events.

Key words: the fate of a Jewish boy; a grocer; Monsieur Ibrahim; relationships; Momo's spiritual transformation.

Введение

Повесть «Мсье Ибрагим и цветы Корана» современного французского писателя Эрик-Эммануэля Шмидта (перевод на русский язык Александра Браиловского, Галины Соловьевой, Дарьи Мудролюбовой) [Шмидт URL] является редчайшим произведением, которое не оставляет равнодушным читателя любого возраста. В чем магия текста, чем завораживает писатель читателей, которые знакомятся с ним на инонациональном языке? До сих пор это произведение не было объектом изучения. Между тем оно представляет особый интерес. В исследовании мы попытаемся осветить эти проблемы.

Целью исследования является раскрытие идеи произведения.

Методом исследования является подробный разбор текста.

Система персонажей. Сюжет повести, казалось бы, мог уложиться в несколько строк: судьба еврейского мальчика, которого в детстве бросила мать, у которого не сложились отношения с родным отцом, и который нашел приют у бакалейщика с Голубой улицы мусульманина мсье Ибрагима. Но это только на первый взгляд. Затронутые писателем проблемы охватывают не только французскую действительность, но и всё современное человечество. Они на самом деле являются животрепещущими, потому что сегодня происходят непредсказуемые конфликты, разрушительные процессы не только между государствами, но в первую очередь между близкими и родными людьми. Иными словами, так называемые недружественные международные отношения, как ни странно, являются прямым отражением «ячеечных», семейных взаимоотношений. Такой разлад, разъединение, разрушение, агрессия наблюдается и в религиях. Никто не может отрицать, что известные монотеистические религии проповедуют милосердие, благородство, сострадание, уважение, терпение, толерантность. В таком случае возникает вопрос: откуда берут начало неприятие мигрантов-иноверцев, жестокость, зло людей, которые прикрываются лозунгами религий, не имеющих ничего общего с их постулатами. Мир перевернулся, а может быть, люди потеряли веру в Бога или же, говоря словами Ницше, люди «убили Бога в себе?!». В любом варианте анализируемая книга проливает свет на решение этих глобальных вопросов. Мы попытаемся быть последовательными в анализе текста произведения.

Повесть начинается с умозрительных рассуждений персонажа. В представлении главного героя – одиннадцатилетнего мальчика – его свинья-копилка из глазурированного фарфора, в котором за четыре месяца накопилось двести франков, напрямую отражает скупость его отца-адвоката. У читателя возникает вопрос: может ли адвокат защищать интересы граждан, если он не в состоянии заботиться о собственном сыне?! Мальчик не принимает тезиса отца, который считает, что «деньги существуют для того, чтобы их копить, а не тратить» [Шмидт URL]. Но материальные невзгоды, их недостаточность для скромной жизни, можно было бы как-то пережить. А вот непонимание окружающих, одиночество, ощущение ненужности и вины за воровство трогают его сердце и душу. Именно последнее чувство побуждает его испробовать желание на деле. Безысходность бросает мальчика

на отчаянный шаг – воровство, мотивированный испытанием себя, своего мужества. Надо иметь в виду, что эти ощущения происходят в душе еще не сформировавшегося подростка.

На накопленные деньги он вступает в интимную связь с проститутками. Что его влечет к женщинам? Страсть, половое влечение или нечто другое? Мальчик, обделенный материнской лаской, теплотой, близостью, ищет всё это на стороне – в объятиях «потаскушек» [Шмидт URL]. Здесь он не только получает первые уроки «крещения в лоне женщины», но и, вступая в половую связь с женщиной, восполняет таким образом утерянную часть материнской любви и ласки. Конечно, здесь не может идти речь о страсти, о половом влечении. Он получает душевное удовлетворение от самой связи с женщиной, видя в ее образе нечто родное и тепло матери. Поэтому в знак благодарности он дарит женщине своего плюшевого медвежонка. А ведь он сам до сих пор ни от кого не получал подарков!

Потребность в общении и в тепле, заботе, помощи и поддержке толкают его на любые контакты. Этот поиск находит свое воплощение в мсье Ибрагиме, хозяине продуктовой лавки. Впервые в книге через призму восприятия мальчика дается характеристика этого персонажа: «Мсье Ибрагим всегда был старым ... серый фартук надет поверх белой рубашки, из-под жестких усов виднеются зубы цвета слоновой кости, а глаза у него фисташкового цвета, зеленовато-карие, светлее, чем его смуглая кожа, испещренная пигментными пятнами мудрости. Ибо мсье Ибрагим, по всеобщему мнению, слыл мудрецом. Несомненно, потому что он уже, по крайней мере лет сорок, умудрялся быть Арабом на еврейской улице («Agabe du coin» (фр.) – букв. местный араб: торговец предметами первой необходимости, едой и т. д., чей магазин находится прямо около Дома человека, использующего это выражение. Таким образом, «местный араб» у каждого свой). Несомненно, потому что он много улыбался и мало говорил. Несомненно, потому что он, казалось, существовал вне обыденной суеты простых смертных, в особенности парижан, так как вечно пребывал в неподвижности, словно ветка, выросшая из табурета, никогда ничего не раскладывал на прилавке в чьем-либо присутствии, а с полуночи до восьми утра вообще исчезал незнано куда» [Шмидт URL].

Обратим внимание на детали. Фраза «всегда был старым» подчеркивает стереотип, отпечатанный в сознании, видимо, не только Момо,

но и всех постояльцев Голубой улицы и Рыбного предместья. Продолжает этот стереотип образ араба, пребывание которого на указанной территории противоречит неписаным правилам «еврейской улицы». Замечаем искусно «вставленный» политический подтекст, ненавязчиво обрамленный в художественную «ткань». Прочтение фрагмента текста зависит от подготовленности и уровня читателя, его отношения к конкретным конфликтам, событиям и катаклизмам жизни. Такие эпитеты портрета, как «пигментными пятнами мудрости» и «слыл мудрецом» говорят об отличительных особенностях этого человека. В любом случае именно благодаря мудрости торговец смог сохранить здесь свое многолетнее пребывание. Кстати, тут же за этой деталью автор ремаркой «местный араб у каждого свой» подбрасывает нам дополнение с легким расовым оттенком. Писатель к концу повести вновь возвращает нас к этой теме. Перед нами уже взрослый Момо, заменивший место мсье Ибрагима в бакалейной лавке, на себе проверяет воздействие этой ремарки: «Вот теперь я Момо – тот, кто держит бакалейную лавку на Голубой улице. На Голубой улице, которая вовсе и не голубая. Для всех я – местный Араб. В бакалейном деле Араб – это значит: открыто и по ночам, и даже по воскресеньям» [Шмидт URL]. В Библии сказано, что Бог создал человека по своему образу и подобию. В Коране несколько другая идея сотворения. Так, в Коране даются следующие откровения: «Дал вам образ и прекрасно устроил ваши образы» [Коран 1997, 64: 3]. Или: «О человек, что соблазняет тебя в Господе твоим щедром, который сотворил тебя, выровнял и соизмерил в таком виде, как пожелал» [там же, 82: 6-8]. То есть Аллах создал человека так, как замыслил. Здесь нет подобия Бога, а есть его замысел. Именно следуя этой идее, мсье Ибрагим попытался преобразить юного друга, обучив его тайнам алхимии на основе предписаний Корана, т. е. откровений Бога. Но всё это будет потом.

Да и причиной «приворовывать и у мсье Ибрагима» была отпечатанная в его подсознании нескрываемым пренебрежительным отношением к торговцу окружающих, заключенного в выражении «В конце концов, это всего лишь Араб!». И доводы мсье Ибрагима о том, что он не араб, а мусульманин не могли переубедить мальчишку [Шмидт URL]. Вместе с тем торговец, умудренный жизненным и профессиональным опытом, знал, но не показывал вида, что Момо ворует у него продукты. Но момент истины должен был наступить в процессе общения Моисея с мсье Ибрагимом. Еще не наступил момент истины,

момент полного откровения и доверия. Еще не наступил момент уяснения значения обращения старика, называющего его Момо, а не Моисей, ибо имя последнего «обязывает» человека ко многому. Но судьба и случай сближают старика и молодого, делают их друзьями. Этот случай был связан со съемками фильма.

Съемки фильма с участием Брижит Бардо на их улице и ее визит в лавку мсье Ибрагима за покупкой и продажа им за баснословную сумму обычной бутылки воды в корне меняет взаимоотношения. Причиной тому не явление «настоящей звезды» в лице Брижит Бардо в магазин, а шуточное признание торговцем компенсации украденных Момо консервов.

А вот первое признание мальчика: «Благодаря вмешательству мсье Ибрагима в мире взрослых возникла трещина: он перестал быть той сплошной стеной, о которую я разбивал себе лоб, сквозь образовавшуюся щель мне была протянута рука» [Шмидт URL].

Житейские советы старшего товарища помогают подростку ориентироваться в окружающем мире. Более того, он впервые почувствовал опору, поддержку. Ему была протянута рука заботливого человека – это была верная рука, рука друга, рука старшего, рука любящего... То, что он рассчитывал получить знания жизни посредством книг, не случилось. Судьбе было угодно получить жизненные уроки посредством мудрого человека, оказавшегося в трудную минуту рядом с ним: «Я разглядывал высокий семейный книжный шкаф, где в несколько рядов выстроились книги – все те книги, которые, по идее, должны вмещать суть человеческого духа, свод законов, тонкости философии». Если хочешь узнать о чем-нибудь, то книги тут не помогут. Надо с кем-нибудь поговорить. Я не верю в книги; человеку, которому Бог сам не открыл жизнь, книга ничего не откроет» [там же].

Постепенно мальчику приходится расставаться с навязанным отцом принципом жизни и поведением в ней: «Я научился смотреть на людей глазами моего отца. С подозрением, презрительно...» [там же]. Для начала мсье Ибрагим вооружает его мощным оружием, которое на практике, в повседневной жизни помогает быть успешным. По мнению мальчика, улыбка – это удел богатых, которые счастливы благодаря своим деньгам. Мудрый Ибрагим убеждает своего юного друга в том, что не в деньгах счастье, а улыбка сама является счастьем. Именно человеку, в отличие от всех существ в мире, дана улыбка, т. е. это отличительная и позитивная сторона человеческой природы.

Концепт «улыбка» сопровождает нас на протяжении всей повести. В конце произведения, перед смертью, эта улыбка-прощание мсье Ибрагима вновь заявляет о себе.

Будучи раненым вследствие тяжелой аварии, перед смертью, он также продолжал улыбаться, уверенный в том, что его временная земная жизнь продолжится в потустороннем мире: «Путешествие подошло к концу». Мсье Ибрагим как истинный суфий не боится смерти: «А я не боюсь, Момо. Я знаю то, что написано в Коране», он ее воспринимает как слияние собственной души с Создателем. А что может быть возвышеннее, образно выражаясь словами Мевляна (Джалаледдина Руми – «Наставника с сияющим сердцем»), встречи с Возлюбленной?! Смертью жизнь не заканчивается.

Она есть лишь смена миров. Конечность является продуктом человеческого рассудка. Но существует возвышенный образ Океана Любви, который в лексиконе мсье Ибрагима принимает облик Моря, когда человек «присоединяется к необъятному». «Все рукава реки впадают в одно и то же море. Единое море» [Шмидт URL]. Здесь уместно привести рассуждения Н. П. Рудниковой относительно принципов древнеегипетской герметической науки, которые полностью совпадают с принципами суфизма: «Все лучшие стремления есть пути приобретения этой Любви. Бескорыстие, самоотверженность, самоотрешенность есть лишь утверждение Единства Любви, стирание границ между «я» и «ты» и путь к их объединению. Поэтому нельзя говорить о Любви, если не реализовать в сердце эти три вестника Бога – бескорыстие, самоотверженность, самоотрешенность, и нельзя понять Любовь, если есть самоограничение в рамках эгоизма. Путь к Богу, т. е. к Вечному Единству Вселенной, к Океану Любви, лежит через ступени их проявления» [Рудникова 2002, с. 20]. Человек должен принимать всё как веление судьбы, не противиться случаю, довольствоваться тем, что ему ниспослано: «Момо, ты плачешь о себе, а не обо мне. Я хорошо прожил свою жизнь. Дожил до старости. У меня была жена, она уже давно умерла, но я ее все так же люблю. У меня был друг Абдулла, которому ты передашь от меня привет. Дела в моей лавке шли хорошо. А Голубая улица очень хороша, хоть она на самом деле и не голубая. А потом у меня был ты» [Шмидт URL]. Отказ от земных соблазнов, служение Богу является смыслом жизни суфия. Суфии являются аскетами, скитальцами, путешественниками, не привязанными недвижимому имуществу. Исходную информацию о мистическом учении ислама

суфизме Момо получает из отцовского энциклопедического словаря «Ларусс». Он уясняет, что суфизм – это, с одной стороны, «образ мыслей»: «... хотя мсье Ибрагим любил повторять, что попадают такие образы мыслей, что сродни болезни», с другой – «внутренняя религия» [«а мсье Ибрагим по сравнению со всеми евреями с нашей улицы, уж точно, был сама сдержанность»] [Шмидт URL]. В последующем, во время путешествия на родину мсье Ибрагима, эта информация наполнится реальным содержанием. Речь идет об их посещении текке и о наблюдении за танцем дервишей. Старик настаивает на том, чтобы его приемный сын обязательно почувствовал суфийскую ритуальную атмосферу. Параллельно раскрывается смысл танца: «Сердце человека словно птица, заключенная в клетке его тела». Когда ты танцуешь, оно поет, как птица, стремящаяся раствориться в Боге» <...>. Они вращаются вокруг собственной оси, вокруг своих сердец, в которых пребывает Бог. Это как молитва ... они теряют все земные ориентиры, ту тяжесть, что называется равновесием, и становятся факелами, сгорающими в громадном огне» [там же]. Одна из сторон философии суфизма раскрывается мсье Ибрагимом через наблюдение за завораживающим танцем крутящихся дервишей. Это не только описание философии ритуала, но и участие в нем самих персонажей. Но самым поразительным и значимым в изложении этого фрагмента текста является ощущение результата танца – исчезновение у юноши чувства ненависти: «Продельвая первые вращения, я думал: я счастлив с мсье Ибрагимом. Затем я думал: я больше не сержусь на отца за то, что тот ушел. После у меня даже мелькнула такая мысль: в конце концов, у моей матери, в общем-то, не было выбора, когда она <...>. Из меня уходила ненависть. Если бы барабаны не остановились, я бы, наверное, обдумал то, что произошло с моей матерью. А классно было молиться, мсье Ибрагим; правда, я предпочел бы молиться в кроссовках. Чем тяжелее тело, тем легче дух» [там же]. Произошла полная трансформация сознания, души и ее вектора. Он, подобно танцующим дервишам, выпорхнул «из клетки заблуждений» своего тела и пустился в полет в направлении к Богу, к Любви. В процессе очищения прошла злоба и ненависть на родителей, а в целом наступило иное понимание бытия и своего места в нем. Наступает момент прощения и благодарности за существование. Но для того чтобы достичь этого, нужна духовная работа, очищение сердца от всех греховных, земных помыслов. Путь лежит через эволюцию и духовное совершенствование. Вот

как эти, на первый взгляд, простые истины объясняет Учитель: «Человек сначала был камнем, затем растением, затем животным – про животное-то он и не может забыть и нередко вновь в него превращается, – а затем он стал человеком, наделенным знанием, разумом, верой. Представляешь себе, какой путь ты проделал из пыли, чтобы стать тем, кто ты есть сегодня? А позже, когда ты превзойдешь свою человеческую сущность, ты станешь ангелом. И с землей всё будет покончено. В танце ты это предчувствуешь» [Шмидт URL]. Алхимия (в последующем ошибочно трактуемая людьми как опыт трансформации определенных металлов в золото) в понимании суфизма есть переделывание себя, своего ума и тела, в соответствии с законами мироздания и соблюдением основополагающих постулатов Священного Корана. Мсье Ибрагим дает понять своему ученику смысл суфийской алхимии, не забыв при этом указать истинные и ложные представления об истинной сути алхимии: «Те часы, когда мы вертелись в текке, он называл Руми. Тот говорил: золоту не нужен философский камень, а меди нужен. Совершенствуйся. Умертви то, что живо: это твое тело. Оживи то, что мертво: это твое сердце. Спрячь то, что явно: это земной мир. Верни то, чего нет: это мир будущей жизни. Уничтожь то, что есть: это страсть. Создай то, чего не существует: это намерение» [там же]. Приведенные цитаты из философской поэзии Руми – не просто набор философских афоризмов, а прямое руководство к инструментам духовного преображения.

Надо отдать должное писателю за подбор уникальных рекомендаций совершенствования человеческой природы. Если попытаться из текста цитат выявить ключевые слова, то в начале их будет слово «совершенствуйся». А все остальные будут распределены между противоположностями «сердце» и «тело». Отказ от преходящего «земного мира», «страсти» (вспомним увлечение мальчика проститутками) укрепляет «сердце» в стремлении к Вечному, к Богу, будучи уверенным в своем «намерении» (желании) воссоединиться с Источником. И совсем не удивительно, что вышеприведенный текст дается в конце повести. Это обстоятельство заставляет читателя вновь вернуться к началу повествования произведения. На наш взгляд, весь путь, указанный в афоризмах Руми, герой повести проходит поэтапно сам. Дело в том, что в памяти подростка-героя мы постепенно восстанавливаем фрагменты, которые подтверждают наше предположение. Попытаемся их указать.

Отцу героя никак «не удавалось уверовать в Бога». Это оторванность от Источника не могла не сказаться на его судьбе. Хотя в данном случае нелишне было бы вспомнить и обоснование мсье Ибрагима, которое в какой-то степени пытается найти в его жизни оправдание судьбы: «У твоего отца не было перед глазами никакого примера. Он очень рано потерял родителей, потому что их увезли нацисты и они погибли в концлагере. Твой отец был поражен тем, что ему удалось избежать подобной участи. Может, он винил себя в том, что остался жив. Он ведь не просто так бросился под поезд <...>. Поезд увез его родителей навстречу смерти. Возможно, и он всю жизнь искал свой поезд <...>. Если у него и не было сил жить, то это не из-за тебя, Момо, а из-за всего того, что было или не было давно, еще до твоего рождения» [Шмидт URL]. То есть предположения Учителя, по-нашему мнению, есть мотивация отказа Момо от ненависти к собственному отцу.

Другой пример. Спустя тринадцать лет появление матери в доме воспринимается со стороны ее сына растерянно. Он по-мальчишески пытается обмануть мать и представляется как Момо, имя, которое якобы является «уменьшительным» вариантом от Мохаммед. Случайное ли здесь сравнение имен пророков религий христианства и ислама: Моисея и Мохаммеда?! Мы считаем это не случайно. Писатель постепенно подводит нас к пониманию Единого Бога во всех религиях. И все последующие испытания мальчика – процесс подтверждения данного посыла. Интересным является и метод этого исследования. Мсье Ибрагим с завязанными глазами заставляет Момо узнавать по запаху, к какой конфессии относится тот или иной религиозный храм. Каждый храм имеет свои ароматы и запахи. Мальчик отгадывает верно: католическая церковь пахнет восковыми свечами, православная – ладаном, мусульманский – ногами. Казалось, писателем выбраны очень примечательные детали. Но отношение главного героя к ним неодинаковое. Он воспринимает запах ног в мусульманском храме как неприятный. Тут, как и положено, с уточнениями выступает Учитель: «Неужто место, где пахнет телом, для тебя недостаточно хорошо? У тебя что, никогда от ног не пахнет? Молитвенное место, пахнущее человеком, созданное для человека, где внутри люди, вызывает у тебя отвращение? Что за парижские понятия! А меня этот запах носков успокаивает. Мне кажется, что я ничем не лучше своего соседа. Я чувствую себя, чувствую других и от этого чувствую себя

лучше!» [Шмидт URL]. Весьма удачное обоснование. Что является естественным для любого человека, не должно раздражать или же вызывать удивление, отвращение. Храм, будь то христианский, иудейский, мусульманский или же другие, является местом исповедания, местом соборного поклонения Творцу, Создателю, вне зависимости от конфессий. Существует притча относительно одного из старейших шейхов суфизма Средневековья Ибн Араби, который на вопрос где он молится, ответил, что он совершает молитву в синагоге, церкви, в любом Божьем храме, потому что всюду он видит Единого Бога. В дополнение к сказанному еще один фрагмент из произведения.

Как-то Момо заметил, что мсье Ибрагим «тоже подвергся обрезанию». На удивление мальчика мсье Ибрагим отвечает фактами из истории религий: «У мусульман, как и у евреев, Момо. Это Авраамова жертва: он протягивает своего сына Богу, говоря, что тот может его забрать. Маленький кусочек кожи, которого нам недостает, – это след Авраама. При обрезании отец должен держать сына: отец дарует собственную боль как воспоминание о жертве Авраама. Благодаря мсье Ибрагиму я стал понимать, что евреи, мусульмане и даже христиане имели кучу общих великих предков еще до того, как начали бить друг друга по морде. Лично меня это не касалось, но все же я почувствовал себя лучше» [там же]. «Чувствовать себя лучше», значит, осознать верность понимания вещей. Итак, Момо прекрасно знает о вражде между евреями и арабами, но ему и в голову не приходила мысль о том, что по своим корням, обрядам и ритуалам они так близки друг к другу. Восстановим в памяти строки из Корана: «Мы возвестили тебе в откровении: следую, религии Авраама, который был истинной веры» [Коран 1997, 16:124].

Казалось, незначительная деталь, но сколько жизненного смысла она несет. Через эту деталь уничтожается зло, торжествует сопричастность и любовь. Прав был мсье Ибрагим, когда внушал Момо, что красота – это то, что хочет видеть сам человек. Этот психологизм выражается и в том, что человек, чувствуя себя и других в схожих вибрациях, становится благородным.

Выводы

Итак, уроки мсье Ибрагима, данные усыновленному Моисею, принесли благородные плоды. Они выразились не только в том, что после ухода в мир иной от мсье Ибрагима он унаследовал его деньги и бакалейную лавку, а в том, что он уже прозревший, семейный,

с детьми, установил связи с матерью и ее мужем. И лишь тогда он осознал, какая радость была для матери услышать от его детей ласковое «бабушка», подобное тому чувству счастья, которое он ощущал, когда говорил мсье Ибрагиму «папа». Одно дело познание на уровне мгновенных ощущений, другое – на уровне событий.

Но самое главное в данном контексте, да и во всем произведении, это тот старый Коран, с лежащими в нем двумя засушенными цветками, оставленный ему мсье Ибрагимом. Мы уже отмечали, что уроки, полученные от мсье Ибрагима Момо, дали желаемые плоды. А тут оказывается, что познание жизни только начинается. «Наконец-то я мог узнать, что же было в его Коране» [Шмидт URL]. Значит, мы ошиблись? Отнюдь нет. Если вспомнить основополагающий постулат Корана, который гласит, что человек от рождения до кончины должен овладевать знаниями, наукой, то становится ясно, что познание не завершено и продолжается. И еще: Как священная книга Коран направлен на то, чтобы помочь верующему нравственно совершенствоваться. Каждое возвращение к Корану раскрывает всё новые и новые тайны, помогает разобраться в себе и в окружающем мире. А засушенные цветы в нем символизируют то, что лишь только систематическое возвращение читателя к нему может оживить их, дать обращающемуся очередной духовный рост, наполнить их любовью ко всему тому, что создано Творцом.

Р. С. Несколько слов о жанре произведения. Мы бы его назвали повестью-притчей. Дело в том, что построение произведения всецело напоминает структуру суфийских притч. Здесь диалогическая форма вопросов-ответов между Учителем и Учеником, которая впоследствии подтверждается жизненным результатом. Видимо, автор произведения достаточно серьезно ознакомился с соответствующей литературой по суфизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шмидт Эрик-Эмманюэль.* Мсье Ибрагим и цветы Корана. URL : www.litmir.me/br/?b=26914/ (дата обращения: 01.07.2018).
- Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. 3-е изд., доп. М.: Аль-Фуркана, 1997. 799 с.
- Рудникова Н. П.* Сакральный мистицизм Египта. 22 ступени солнечного пути. М.: Беловодье, 2002. 376 с.

REFERENCES

- Shmidt Jerik-Jemmanjujel'*. Ms'e Ibragim i cvety Korana. URL : www.litmir.me/br/?b=26914 / (data obrashhenija: 01.07.2018).
- Koran*. Perevod smyslov i kommentarii Valerii Porohovoj. 3-e izd., dop. M. : Al'-Furkana, 1997. 799 s.
- Rudnikova N. P.* Sakral'nyj misticizm Egipta. 22 stupeni solnechnogo puti. M. : Belovod'e, 2002. 376 s.

УДК 008

Ч. Б. Далецкий

профессор, доктор философских наук;
профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, директор института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: chdalecki@linguanet.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Предлагаемая научно-педагогическому сообществу статья посвящена современным проблемам формирования профессиональной идентичности студента и преподавателя вуза посредством устно-речевого отождествления партнеров по общению. В работе отмечается необходимость уяснения участниками образовательного процесса важности речевой и риторической культуры в условиях адаптации обучающихся к требованиям профессиональной деятельности. Анализируется технологичность управления и конструирования профессиональной педагогической идентичности и представлена модель риторической идентификации на уровне слухокинестетической структуры. Автор статьи полагает, что в условиях цифровизации актуализируется проблема изменений коммуникативных процессов в пространстве культуры, а риторическая идентичность является основой выстраивания индивидуальной образовательной траектории.

Ключевые слова: риторическая идентичность; цифровизация образования; устная речевая деятельность; риторико-коммуникативные компетенции; педагогические методики; риторический дискурс.

Ch. B. Daletsky

Ph.D., professor; Professor of the Department of world culture,
Director of the Institute of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: chdalecki@linguanet.ru

RHETORICAL CULTURE AND IDENTITY IN THE DIGITALIZATION CONTEXT OF EDUCATION

The article offered to the scientific and pedagogical community is devoted to the contemporary professional identity issues of a student and a University teacher via verbal identification of communication partners. The article emphasizes the need for

the participants of the educational process to understand the importance of speech and rhetorical culture in terms of adapting students to the requirements of professional activity. The article analyzes the technological effectiveness of management and construction of professional pedagogical identity and presents a model of rhetorical identification at the level of auditory and aesthetic structure. The author assumes that in the digitalization conditions the issue of communicative processes modifications in the culture space is actualized, while rhetorical identity is the basis for elaboration of an individual educational trajectory.

Key words: rhetorical identity; digitalization of education; oral speech activity; rhetorical-communicative competences; pedagogical techniques; rhetorical discourse.

Ядром современного образования по-прежнему остается Человек. Очень важно в ходе всех реформ не потерять гуманистические ориентиры в образовании. Часто можно услышать от преподавателей о том, что со студентами трудно стало работать. Еще труднее первокурснику адаптироваться к университетской жизни, подтвердить высокие баллы по ЕГЭ и доказать свое право овладеть возможностями вуза, сменить возрастной максимализм на конформизм, принять новые требования и согласиться с мнением авторитетного профессора или преподавателя. Задача всех участников образовательного процесса оказать помощь студентам в выборе своего индивидуального вектора по пути к успеху.

Феномен идентичности в обыденном понимании и научной интерпретации отличается содержательно и терминологически. В обыденном понимании идентичность воспринимается как тождественность или одинаковость, способность воспринимать себя и окружающих подобными, такими же, равными. В словаре синонимов используются такие слова, как «единство», «одинаковость», «общность». В научной литературе понятие «идентичность» получило различное толкование – от лат. *identicus* – коллективного самоотождествления до современного конформизма и взаимосвязи индивида и общества (В. Н. Брюшинкин, В. Джеймс, Ч. Тейлор, Э. Эриксон, В. А. Ядов).

В интересах данной статьи согласимся с наиболее адекватной целям данной работы концепцией идентичности И. В. Малыгиной, акцентирующей интегрирующую функцию идентичности: «На уровне межиндивидуального общения посредством взаимодействия индивида со «значимыми другими», эталонными («референтными»)

группами в рамках единого культурно-символического пространства, происходит психологическое интегрирование индивида в социальное сообщество» [Малыгина 2018, с. 65].

И. Гофман утверждал, что идентичность – процесс управляемый, конструируемый, посредством которого человек может сформировать о себе представление у партнера по общению [Гофман 2000]. Помимо «символического универсума» существует возможность использовать технологию коммуникативной идентичности, когда в ходе обмена сообщениями возникает лексическая идентификация (понимание с полуслова [Бергер, Лукман 1995]. Динамика языковой идентичности видоизменяется посредством технологий в условиях организованного образовательного процесса, который признан «неотъемлемой частью любого цивилизованного общества»¹.

Не перечисляя все виды идентичности, остановимся на профессиональной идентичности как одной из форм социальной идентичности, характеризующейся не только особым функциональным содержанием деятельности, но и лексическим ее отображением. Формирование профессиональной идентичности начинается с организованных форм обучения, на ранних этапах профессиональной ориентации: в школе – при выборе учебных предметов для сдачи на ЕГЭ, в колледже – при получении рабочих профессий, в вузе – через накопление соответствующих компетенций. На всех уровнях образования невербализованная и ассоциативно-семантическая сеть языковой личности диссипатируют с вербализованной и коммуникативной частью риторической личности. В. Брюшинкин «в рамках социального конструирования» выделяет «логико-лингвистический аспект» речевой личности и представляет образное и понятийное мышление посредством толкования идентичности в соответствующих суждениях [Брюшинкин 2012, с. 261]. Коммуникативный аспект идентичности проявляется в процессе речевого обмена суждениями с другими индивидами на уровне свободного владения языком общения. Идентификация говорящего со стороны партнеров по общению осуществляется в ходе свободного (непринужденного) формирования и порождения устного высказывания.

¹ 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ. Российская федерация. Федеральный закон. Об образовании в российской федерации. Принят. Государственной Думой. 21 декабря 2012 г. Одобрен. Советом Федерации. 26 декабря 2012 г.

Научной основой устной речи является риторика, которая осуществляет методическое сопровождение процесса устной речевой деятельности. В соответствии с этим, мы вправе предусмотреть исследование устного речевого поведения личности в аналогичных жизненных ситуациях и ввести в научный оборот понятие «риторическая идентичность» в процессе коммуникации. Социализация предполагает речевое отождествление и формирование личности «через механизмы выбора определенного типа поведения», в том числе устно-речевого [Ерасов 1997]. Риторическая идентичность предусматривает взаимное конвертирование сигнальных систем через внутренний и внешний коды коммуникации, где эксплицитно взаимодействуют «язык мысли» и действий в вербальной и невербальной формах. В ходе общения преподавателя и студента проявляются две тенденции риторической идентификации: студент осознает весь процесс, но не в состоянии выразить его на уровне понятий, и демонстрирует заученные тексты без осмысленного представления процесса деятельности. Таким образом реализуется коммуникация, которая в зависимости от уровня культурно-языковой компетенции общающихся проявляется в «конфликте «физиков» и «лириков», отличая «технарей» («трактористов») от «гуманитариев» («юристов»). Если в первом случае содержатся представления на уровне образа «бери деталь и ставь на деталь», то вторые не просто регистрируют информацию, а формируют индивидуальную фразу (антипация) и сравнивают со слышимой «необходимо осуществить демонтаж фрагмента устройства и произвести монтаж планируемого механизма». Абстрактность лексики научного стиля маскирует смысл происходящего в общем контексте высказывания и приводят к трудностям «риторической идентичности» на уровне слухокинестетической структуры.

Три наглядных примера привели к необходимости осмысления новой реальности: татуировка на плече студента в рубашке с короткими рукавами и недопуск на экзамен преподавателем, информация о возможности использования гаджетов как носителей информации на ЕГЭ; увлечение молодежи гаджетами и восприятие его старшим поколением как рост психологической зависимости (аддикция) и вред здоровью. Все эти примеры ведут к возникновению барьеров взаимодействия в образовательной сфере в современных условиях информационной реальности.

Изменение смыслового кода (например «аккаунт» для старшего поколения – это счет в банке, и учетная запись пользователя сайта или электронного сервиса – для молодежи; татуировка – как способ запомнить логин и пароль для студента, и как безобразное в имидже для возрастного преподавателя) приводит к недопониманию представителей разных поколений, к конфликту «отцов» и «детей». В случае отличий возникает спор, интеллектуальный конфликт. Следовательно, для перевода спора в диалог, дискуссию и полемику можно использовать технологии риторической идентичности. Это интеллектуальный конфликт, разрешимый в процессе поиска путей к идентичности. В процессе общения, диалога оптимальна схема сценария, при котором партнеры по общению высказывают свои суждения, определяются в понятиях и предмете общения, пользуются уточняющими суждениями, утверждают и соглашаются (или же не соглашаются) с собеседником, а далее следуют умозаключения, окончательно определяющие совпадение или несовпадение точек зрения. Результатом такого диалога может быть риторическая идентичность, которая ведет к взаимопониманию с полуслова. Отсутствие риторической идентичности требует поиска компромиссных вариантов.

Некоторые исследователи утверждают, что отсутствие языковой идентичности не имеет отношения к академическому тексту, и что важность понимания преувеличена в психолого-педагогической литературе. Преодоление различий в понимании перекладывается на студента, важно лишь вести конспект и находить расшифровку новым терминам в словарях и книгах, выравнивая свой лексикон с категориальным инструментарием науки. Социально ориентированное понятие устной речи определяется как «амальгамативный эффект», которым пользуются для демонстрации дискурсивных и недискурсивных функций, сознательно или иным образом, из социально доступных, но постоянно изменяющихся (uchebniki-besplatno.com/etnologiya-narodovedenie-etnografiya/diskursivnoe-nediskursivnoe-izmerenie-29828.html).

Риторический дискурс (устное общение) играет решающую роль в образовательном процессе на уровне научного общения преподавателей и обучающихся. В информационном обществе устная передача информации оттесняется на периферию, а трансляция знаний осуществляется более современными способами. Это находит место в образовательных учреждениях и особенно в средствах массовой

информации. Важной заботой политической элиты, которая пришла к власти во вновь созданных государствах, является осуществление контроля за информацией, транслируемой с использованием средств массовой информации и воспринимаемой большинством населения. Новые технологии дают возможность контроля интернет-информации и печатной учебной литературы (в первую очередь учебников истории). Посредством координации каналов социальной коммуникации осуществляется кодирование идентичности и разделение на «свой – чужой» [Брилл, Семенова 2001]. Категорические требования использования определенных словоформ и высказываний на уровне передачи информации от поколения к поколению, неоднократно повторяясь, реализуются в художественных, публицистических и официально-деловых текстах, в диалогах и спорах, дискуссиях и полемике. Риторический дискурс определяет интенции к говорению и инициирует продолжение процесса профессионального взаимодействия. Наличие административного ресурса предопределяет словесное наполнение профессионального дискурса и обеспечивает кадровые изменения, основанные на возрастном цензе с лексическим изменением содержания высказываний. Формируется институт дополнительного образования с вовлечением современного объема профессиональных дисциплин, в процессе реализации которых постепенно оформляется новый язык профессии. Реалии нового времени меняют структуру речевой организации, что приводит к использованию нового лексикона в обществе. Кризис «отцов и детей» переносится в сферу коммуникации, устаревший лексикон не соответствует содержанию дискурса – и ведет к новому речевому наполнению, к риторическим изменениям. Изменяется и педагогический дискурс, посредством которого осуществляется трансляция информации когнитивного содержания. Одни начинают «классно бóтать по фене», а другие – уходят «играть в бисер». Такой процесс чреват потерей культурной идентичности и культурных традиций. Профессоры-писатели не находят общего языка со студентами, они говорят на разных языках и думают иначе. Студентами легче воспринимается материал в научно-публицистическом стиле, иногда даже в научно-разговорном. Особую сложность представляет общение с обучающимися на уровне доступной к пониманию лексики. Процесс создания новой культурной реальности происходит на уровне требований педагогической риторики, которая предполагает

постепенное введение научного категориального аппарата или профессиональной лексики. Кафедра психологии и педагогической антропологии МГЛУ запланировала создание лаборатории переговорных технологий и психологической поддержки обучающихся и их родителей при изучении иностранных языков в школе и вузе, где найдется место студенту, самостоятельно преодолевшему лингвофобии и «синдром собаки» в качестве консультанта или коуч-тренера.

Президент России Владимир Путин в «Школе 21» встретился и общался с носителем искусственного интеллекта (роботом) и признал, что тот, кто его обуздает первым, станет властелином мира (www.kommersant.ru/doc/3984877). Директор «Школы 21» Светлана Инфиновская, представляя возможности информационной школы, продемонстрировала отсутствие в классах преподавателей, а, следовательно, нет ни лекций, ни семинаров, ни оценок. Продвижение по 21-у уровню программы происходит при помощи теста на память и логику.

Преподаватели, владеющие новыми цифровыми методиками, способны сформировать компетенции, которые позволяют студентам эффективно применять знания, умения и навыки, а также личностные качества в учебных и практических ситуациях. Такой результат обеспечивают вариативность образовательных программ, разработка индивидуальных учебных планов, основу которых составляет интерактивное изучение дисциплин по принципу кейс-стади. Суть их заключается в формировании и выполнении индивидуальных творческих заданий, представляющих модель своей будущей профессиональной деятельности. Цель занятия, поставленная педагогом, состоит в том, чтобы развивать у студентов образное мышление, креативность и представить, чем будет заниматься выпускник после окончания вуза. Это непростая задача даже для старшекурсников. Важно владеть методикой поддержания внимания у обучающихся. В. С. Станиславский отмечал, что «внимание заключается не в том, чтобы пялить глаза на объект», интерес поддерживается теми словами, которые ждут студенты и готовы общаться «на одном дыхании», в диахронно-синхроническом дискурсе [Соссюр 1960]. Риторическая идентичность появляется в том случае, если говорящая личность воспринимается партнером по общению «своей», «нашей», а процесс коммуникации заканчивается взаимопониманием на подсознательном уровне и устранением всяких барьеров.

Но самое главное для каждого студента – заниматься любимым делом, в интересах общества и личности. Немаловажным результатом

методической работы преподавателя новой реальности является разработанное мультимедийное сопровождение лекций и практических занятий, которое находит отражение в авторских публикациях и научных статьях.

Цифровизацию в образовании как элемент, как средство, иногда пытаются внедрить в дистанционное обучение. Неисследованными остаются последствия обучения, исключаяющего из образовательного процесса лекционные формы занятий. Современные «технологи» образования особенно активно навязывают цифровизацию в интересах сокращения расходов, что сказывается на процессах риторической идентичности, «появляются отсроченные по времени вопросы относительно содержания», что ведет к отсутствию возможности обменяться суждениями и мнениями в едином пространстве и времени [Федченко 2018].

В методике использования IT-технологий отчетливо наметились две тенденции: агрессивно-технологическая и традиционно-консервативная. В первом случае мы наблюдаем снижение расходов на образование под видом цифровизации, а в другом – страх перед новым и опора исключительно на риторическую трансформацию знаний. Преподаватели с преобладающим педагогическим стилем – либеральным или авторитарным – отдают предпочтение современным или традиционным носителям информации, и проявляют себя соответственно в случае с использованием технических устройств в ходе занятий. Хотелось бы предложить авторитетно-демократический стиль педагогического воздействия на аудиторию в ходе занятий, используя риторические средства с реальным лексическим наполнением.

Формированию риторической идентичности в ходе образовательного процесса могут способствовать совместные усилия его участников, направленные на поиск интересующего материала во всем интернет-пространстве. Очень важно овладеть современными методиками поисковых технологий, используя лексические и фразеологические единицы. Динамичность образовательного процесса в различных культурных вариациях представляется привлекательным и актуальным для большинства людей и становится стереотипным на пути формирования нового культурного пространства. В отличие от застывшего пространственного объема – пространство культуры, и образования, в частности, находится в процессе непрерывного становления, расширения границ своего пространства. Постоянное усложнение устной речевой деятельности требует оперативного

освоения риторико-коммуникативными компетенциями и их перевода в конкретные педагогические методики. Эффективен риторический дискурс как парадигма научной обоснованности устной речи в процессе общения и взаимопроникновения культур с использованием технологии «Хрия» и интернет-ресурсов.

Речевая идентификация достигается посредством двух взаимобусловленных речевых процессов: а) порождением и формированием высказывания; и восприятием речи, слушанием. Идентификация речи) происходит в форме одобрения определенного способа поведения [Казарцева 2001]. Риторическая идентичность обуславливает процесс формирования правовой культуры в условиях цифровизации информации. Вал кинопродукции криминальной тематики демонстрирует алгоритм действий в различных условиях межличностного взаимодействия, подкрепленный силой слова. В уста отца, наделенного властью представителя силового ведомства, вкладывается смысл ответного поведения в условиях возникновения конфликта в школе между юношами. Полицейский советует сыну драться со сверстниками, чтобы доказать свое место в классе, и никто не предотвратил тиражирование такого сценария. Фильм демонстрируется на центральном телеканале. Так распространяется поведенческий стереотип правонарушения на подсознательном уровне подросткового формирования самоидентичности. «Дать сдачи» советует большинство отцов своим сыновьям, и при этом навязывают им роль драчунов. Мама стараются отвести мальчиков от проблем и порождают чувство неуверенности и страха. Опыт работы свидетельствует о необходимости проведения профилактических мероприятий законными средствами. Это – обращение к воспитателю детского сада или учителю в школе, реагирование со стороны классного руководителя, приглашение к психологу, решение управляющего совета образовательного учреждения о постановке на учет в комиссии по делам несовершеннолетних. Этот социальный контроль, который обеспечивает социализацию личности, гарантирует предупреждение правонарушений, а шире – формирует коммуникативную идентичность риторическими средствами.

Риторическая идентичность – процесс управляемый, зависит от отправителя информации и может ранжироваться по уровням. Репродуктивный уровень характеризуется простой передачей информации и не предполагает учета специфики и индивидуальных особенностей

слушателей. Инициатор высказывания занят исключительно содержанием речи, всё внимание сосредоточено на содержании материала, а процесс восприятия не регулируется. Адаптационный уровень предполагает хорошее знание автором устного сообщения своего предмета и свободную ориентацию в материале, достаточную для поддержания контакта с партнером по общению, что обеспечивает управление процессами внимания и понимания высказывания. Вариативно-комбинаторный уровень, при котором говорящий не только в полной мере управляет освоением материала с учетом особенностей аудитории, но и активизирует внимание слушателей, побуждает их делать собственные частные и промежуточные выводы, что формирует способность соотносить содержание высказываний с практикой. Такое понимание речевой идентичности позволяет говорящему в своем совершенствовании идти от пересказа текста к его свободной интерпретации, включая элементы собственного видения проблемы, а впоследствии переходить к порождению собственных текстов. Профессоры-писатели не находят общего языка со студентами, они говорят на разных языках и думают иначе, что препятствует риторической идентичности в вузовском пространстве.

Распознавание и определение признаков риторической идентичности в образовательном пространстве предусматривает использование критериев оценки речевого поведения – выступлений на конференциях, ответов на семинаре, зачете, экзамене, при защите исследовательского проекта. Такими критериями являются: владение терминологической лексикой и способность контекстного ее применения, обеспечение доступности материала через образные сравнения, примеры, метафоризацию, описательность. Построение простых грамматических конструкций с ориентацией на восприятие и учетом определенного уровня образования и подготовки дает возможность обеспечить логику и последовательность в изложении материала, основанные на развивающем педагогическом принципе от простого к сложному. Внешние качественные параметры техники речи, такие как темпоритм, сила голоса, тональность, побудительность, сопровождение мимикой, жестами, движениями – гарантируют коммуникативно организованное взаимодействие субъекта и объекта образовательного процесса в интересах реализации установленных государством компетенций. Благодаря опосредованному восприятию

другими партнерами по общению мы соотносим свое место в коммуникативном процессе и даем оценку готовности идентификации окружающими.

В последнее время участились случаи, когда люди сожалеют о культурных достижениях прошлого, об утере культуры речевого общения, начинают пугать коммуникативной изоляцией. Много пишут о «современных тенденциях деградации культуры, которые повлекли за собой формирование субкультур, культурную дифференциацию, что влияет на утверждение национальной идентичности» [Саракун 2014]. В условиях новой реальности наблюдается не деградация культуры, а дифференциальная трансформация и динамическая либерализация отдельных элементов специализированного и обыденного социокультурного опыта. Издательства и книжные магазины говорят о снижении интереса к книге. Спрос на книги действительно снизился, но тенденция чтения направлена в сторону электронных носителей и процент читающей публики от этого не уменьшается. Вслед за этим распространяется информация о вреде гаджетов для детей, а в еще большей степени – для взрослых. Исследования доказывают: современные электронные устройства, техническое обеспечение школ полностью соответствуют санитарным требованиям. В интерактивных панелях гаджетов используются немерцающие жидкокристаллические дисплеи без вредных излучений. Высокая степень яркости экранов позволяют проводить презентации при нормальном освещении, не требуя затемнения в помещениях. Широкое распространение получил проект «Цифровая школа» для учителей, детей и их родителей, направленный на создание образовательной среды в школах, отвечающей реалиям современного мира. В основе столичной цифровой школы лежит проект МЭШ. Статистика подтверждает широкий уровень внедрения электронных ресурсов в школах г. Москвы: подключено 1457 зданий школ, создано 21 000 высокотехнологичных классов, 55 000 учителей используют систему при планировании и проведении уроков. Широко используется система контроля за результатами успеваемости учеников со стороны родителей. Более 1,5 млн пользователей «Электронного журнала и дневника» 806 московских учителей из 331 школы получили гранты за вклад в развитие проекта МЭШ (www.mos.ru/city/projects/mesh).

Аналогичная платформа электронной поддержки образовательного процесса электронной информационно-образовательной среды получила распространение в вузах. Ее цель – максимально эффективное

использование уже созданной инфраструктуры и новейших технологий в интересах современного университетского образования, которое адаптируется к индивидуальным особенностям студента, и предполагает выстраивание индивидуальной образовательной программы. Использование современных средств обучения сближает субъектов образования и становится более эффективным, а с использованием игровых технологий – диалоговым и интересным. Тот, кто стремится к знаниям, должен, по словам античного педагога и философа Исократы «перенести горечь труда и тягость утомления», а преодолев все это, он приобретает явные преимущества по сравнению с другими участниками культурного процесса. Целью преподавателя становится методическое сопровождение процесса познания студентов, который имеет дело с элементами науки или искусства. На первый взгляд они состоят из малоинтересных мелочей и подробностей, большей частью не имеющих практического применения в жизни, но требуют при освоении образовательной программы «неослабевающего прилежания, упорного труда, частых повторений и продолжительных упражнений» [Исократ 2012].

Как прав Сергей Велижанин, образно и эмоционально выражая свое отношение к происходящему: «Не стоит сокрушаться о былом // Оно уже к нам больше не вернется // Оно, как кляча старая плетется // А время пробегает рысаком».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995, 323 с.
- Брилл М., Семенова И.* Язык и этнический конфликт. М. : Гендальф, 2001, 150 с.
- Брюшинкин В.Н.* Особенности исследования идентичности // Субъективность и идентичность : коллект. монография / отв. ред. А.В. Михайловский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 261–272.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
- Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М. : Аспект Пресс, 1997. 591 с.
- Зимняя И.А.* Предметный указатель речевой деятельности и основные проблемы его организации при обучении иностранному языку : Сб. науч. тр./ МГПИИЯ им. М. Тореца. 1983. Вып. 207. С. 3–15.

- Исократ*. Речи. Письма. Малые аттические ораторы / ред. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.
- Казарцева О. М.* Культура речевого общения: теория и практика обучения : учебное пособие для студ. пед. учеб. заведений по специальности 031200 «Педагогика и методика нач. обучения». 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2001. 495 с.
- Малыгина И. В.* Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учебное пособие. 2-е изд. М. : Согласие, 2018. 238 с.
- Саракун Л. П.* Теоретико-методологические основы исследования национальной идентичности // Идеи и идеалы. 2014. № 20, 20–26.
- Сосюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. «Общие принципы». ... Изд-во АН СССР, 1960. ... Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М. : Учпедгиз, 1960. с. 241.
- Федченко Е. В.* Философия образования: компетентностный подход и современные цифровые трансформации // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы Междунар. конф., Москва, 24–25 апреля 2018. М. : МПГУ, 2018, С. 45–51.

REFERENCES

- Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M. : Medium, 1995, 323 s.
- Brill M., Semenova I.* Jazyk i jetnicheskij konflikt. M. : Gendal'f, 2001, 150 s.
- Brjushinkin V.N.* Osobennosti issledovanija identichnosti // Sub#ektivnost' i identichnost' : kollekt. monografija / otv. red. A.V.Mihajlovskij; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M. : Izdat. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. S. 261–272.
- Gofman I.* Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni / per. s angl. i vstup. stat'ja A. D. Kovaleva. M. : Kanon-press-C : Kuchkovo pole, 2000. 304 s.
- Erasov B. S.* Social'naja kul'turologija. M. : Aspekt Press, 1997. 591 s.
- Zimnjaja I. A.* Predmetnyj ukazatel' rechevoj dejatel'nosti i osnovnye problemy ego organizacii pri obuchenii inostrannomu jazyku : Sb. nauch. tr./MGPIIJa im. M. Toreza. 1983. Vyp. 207. S. 3–15.
- Isokrat*. Rechi. Pis'ma. Malye atticheskie oratory / red. Je. D. Frolov. M. : Ladomir, 2013. 1072 s.
- Kazarceva O. M.* Kul'tura rechevogo obshhenija: teorija i praktika obuchenija : uchebnoe posobie dlja stud. ped. ucheb. zavedenij po special'nosti 031200 «Pedagogika i metodika nach. obuchenija». 4-е изд. М. : Flinta : Nauka, 2001. 495 s.

- Malygina I. V.* Identichnost' v filosofskoj, social'noj i kul'turnoj antropologii : uchebnoe posobie. 2-e izd. M. : Soglasie, 2018. 238 s.
- Sarakun L. P.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija nacional'noj identichnosti // *Idei i idealy*. 2014. № 20, 20–26.
- Sossjur F. de.* Kurs obshhej lingvistiki. «Obshhie principy». ... Izd-vo AN SSSR, 1960. ... Cit. po kn.: V. A. Zvegincev. Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. Ch. I. M. : Uchpedgiz, 1960. s. 241.
- Fedchenko E. V.* Filosofija obrazovanija: kompetentnostnyj podhod i sovremennye cifrovyje transformacii // *Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitija. Cifrovizacija jekonomiki i obshhestva: vyzovy dlja sistemy obrazovanija: materialy Mezhdunar. konf., Moskva, 24–25 aprelja 2018. M. : MPGU, 2018, S. 45–51.*

УДК 81'26

Н. С. Бабенко

кандидат филологических наук;
старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт языкознания РАН»;
e-mail: babenkons@yandex.ru

**О ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
(из истории развития немецкоязычной словесности)**

В статье предпринимается попытка описания в терминах глобализации развития немецкой словесности в XVI–XVII вв. – в период кардинальных изменений в жизни социума под влиянием мощных социокультурных процессов перехода от эпохи Средневековья к раннему Новому времени. Основное внимание уделяется появлению в Германии книгопечатания в XV в. и его распространению в XVI–XVII вв. как нового медийного способа коммуникации, способствовавшего формированию динамичной социокультурной среды и преобразованиям немецкой словесности в инструмент публичной деятельности. Раннее книгопечатание ретроспективно оценивается как глобализационный процесс «окультуривания» жизни социума на новых основаниях. Важными элементами этого процесса было появление массовой малоформатной литературы и первых печатных газет как преобразов будущей регулярной периодической печати.

Процессы, происходившие в Германии в XVI–XVII вв., не были локально ограниченными, а носили надтерриториальный и наднациональный характер. Благодаря книгопечатанию происходило постепенное разрушение монополии на информацию, которой обладали феодальные и сословные инстанции. Значение раннего книгопечатания как явления глобального характера заключается в «запуске» механизма реализации целого комплекса трансформаций в разных сферах деятельности. Материалы статьи демонстрируют правомерность точки зрения, согласно которой «эффекты», связанные с распространением в современном обществе Интернета и новых технологий, сравнимы с влиянием, которое оказало на развитие цивилизации изобретенное в Германии книгопечатание.

Ключевые слова: раннее книгопечатание; глобализация информационного пространства; массовая литература; публичность; ранние газеты; публицистичность.

N. S. Babenko

Ph.D. (Philology),
Senior Researcher,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: babenkons@yandex.ru

**ON THE PROCESSES OF GLOBALIZATION
IN THE SOCIO-CULTURAL RETROSPECTIVE
(from the history of the development of German language literature)**

The article attempts to describe in terms of globalization the development of German literature in the 16–17 centuries – in the period of fundamental changes in the life of society under the influence of powerful sociocultural processes of transition from the Middle Ages to the early New Age. The focus is on the appearance of typography in Germany in the 15th century, and its distribution in the 16–17 centuries, as a new media mode of communication that contributed to the formation of a dynamic socio-cultural environment and the transformation of German literature into an instrument of public activity. Early typography is retrospectively evaluated as the globalization process of “reclaiming” the life of society on new grounds. Important elements of this process were the appearance of mass small-format literature and the first printed newspapers as prototypes for future regular periodicals.

The processes that took place in Germany in the 16–17 centuries were not locally limited, but were of a supra-territorial and supranational nature. Thanks to typography there was a gradual destruction of the monopoly on information, which possessed feudal and class instances. The value of early typography as a global phenomenon is the “launching” of the mechanism for implementing a whole complex of transformations in different areas of activity. The article proves the point of view, according to which the “effects” associated with the spread in the modern society of the Internet and new technologies are comparable with the influence that the printing press invented in Germany had on the development of civilization.

Key words: early typography; globalization of the information; mass literature; publicity; early newspapers; publicism.

Введение

Есть основания утверждать, что современные явления глобализации и связанные с ней языковые процессы, существование которых вряд ли можно отрицать, «коренным образом отличаются от всего, что происходило в мире ранее» [Алпатов 2017, с. 315]: мир впервые стал «стягиваться» в единое целое – экономическое, информационное, политическое, военное, правовое, а также языковое. Концептуализация глобализационных явлений и процессов началась лишь во второй половине XX в. в условиях интенсивной интернационализации, т. е. стремления к единообразию и унификации систем в экономике, финансах, политике, управлении, информатике и т. д., для достижения более быстрого и целенаправленного преобразования жизненно-го уклада социума на «современных» принципах.

Понятие «глобализация» имеет не только положительное значение. Позитивно оно воспринимается в сфере международного предпринимательства, но в сознании обывателей сопрягается с опасностями и рисками, например для национальных экономик.

В языковой глобализации также возникают свои опасения, поскольку глобализация накладывает ограничения на функционирование языков: например, имеет место ориентация на один язык и в ряде случаев не на родной. Критическое отношение к языковой глобализации вызывают процессы наполнения разных языков огромным количеством заимствований из английского, что можно трактовать как «ограничение суверенитета» [Алпатов 2017, с. 317; Алпатов 2018].

Термин «глобализация», первоначально возникший, скорее всего, в научной среде, появился сравнительно недавно (в середине 1990-х гг.) и быстро получил распространение в разных языках как своего рода общепонятный интернационализм, не требующий детального описания его содержания¹. Вместе с тем процессы, носящие глобальный, т. е. всеобщий, характер, обнаруживают свои исторические параллели в развитии культур, а историография разных наук оперирует такими сопряженными с «глобализацией» понятиями, как «эволюция», «цивилизация», «прогресс», «модернизация», «трансформа-

¹ В немецкий словарь под названием «Слова, которые делают историю» [Wörter, die Geschichte machen: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts 2001] слово *Globalisierung* «глобализация» включено как ключевое понятие XX в. Его появление в немецкой лексикографии относится к 1990-м гг., когда в узусе произошло вытеснение экономического понятия *Globalisation*, первоначально обозначавшим возникновение мировых финансовых рынков, а затем и рынков капитала, продуктов и услуг, коммуникационных и информационных технологий, конкурирующим понятием *Globalisierung*. Возможно, как полагают немецкие лексикографы, слово *Globalisierung* в большей мере соответствовало предпочтениям современных носителей немецкого языка, их любви к образованиям на *-ierung* (ср. *Rationalisierung*, *Internationalisierung*, *Regulierung* и т. п.) и глагольным аналогам на *-ieren*: *globalisieren* [там же, с. 62–63]. В современном русском языке главенствующим является слово «глобализация», которое покрывает весь спектр смыслов, связанных с этим явлением. Со словом «глобализация» корреспондируют слова «глобализм» и «глобалистика»: первое является периферийным в силу своей политической окраски (ср. *антиглобализм*) и более специализированным по своему содержанию, второе именуется область научных изысканий, связанных с изучением явлений глобализации в современном мире. – Н. Б.

ция», а также «сдвиг», «взрыв» (ср. работы филологического цикла, например [Лотман 1992; Степанов 2004]). В общем смысле речь идет о разнообразных явлениях, процессах, ситуациях, связанных с крупными и частными (национально специфичными) событиями, происходившими в разные периоды истории цивилизации и приводившими благодаря комбинации мощных стимулов к кардинальным изменениям существующего положения вещей, к освоению социумом / социумами новых сфер деятельности.

Глобализация в разные периоды исторического развития социумов проявляется по-разному. Она может приобретать разные смыслы и направления, обнаруживать разные закономерности, но в широком историческом контексте глобализация, как элемент цивилизационного развития, в разных формах присутствует всегда. Целый ряд явлений и процессов, наблюдаемых в истории Германии раннего Нового времени (XVI–XVII вв.), допускают их толкование в терминах глобализации, т. е. движения к кардинальному преобразованию сложившихся ранее социальных институтов и форм существования культурной и языковой среды.

Раннее книгопечатание как фактор информатизации общества

Мощным фактором глобализационных процессов, повлиявших на развитие немецкоязычной словесности в XVI в., стало книгопечатание, изобретение которого относится к середине XV в. Однако устойчивое культурное значение и влияние оно приобрело лишь через 100 лет, т. е. с середины XVI в., когда наиболее отчетливо проявились существенные модернизационные аспекты этого технического феномена и обнаружились основные направления его воздействия в разных нетехнических сферах эволюционного развития общества (ср. эволюцию в понимании Ю. С. Степанова [Степанов 2004, с. 49])¹.

¹ Деятельность первопечатников в XV в. играла маргинальную роль в процессах «узуализации» письма; она еще не могла активно вовлекать в письменную культуру новых читателей. В XV в. всего лишь 7 % книг издавалось на немецком языке, а большинство ранних печатных изданий, в том числе и Библия, служили нередко знаком престижа состоятельных людей, часто не умевших читать. Первопечатные книги были настолько дорогими, что и в XVI в. охотно продолжали переписывать книги, считая этот способ распространения текстов экономически менее затратным. – Н. Б.

Выдающаяся роль книгопечатания как нового медийного средства единодушно признается современной историографией [Hartweg 1985; Giesecke 1998; Гуревич 1990]. Указывается на сложный, многоаспектный характер этого явления, ставшего катализатором многих последующих системных преобразований и изменений в разных сферах – культурной, социальной, идеологической, коммуникативно-информационной, языковой: «Изобретение и распространение книгопечатания ознаменовало революцию в средствах социальной коммуникации, в области диффузии и циркуляции достижений культуры и, в конечном итоге, в структуре общественного сознания, поскольку внедрение грамотности приводило к глубоким изменениям последнего. Человек в недрах устной культуры и человек в условиях культуры книжной являют собой два глубоко различных типа личности. Ориентация на слуховое восприятие сменялась частичной переориентацией на восприятие визуальное, которое дает более стабильную основу для социального поведения. Человек в меньшей мере зависит от случайных слухов ... от капризов собственной и чужой памяти» [Гуревич 1990, с. 331].

Как уже было сказано, сильным фактором влияния книгопечатание стало не сразу, поскольку лишь постепенно формировался комплекс явлений, связанных с освоением этого технического новшества, с осознанием объема медийных функций и возможностей печатной продукции.

Даже в годы Реформации и Крестьянской войны (с 1517 до 1530 гг.), когда книгопечатание оказалось политически актуальным и общественно значимым медийным средством вовлечения масс в социальную и идеологическую борьбу, этот позитивный опыт еще не мог вызвать сильных качественных сдвигов в самом книгопечатании как способе существования информационного пространства: книгопечатание как техническое изобретение должно было постепенно соединиться с иными процессами – коммуникативными, социальными, прагматическими, экономическими. Как явление глобального характера книгопечатание выявило определенное драматическое противоречие нового времени: смелость технической мысли, неограниченность возможностей ее материального воплощения как «чуда божественной мудрости» [Гухман 1959, с. 69], с одной стороны, и неконтролируемый характер последствий этого технического изобретения для коммуникации – с другой.

Принимая во внимание важность радикального изменения материальной базы и структуры деятельности при переходе от рукописной книги к книге печатной, необходимо отчетливо представлять себе наиболее важные аспекты развития коммуникации в период раннего книгопечатания, поскольку именно в этот период языковые процессы проявляются с наибольшей интенсивностью как следствие изменений в формах, условиях и задачах коммуникации. Вхождение нового технического средства в пространство культуры, обретение печатным словом своих многообразных функций происходило не столько путем прямого вытеснения рукописной традиции из сферы продуктивной деятельности, сколько в результате развития качественно новых коммуникативных условий, стимулировавших взаимосвязанные процессы – продуцирование печатной книги и потребление печатной продукции. Следует подчеркнуть, что книгопечатание выступало частью городской культуры и с самого начала было связано с коммерческой инициативой, так что все успехи и неудачи в этой сфере деятельности, особенно в первые десятилетия распространения книгопечатания, находились в зависимости от экономического эффекта, который постепенно становился влиятельным фактором развития языка и культуры.

Смена медийных средств (*Medienwechsel*) стимулировала такие важные процессы, как:

- постоянный прирост печатной продукции, которая, например, в 1525–1530 гг. превысила количество книг, опубликованных в предшествующие 50 лет;
- селективный отбор рукописных текстов для их печатного тиражирования (первая печатная книга на немецком языке автора современника появилась в 1494 г.: это был «Корабль дураков» С. Бранта);
- изменение формата книги: отказ от фолиантов в пользу малоформатных изданий, оформление титульной страницы (первый титул датируется в Германии 1484 г.);
- усиление конкуренции между книгопечатными центрами и борьба за книжный рынок;
- распространение и популяризацию новых жанровых форм текста, например, школьных драм или листовок-диалогов (в период между 1521 и 1525 гг. появилось свыше 50 сочинений в форме диалогов);

- наконец, активизацию процессов продуцирования текстов (Textbildung, термин Г. Веллмана [Wellmann 1990]) разного назначения как способ реализации общественных запросов читателей, а также личных интенций и амбиций авторов.

Издательская деятельность закрепляет свои позиции благодаря ежегодным книжным ярмаркам (с 1562 г.) во Франкфурте-на-Майне. Этот город с XIV в. считался ярмарочным для всей Западной Европы, а первые попытки представить книжную продукцию в рамках торговых (товарных) ярмарок и организовать место для продажи и покупки книг относятся к концу XV в. Но постоянным местом торговли для продавцов книг и издателей из Италии, Франции, Бельгии, Голландии Франкфурт стал в середине XVI в., о чем свидетельствуют издававшиеся к ярмаркам обширные книжные каталоги. В результате глобализации книготорговой деятельности появилась платформа для коммуникации образованной публики из разных стран, возникла своеобразная академическая среда, где происходил обмен разного рода информацией о том, какова конъюнктура на книжном рынке, что появилось нового в книгоиздании, какие сферы жизни становятся предметом текстовой деятельности (Verschriftlichung des Lebens). Ярмарки, как медиум для профессиональной коммуникации интеллектуалов на специализированные темы, являлись фактором глобализации как процесса распространения знаний и их применения.

Возникновение массовой литературы

Важным представляется то обстоятельство, что до 1500 г. книгопечатание в значительной степени блокировало развитие «современных» литературных форм; раннее книгопечатание профитировало на уже существовавших ресурсах письменности – переводов, обработки текстов, адаптации – и лишь постепенно осваивало новые формы текстов, созданных специально для печатного издания. В период между появлением книгопечатания в середине XV в. и кануном Реформации три четверти всей типографской продукции составляли религиозные сочинения. До Реформации Библия была редкостью даже в руках духовенства. На протяжении XVI в. она выходит на первое место среди печатных изданий [Гуревич 1990, с. 333–334]. Реформация и Крестьянская война значительно ускорили процесс соединения книгопечатания с изменениями в коммуникативной сфере и в функциях отдельных форм существования немецкого языка.

Именно в листовках периода Реформации и Крестьянской войны книгопечатание продемонстрировало свою оперативность и реальный потенциал как новое медийное средство с безграничными возможностями.

Распространение книгопечатания имело своим прямым следствием существенное расширение базы потребителей книжной продукции, заинтересованных в доступе к текстам полезным и понятным для массового читателя. Таковыми стали, в частности, сборники текстов малых (коротких) повествовательных форм – новелл, которые в немецкоязычной словесной культуре получили название «шванки» – некий симбиоз ряда жанров фольклорной традиции [Мелетинский 1988; Бабенко 2011]. Данный жанр текстов получил широкое распространение на немецкоязычных территориях именно благодаря потребности публики в незатейливой, развлекательной и полезной книжной продукции, далекой от нравоучений, идеологических противостояний и религиозного догматизма. Литература «малых форм» (Kleinprosa), предназначенная для массовой публики, являлась важной составной частью глобального по своим последствиям процесса перехода от эпохи Средневековья к раннему Новому времени, когда распространение письменной культуры было обусловлено двумя факторами: интенсивным развитием рыночных отношений в эпоху раннего книгопечатания, коммерциализацией книгоиздательской деятельности, в результате чего книга стала товаром, а издатели были заинтересованы в больших тиражах [Бабенко 2010], с одной стороны, и стремлением членов социума овладеть умением читать как социально престижным навыком, чтобы иметь в том числе доступ к разнообразной информации – с другой. Масштабы этих процессов в XVI в. сопоставимы с переходом «общества от “холодного” типа, ориентированного на неизменное повторение нормативных текстов, к обществу “горячему”, развитие которого предполагает установку на поиск нового, т. е. на поиск и одобрение текстов, содержащих максимальное количество информации как на основное условие движения в социуме» [Иванов 1988, с. 8].

Возникновение периодической печати

Не менее важными оказались и другие последствия возникновения новых медийных возможностей. Благодаря книгопечатанию происходило постепенное разрушение монополии на информацию, которой обладали феодальные и сословные инстанции

[Polenz 1991, т. 1, с. 146]. Довольно рано, в 1502 г., за сто лет до появления первых регулярно издававшихся газет в городах Германии начинают распространяться печатные листовки («*Neue Zeitungen*»), которые сообщают о разных событиях – без комментариев, без агитации, анонимно, чтобы избежать цензуры. Политические листовки времен Реформации 1520–1525 гг. также распространялись без участия и вопреки информационной идеологии официальной власти, а для реципиентов, среди которых была значительная часть пассивных слушателей, эта печатная продукция производилась в особенно привлекательных формах, сочетавших визуальный ряд с текстами рекламного характера на титульной стороне. Листовки, как вид ранних публицистических текстов, были рассчитаны преимущественно на полуустный (*semi-oral*) способ функционирования и восприятия, когда чтение текста происходило публично, в присутствии некоторого числа слушателей, не владевших грамотой, но являвшихся активными потребителями печатной продукции.

Сохранившиеся ранние немецкие газеты позволяют говорить о формировании принципиально нового типа текста¹. Прежде всего, следует отметить политематичность газеты, а также актуальность сообщаемых новостей, регулярность и периодичность их появления, что отвечало ожиданиям и настоятельным потребностям общества, которое в лице своих представителей привыкло ожидать регулярного поступления новостей, что стало возможным благодаря изобретению печатника Гутенберга. Германия стала первой в Европе страной, начавшей осваивать новые информационные технологии, опираясь на свои развитые книжно-письменные традиции и ресурсы немецкого языка [Рудакова 2017].

Применительно к этим текстовым «новациям» XVI–XVII вв. уместно говорить об «информационном взрыве» в Германии, который имел свои глубокие культурно-исторические корни и привел к устойчивому развитию и распространению периодической литературы [Семенюк, Бабенко 2007]. Процесс расширения информационной сферы в XVI в., как и некоторые глобализационные процессы в современных условиях, не были однозначно восприняты обществом. Мотивы для критики были связаны, прежде всего, с открытым характером

¹ Первые сохранившиеся и дошедшие до нас немецкие газеты – *Aviso* из Вольфенбюттеля и *Relation* из Страсбурга – относятся к 1609 г. – *Н. Б.*

информации и ее доступностью разным слоям населения, что вызывало недовольство аристократии, духовенства и городской власти, которые считали доступ к информации своей привилегией. Напротив, современники (например, Каспар Штилер, известный языковед из Тюрингии (1688)), отмечали, что газеты читаются и обсуждаются везде – на рынках, в цирюльнях, в кафе, на перекрестках улиц и в специальных информационных пунктах – *Aviso-Boutiquen*. Новостями интересуются разные слои городского населения – *Lakeyen, Stallknechte, Kalfaktor, Gärtner, Torhüter*, чтобы расширить свою осведомленность о разного рода событиях. Вот одно из описаний подобной ситуации:

Wunder in allen Städten / was vor ein Geleufe nach dem Post-Hause in den Zeitungstagen ist / arger, als wenn man Spende austeilt [Berns 1987].

Чудо во всех городах / сколько людей на почте в «газетные» дни / такое возбуждение, будто там раздают денежную помощь.

Существование общественной дискуссии вокруг назначения и пользы газет не препятствовало популяризации и развитию этой информационной формы, обращенной, главным образом, к средним слоям общества: газеты существенно расширяли узкий круг повседневного чтения, ограниченного прежде Библией и религиозной литературой. Кроме того, газеты расширяли привычный, традиционный словарь, знакомя читателей с новыми заимствованными словами и со специальной терминологией разного плана.

Распространение информационных типов текста в Германии XVII в. с их очевидными новациями сопровождалось также развитием публичности как одной из форм открытого взаимодействия разных слоев общества и как способа вовлечения широких кругов читателей в коммуникативные процессы [Wolf 1993]. Потребность в открытой письменной коммуникации особенно отчетливо проявилась в XVI в. во время Реформации и Крестьянской войны, когда в печатных и рукописных листовках «на публику» выносились все спорные моменты идеологического противостояния, когда фактор коллективного адресата оказывался нередко сильнее аргументов споривших сторон. В XVII в. *публичность* благодаря развитию газетно-журнальной сферы и ее разнообразных текстовых форм начинает «перерастать» в *публицистичность*, которая была связана с более четким распределением функций источников информации и потребителей этой информации. Публицистичность, как одно из свойств периодической

печати, предполагала и определенное регулирование информационных материалов, их отбор, обработку, понимание запросов общества и умение представлять информацию в адекватной языковой форме. Если рассматривать XVII в. как период начального развития форм периодической печати, то газеты с ее признаками публицистичности в значительной, а, может быть, и в наибольшей степени способствовали преобразованию устно организованного общества немецкого Средневековья, построенного на устных традициях, в совершенно по-иному членимое общество Нового времени, опирающееся на письменную форму общения.

Заключение

Надежной теоретической опорой для изучения исторических преобразований в сфере культуры, в том числе и письменной, может служить мнение Ю. М. Лотмана: «Взгляд историка – это вторичный процесс ретроспективной трансформации. Историк смотрит на событие взглядом, направленным из настоящего в прошлое. Взгляд этот по самой своей природе трансформирует объект описания: хаотическая для простого наблюдателя картина событий выходит из рук историка вторично организованной, историку свойственно исходить из того, что произошло» [Лотман 1992, с. 33].

Процессы, ретроспективно оцениваемые как глобализационные, в комплексе охватывали разные стороны жизни немецкого социума. Влияние изобретенного в Германии в XV в. книгопечатания нередко сравнивается в научной и публицистической литературе с «эффектами» распространения Интернета и новых технологий в современном мире. При этом замечено, что в условиях кардинальных исторических преобразований происходят процессы разного рода, но в этих обстоятельствах отчетливо проявляется тенденция к упрощению, а не к усложнению дискурсов. В XVI в. глобализация проявила себя особенно отчетливо в преимущественной ориентации культуры, в том числе и словесной, на массового потребителя, что было поддержано не только техническими новшествами, но и идеологическими и социальными процессами. В современном мире с его претензиями на глобализацию, которая опирается на масштабные технические достижения, также наблюдается преобладание массовых форм культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М.* Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 6–25.
- Алпатов В. М.* Глобализация и развитие языков // Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М. : Издат. Дом ЯСК, 2017. С. 314–321. (Studia Philologica)
- Бабенко Н. С.* Раннее книгопечатание и его роль в развитии форм коммуникации // Язык. Закономерности развития и функционирования : сб. к юбилею Н. Н. Семенюк. М. : Калуга, 2010. С. 255–271.
- Бабенко Н. С.* Массовая литература в немецкой письменности XVI века: от шванка к роману (опыт исторической лингвопрагматики) // Культурно-историческая парадигма и языковые процессы. Слово. Язык. Словесность в истории и культуре. М. : Калуга, 2011. С. 352–371.
- Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М. : Искусство, 1990. 368 с.
- Гухман М. М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 2: Становление немецкого литературного национального языка. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. 203 с.
- Иванов В. В.* О некоторых принципах современной науки и их применении к семиотике малых (коротких) текстов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М. : Институт славяноведения РАН, 1988. С. 5–9.
- Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. Гнозис. М., 1992. 270 с.
- Мелетинский Е. М.* О структуре малых повествовательных жанров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М. : Институт славяноведения РАН 1988. С. 10–13.
- Степанов Ю. С.* Протей: Очерки хаотической эволюции. М. : Языки славянской культуры, 2004. 264 с.
- Рудакова Ж. И.* Роль гипотактических структур в смысловой организации текста ранних немецких газет : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 24 с.
- Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С.* Из истории текстовых новаций в немецкой письменности XVII столетия // Лингвистическая полифония : сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 254–264.
- Berns J.* Medienkonferenz im siebzehnten Jahrhundert. Literaturhistorische Beobachtungen zur Irritationskraft der periodischen Zeitung in deren Frühphase // Presse und Geschichte 2 – Neue Beiträge zur historischen Kommunikationsforschung. München ; London ; New York ; Oxford ; Paris : Saur, 1987. S. 185–206.

- Giesecke M.* Der Buchdruck in der frühen Neuzeit: Eine historische Fallstudie über die Durchsetzung neuer Informations- und Kommunikationstechnologien. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1998. 944 S.
- Hartweg F.* Die Rolle des Buchdrucks für die frühneuhochdeutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin : De Gruyter, 1985. 2. Hbd. S. 1415–435.
- Polenz P. von.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. I. Berlin, New York : De Gruyter, 1991. 507 S.
- Wellmann H.* Textbildung: (Nach der Frühzeit des Buchdrucks) // Deutsche Sprachgeschichte: Grundlagen, Methoden, Perspektiven. Festschrift für J. Erben zum 65. Geburtstag. Frankfurt a.M. : Peter Lang, 1990. S. 259–272.
- Wolf H.* Das Druckwesen im Lichte deutscher Vorreden des 16. Jahrhunderts // Arbeiten zum Frühneuhochdeutschen. Gerhard Kettmann zum 65. Geburtstag (= Würzburger Beiträge zur deutschen Philologie, Bd. XI.). Würzburg : Königshausen u. Neumann, 1993. S.136–156.
- Wörter, die Geschichte machen: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gütersloh, München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 217 S.

REFERENCES

- Alpatov V.M.* Jazykovej aspekt globalizacii // Jazyk v global'nom kontekste: Sovremennaja jazykovaja situacija kak sledstvie processa globalizacii. M. : INION RAN, 2018. S. 6–25.
- Alpatov V.M.* Globalizacija i razvitie jazykov // Japonistika. Teorija jazyka. Sociolingvistika. Istorija jazykoznanija. M. : Izdat. Dom JaSK, 2017. C. 314–321. (Studia Philologica)
- Babenko N.S.* Rannee knigopechatanie i ego rol' v razvitii form kommunikacii // Jazyk. Zakonomernosti razvitija i funkcionirovanija : sb. k jubileju N.N. Semenjuk. M. : Kaluga, 2010. S. 255–271.
- Babenko N.S.* Massovaja literatura v nemeckoj pis'mennosti XVI veka: ot shvanka k romanu (opyt istoricheskoi lingvopragmatiki) // Kul'turno-istoricheskaja paradigma i jazykovye processy. Slovo. Jazyk. Slovesnost' v istorii i kul'ture. M. : Kaluga, 2011. S. 352–371.
- Gurevich A.Ja.* Kul'tura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov (Exempla XIII veka). M. : Iskusstvo, 1990. 368 s.
- Guhman M.M.* Ot jazyka nemeckoj narodnosti k nemeckomu nacional'nomu jazyku. Ch. 2: Stanovlenie nemeckogo literaturnogo nacional'nogo jazyka. M. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1959. 203 s.
- Ivanov V. V.* O nekotoryh principah sovremennoj nauki i ih prilozhenii k semiotike malyh (korotkih) tekstov // Jetnolingvistika teksta. Semiotika malyh form fol'klora. I. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu. M. : Institut slavjanovedenija RAN, 1988. S. 5–9.

- Meletinskij E. M.* O strukture malyh povestvovatel'nyh zhanrov // Jetnolingvistika teksta. Semiotika malyh form fol'klora. I. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu. M. : Institut slavjanovedenija RAN 1988. S. 10–13.
- Stepanov Ju. S.* Protej: Očerki haoticheskoj jevoljucii. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 264 s.
- Rudakova Zh. I.* Rol' gipotaktičeskikh struktur v smyslovoj organizacii teksta rannih nemeckih gazet : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 24 s.
- Semenjuk N. N., Babenko N. S.* Iz istorii tekstovyh novacij v nemeckoj pis'mennosti XVII stoletija // Lingvističeskaja polifonija : sb. v chest' jubileja prof. R. K. Potapovoj. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 254–264.
- Berns J.* Medienkonferenz im siebzehnten Jahrhundert. Literaturhistorische Beobachtungen zur Irritationskraft der periodischen Zeitung in deren Frühphase // Presse und Geschichte 2 – Neue Beiträge zur historischen Kommunikationsforschung. München ; London ; New York ; Oxford ; Paris : Saur, 1987. S. 185–206.
- Giesecke M.* Der Buchdruck in der frühen Neuzeit: Eine historische Fallstudie über die Durchsetzung neuer Informations- und Kommunikationstechnologien. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1998. 944 S.
- Hartweg F.* Die Rolle des Buchdrucks für die frühneuhochdeutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin : De Gruyter, 1985. 2. Hbd. S. 1415–435.
- Polenz P. von.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. I. Berlin, New York : De Gruyter, 1991. 507 S.
- Wellmann H.* Textbildung: (Nach der Frühzeit des Buchdrucks) // Deutsche Sprachgeschichte: Grundlagen, Methoden, Perspektiven. Festschrift für J. Erben zum 65. Geburtstag. Frankfurt a.M. : Peter Lang, 1990. S. 259–272.
- Wolf H.* Das Druckwesen im Lichte deutscher Vorreden des 16. Jahrhunderts // Arbeiten zum Frühneuhochdeutschen. Gerhard Kettmann zum 65. Geburtstag (= Würzburger Beiträge zur deutschen Philologie, Bd. XI.). Würzburg : Königshausen u. Neumann, 1993. S.136–156.
- Wörter, die Geschichte machen: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gütersloh, München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 217 S.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 7 (823)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences Issue 7 (823)
--	---

Ответственный редактор выпуска 7 (823)

доцент С. А. Андреева

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскураков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 05.07.2019 г.
Усл. печ. л. 14,0. Формат 60х90/16
Заказ № 70/19

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна